
АМ
ИЗ КНИГ
А.М.
МАКАРОВА

1 M

1 M

1904
1914

M 900/647

В. МОЛОДОЙ.

ВОЙНА

И „Я“

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
НЕ-КОРРЕСПОНДЕНТА.

ЧАСТЬ I.

В. Молодой.

Война

и „я“.

(Изъ записной книжки не корреспондента).

ч. I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Императорскаго училища глухонѣмыхъ, Мойка 54.
1914.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

119-66

2022537132

Николай Платоновичъ Зарубаевъ,

командиръ 4-го Сибирскаго армейскаго корпуса.

(Съ фотографіи снятой 10 Іюля 1904 г. на позиціи у Дашичао).

Н. П. Зарубаевъ и его штабъ.

Съ фотографіи снятой въ ноябрѣ 1904 г. въ деревнѣ Хуаньшань.

Безупречной и свѣтлой памяти

Николая Платоновича Зарубаева

посвящаются эти страницы.

Памяти Николая Платоновича Зарубаева.

Роль покойнаго Николая Платоновича Зарубаева, какъ командира одного изъ тѣхъ корпусовъ, которые героически рѣшали серьезнѣйшія задачи въ минувшую войну, конечно, выяснена спеціалистами и знатоками въ спеціальной литературѣ. Тамъ возложенъ какъ бы оффиціальный лавровый вѣнокъ на могилу одного изъ немногихъ выдающихся дѣятелей, создавшихъ лишь яркія и славныя страницы этой трагической исторіи нашихъ несчастій...

Вотъ почему я не могу и не смѣю давать какую либо оцѣнку покойному, какъ военноначальнику.

Въ моей душѣ прочно хранится обликъ этого человѣка, который сдѣлалъ нѣчто и другое, кромѣ того, что связалъ свое имя съ незабвенными для всѣхъ насъ днями Дашичао, Ляояна, Хамытана... Онъ былъ подлиннымъ живымъ духомъ всего корпуса. Не было человѣка отъ рядового до ближайшихъ его помощниковъ, кто не олицетворялъ бы въ его фигурѣ всего корпуса.

Когда въ нудные, дождливые дни, пробираясь верхомъ изъ одной деревни въ другую, навѣщая расположенные тамъ полки корпуса, онъ нерѣдко сворачивалъ съ дороги лишь для того, чтобы подъѣхать къ одинокой, затерянной заставѣ изъ нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, здоровался съ ними и разговаривалъ — въ этомъ простомъ жестѣ большого начальника по отношенію къ солдату чувствовалась почти нѣжность и надо было видѣть улыбающіяся, довольныя лица солдатъ, чтобы оцѣнить значеніе этого жеста.

Когда утромъ 21-го Августа, въ послѣдній день Ляоянскаго боя пришло приказаніе командующаго отдать Ляоянъ, а въ эту минуту съ фортовъ неслось радостное „ура", какой непередаваемой скорбью прозвучала его фраза — „какъ же имъ сказать это?"

И когда онъ говорилъ „молодцы", „родные мои", благодаря за подвиги барнаульцевъ и томцевъ послѣ Дашичао, въ его устахъ эти слова звучали отъ всего сердца.

Эти сибиряки были для него дѣйствительно родными и дорогими его сердцу. Иначе чѣмъ можно объяснить то, что въ невылазную маньчжурскую грязь командиръ корпуса ѣдетъ верхомъ за 18—22 версты въ авангардъ на ротный праздникъ одной изъ ротъ сторожевого охраненія? И когда окружавшіе иногда отговаривали его отъ этой поѣздки, онъ отвѣчалъ, — что не

хочетъ обидѣть ни ротнаго командира, ни нижнихъ чиновъ. И главнымъ украшеніемъ этого блестящаго праздника и роскошнаго пира, гдѣ коробка сардинъ и полбутылки водки были рѣдкими деликатесами, конечно было это доброе, чуткое сердце старика, пріѣхавшаго поздравить роту его корпуса.

Весь походъ и въ дни боевъ онъ былъ верхомъ. Для его положенія, для его возраста эта мелкая черта отмѣчаетъ многое, особенно, если мы вспомнимъ другіе, столь непохожіе примѣры.

И у начальника штаба и у начальника артиллеріи корпуса такъ же были тарантасы, запряженные тройкой, но эти три тарантаса такъ и проѣздили всю войну въ обозѣ, вѣроятно къ великой радости истинныхъ аристократовъ нашего штаба—писарей.

Эта простота и истинная задушевность дѣлали его близкими ко всему корпусу, а главное давали тотъ тонъ исключительной благожелательности и дружбы, которыя царили и въ самомъ штабѣ и въ отношеніяхъ между штабомъ и строевыми частями.

Начиная съ чисто внѣшняго радушія и гостепріимства, съ которымъ каждый подпоручикъ-ординарецъ и начальникъ дивизіи одинаково встрѣчались въ штабѣ и до серьезныхъ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ—всегда строевой офицеръ пріѣзжалъ въ штабъ, не чувствуя того холоднаго,

мертвящаго ореола неприступности, высокомѣрія олимпійцевъ многихъ, многихъ штабовъ, которые мнѣ приходилось лично видѣть.

Въ другихъ штабахъ не каждый чинъ бывалъ допущенъ до рукопожатія командира корпуса, и не разъ приходилось слышать отъ пріѣзжихъ офицеровъ другихъ корпусовъ выраженія полнаго недоумѣнія, восхищенія и зависти по поводу тѣснаго дружескаго единенія нашего штаба съ строевыми частями корпуса.

А отсюда глядитъ уже другая значительная мысль — штабъ пользовался безусловнымъ авторитетомъ и довѣріемъ у тѣхъ, кто на своихъ плечахъ выносилъ великую работу войны.

Часто приходится слышать довольно таки чванную фразу, что штабъ есть мозгъ арміи; ее надо немного исправить и дополнить — „хорошій штабъ есть, дѣйствительно, мозгъ и сердце арміи“ и кромѣ того не надо забывать, что мозгъ и сердце сами питаются тою самою кровью, которая струится по всему тѣлу. По крайней мѣрѣ, примѣръ совмѣстной работы покойнаго Николая Платоновича съ своимъ штабомъ и съ своимъ корпусомъ даетъ основаніе къ такой формулировкѣ приведенной фразы-афоризма...

И насколько самъ Николай Платоновичъ цѣнилъ это единеніе и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы героическій трудъ славныхъ полковъ его корпуса и работа его штаба были достойны другъ друга,

видно изъ одного эпизода, относящагося къ сентябрьскому бою у Хамытана. Къ 4-му Сибирскому корпусу были присоединены части подъ командою генерала М.... Но образъ дѣйствія этихъ частей и ихъ командира былъ таковъ, что выведенный изъ себя Зарубаевъ отправилъ письмо командующему съ просьбой больше не назначать въ его корпусъ такихъ сотрудниковъ.

И когда въ послѣднемъ актѣ пережитой нами трагедіи, во время Мукденскаго отступленія, части 4-го Сибирскаго корпуса были разбросаны и раздерганы повсюду, и самъ Николай Платоновичъ по приказанію свыше то являлся командиромъ какихъ то, конечно, не имъ импровизированныхъ дружинъ, то командующимъ цѣлой арміей; когда строевыя части были оставлены, такъ сказать, безъ призора, попадали къ какимъ то незнакомцамъ, мѣнявшимся каждое утро и каждый вечеръ, какъ часто ежечасно и ежеминутно мы вспоминали другіе дни, когда мы составляли одинъ корпусъ и когда нами управляла одна воля!

Я лично, помня и зная, какъ работалъ нашъ штабъ и подъ Дашичао и въ Ляоянѣ, теперь, находясь уже въ строю, переживалъ какой то кошмаръ и положительно смертельную тоску...

Не самый бой, не страхъ и близость смерти были тяжелы, а то состояніе тупой и неодолимой безвѣстности, въ которую мы были погружены...

И когда лица, вступавшіе въ командованіе нами, проявляли полное равнодушіе и отчужденность, скрываясь гдѣ то въ невѣдомой дали, предоставляя насъ волѣ судьбы, мы ожидали одного— подъ однимъ изъ полученныхъ приказаній увидать подпись хоть кого нибудь изъ нашего штаба — тогда мы были бы покойны... Но нашъ штабъ былъ далеко и въ эти дни, увы, онъ былъ уже не нашъ! Мы увидѣли его и нашего командира корпуса только въ концѣ, 27 или 28-го Февраля.

Всѣ эти бѣглыя, разрозненныя впечатлѣнія и многія другія, касающіяся вообще уклада жизни штаба 4-го Сиб. корпуса и его командира въ теченіе всей войны — всѣ они объединены въ моей памяти чувствомъ глубокаго искренняго почитанія безупречной честности души покойнаго Николая Платоновича.

Эта именно честность не позволяла ему сѣсть въ коляску или въ купэ перваго класса въ тѣ дни, когда его корпусъ изнемогалъ въ походѣ и въ бою; эта честность имъ руководила въ его желаніи жить одною нераздѣльною жизнью съ его корпусомъ.

Своимъ обликомъ доступнаго и радушнаго человѣка, неутомимо - энергичнаго начальника, своимъ личнымъ примѣромъ неизмѣнной благожелательности въ отношеніяхъ съ людьми, онъ былъ создателемъ того чувства связи между

всѣми чинами корпуса, которое позволяло и позволяетъ даже теперь говорить „нашъ корпусъ“, „нашъ Зарубаевъ“.

Въ настоящее время и самаго корпуса нѣтъ, и командиръ его скончался два года тому назадъ, но въ наступающую десятилѣтнюю годовщину перваго нашего боя, боя у Дашичао, я приношу мой скромный вѣнокъ на могилу нашего дѣда, нашего Зарубаева, и глубоко вѣрю, что въ эти дни 10-го и 11-го Іюля много сердецъ всколыхнется въ приливѣ благоговѣйной грусти и немеркнущихъ воспоминаній...

И добрымъ словомъ и въ теплой молитвѣ всѣ мы вспомнимъ нашего стараго командира, отошедшаго теперь къ тѣмъ, кто уже десять лѣтъ тому назадъ уснули вѣчнымъ сномъ въ землѣ чужой, въ дорогихъ намъ могилахъ.

Необходимое предисловіе.

Перечитывая эти страницы теперь, черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ онѣ были написаны, я чувствую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наивный пате̇тизмъ или вычурность фразы, но ни въ одномъ словѣ не нахожу преувеличенія и ни одного слова не хочу исправить. Тѣ, кто были „тамъ", поймутъ, вѣрнѣе вспомнятъ, что пережитые „тогда" часы и дни, перечувствованныя потрясенія не могутъ быть преувеличены, потому что ихъ преувеличивать—это сдѣлать больше, чѣмъ можетъ вмѣстить душа.

Тѣ же, кто, читая эти страницы, не вспоминаютъ былого, а лишь видятъ въ нихъ „нѣчто отъ литературы" пусть будутъ снисходительны: эти страницы написаны были тогда, когда рука еще дрожала отъ только что пережитаго ужаса и волненія.

Мое положеніе позволяло мнѣ видѣть и слышать то, что не было доступно ни одному корреспонденту, и въ то же время я былъ настолько бездѣятеленъ и по своему характеру и по занимаемой мной должности, что могъ всецѣло отдаваться этому созерцанію.

Факты сами по себѣ, конечно, являются исторической цѣнностью, но мнѣ часто грезилась

лишь душа этихъ фактовъ, поэтому эпизодическая часть прошедшихъ около меня грандіозныхъ событій мною мало отмѣчена, а попытка коснуться души фактовъ, такъ тѣсно связана съ какимъ то „внутреннимъ дѣйствіемъ“, почти неуловимымъ и глубоко личнымъ, что я осмѣлился назвать эти страницы „Война и я“.

Однако, не одинъ разъ впослѣдствіи я думалъ о томъ, что никому не интересно это отображеніе громаднаго, почти космическаго явленія въ маленькой каплѣ личнаго „я“, но въ то же время я не могъ не думать и о томъ, что подобныя же переживанія могли быть у всѣхъ участниковъ этой великой страды, но среди нихъ было слишкомъ мало такихъ бездѣльниковъ и созерцателей, которые имѣли бы возможность часы и цѣлыя ночи посвящать своимъ „переживаніямъ“, а присяжные созерцатели, корреспонденты, отъ самаго талантливаго и честнаго среди нихъ, до пошлаго враля не могли по существу самого дѣла многое знать и видѣть, а главное—у нихъ не могло быть самаго глубокаго и рѣшающаго ощущенія—ощущенія себя, какъ мельчайшей частицы огромнаго организма арміи — они все таки вездѣ и всегда были „чужими“; каждый изъ нихъ могъ куда нибудь поѣхать, а могъ и не поѣхать; у нихъ была свобода выбора, которой не было у насъ... Да и у насъ эта свобода была разной степени— я могъ поѣхать на гору смотрѣть бой у Даши-

чао, а могъ и быть занятымъ чѣмъ либо другимъ и во многомъ былъ предоставленъ себѣ, но мой товарищъ въ строю, ротный командиръ, каждый изъ солдатъ этой роты, уже не были свободны—они шли только туда, куда кто то ихъ посылалъ, и вотъ тутъ и только тутъ во всей чистотѣ и величіи вырисовывается идея долга, единственная идея неумолимо побѣждающая фактъ и чувство настолько реально, что сама начинаетъ дѣлаться какъ бы ощущеніемъ неизбѣжнымъ и повелѣвающимъ...

Все это очень просто, просто какъ день, но мы лишь знаемъ это. А знать что либо часто бываетъ мало. Мало знать, что сейчасъ весна, мало видѣть что вокругъ насъ раскинутъ весенній день, надо чувствовать трепетъ и ласку этого сіяющаго дня. То же можно сказать и о сумракѣ глубокой, черной ночи и о тяжелыхъ ударахъ бури и непогоды.

И тѣ, кто переживалъ эту бурю и безотрадную ночь въ теченіе 18—20 мѣсяцевъ несчастной войны, всѣ они, думается, чувствовали приблизительно одно и то же — вотъ почему слово „я“ въ заглавіи этихъ страницъ не относится исключительно только къ личности автора.

$\frac{10-11}{V}$ 04. Отъ послѣдней станціи передъ Байкаломъ желѣзная дорога извивается среди загроможденныхъ горъ, а съ лѣвой стороны все время катится быстрая Ангара, вся покрытая глыбами иглистаго послѣдняго льда. Справа почти что лѣто, правда непривѣтливое и суровое, подъ стать этимъ дикимъ гранитнымъ вершинамъ, убраннымъ густымъ лѣсомъ, а съ другой стороны холодъ и безпрерывный трескъ плывущаго льда. Поѣздъ, какъ прыткая змѣя, скользитъ среди надвинувшихся къ самому берегу горъ, гулко стуча по рельсамъ, когда гранитныя глыбы почти касаются вагона.

Съ нетерпѣніемъ ждешь, когда же покажется Байкалъ, это бурное, величавое море-озеро.

Вотъ оно! Неожиданно бѣло-туманной пеленой открылось оно за однимъ изъ поворотовъ. Горы раздвинулись, и, казалось, небо, покрытое густыми облаками, сливалось съ землей.

Черты горизонта видно не было. Ледъ, плывущій по Ангарѣ, точно выбрасывался изъ огромнаго котла, кипящаго бѣлой пѣной, которую стремительно уносила рѣка. Байкалъ былъ въ туманѣ.

Холодный и суровый привѣтъ былъ намъ отъ этого исполина, точно нежелавшаго снизойти до надоѣвшихъ ему, суетящихся людей. Онъ спалъ, укрытый тяжелымъ покровомъ и, насколько хваталъ глазъ, вся поверхность его была устлана непрерывными полосами желтоватаго, иногда почти синяго, цвѣта—то ледъ, взломанный ледоколомъ, въ иныхъ мѣстахъ оставлялъ обнаженнымъ тѣло Байкала.

Холодный, пронизывающій вѣтеръ дулъ съ озера. Ни смотрѣть, ни любоваться было нельзя и нечѣмъ.

Часа черезъ полтора я вышелъ опять наверхъ, на прибрежную гору. У берега и дальше на много верстъ Байкалъ былъ свободенъ отъ льда—Ангара унесла его. Темныя, темныя волны, испещренныя морщинами, ходили по озеру. Дальше начиналась однообразная бѣлая равнина вплоть до едва виднаго берега—то оставшійся ледъ еще на десятки верстъ стоялъ на своемъ мѣстѣ. И на томъ берегу синія горы причудливыми силуэтами рисовались на облачномъ небѣ, мѣстами сливаясь съ облаками, а тамъ, гдѣ вершины ихъ были видны, тамъ эти вершины были засыпаны снѣгами, сіявшими на солнцѣ, стоявшемъ выше облаковъ и посылавшимъ въ промежутки свои лучи этимъ увѣнчаннымъ великанамъ. Это сіяніе снѣга на синемъ фонѣ далекихъ горъ, эта борьба свѣта и сумрачныхъ тѣней своимъ восхитительнымъ сочетаніемъ сапфира и жемчуга производитъ сказочное волшебное впечатлѣніе.

А Байкалъ злился. Вѣтеръ нагонялъ ледъ все ближе и ближе, горы начинали опять укутываться въ облака, и синяя даль береговъ опять поблекла, побѣлѣла. Опять холодъ, опять зима.

Къ вечеру вдали показался ледоколъ. Сначала былъ виденъ лишь дымъ, поднимавшійся темнымъ облакомъ на бѣлой равнинѣ далекихъ льдовъ. Очень медленно подвигался впередъ этотъ гигантъ, сооруженный чудными усиліями человѣческой мысли и денегъ. Видно было, съ какимъ трудомъ, съ какой исполинской мощью разрушается покровъ и возмущается покой другого гиганта. Грозный Байкалъ, бездонное бурное море, краса и гордость Сибири, обитель могущественныхъ боговъ, закованный въ самодѣльную броню, сдѣланную изъ его собственнаго тѣла, боролся съ другимъ Байкаломъ, которому иная волшебница, культура, дала несокрушимое тѣло, одѣтое страшной, рѣжущей и дробящей одеждой изъ стали... боролись и были достойны другъ друга, какъ единственная пара равныхъ по силамъ соперниковъ.

Старикъ Байкалъ не хотѣлъ уступить молодому, потому что хотя ледоколъ неумолимо крушилъ и пронизывалъ ледъ, но въ то же время видимо сильно рисковалъ своей судьбой—борьба была упорна и ожесточенна. Думалось, что необъятный Байкалъ поглотитъ когда нибудь безслѣдно въ свои нѣдра пароходъ, и долго долго придется ждать древнему исполину, когда народится новый

смѣльчакъ, бороздящій въ угоду человѣка грудь старика и срывающій безвременно его одежду. Часа четыре прошло, прежде чѣмъ ледоколъ подошелъ совсѣмъ близко. Осторожно, оберегая и себя и прибрежное сооруженіе, вошелъ онъ въ свою вилу. Загремѣли гигантскія цѣпи мостка, по которому входитъ поѣздъ въ огромныя ворота ледокола. Началась нагрузка.

Одинъ за другимъ входили вагоны словно въ раскрытую пасть чудовища, пыхтѣвшаго густыми клубами дыма изъ своихъ четырехъ трубъ. Люди, лошади, весь поѣздъ были такъ ничтожны въ сравненіи съ нимъ, могучимъ и непоколебимымъ! Его стальное тѣло было неподвижно и невозмутимо. Черезъ часъ вся суета окончилась, раздался свистокъ, опять загремѣли цѣпи, закипѣла вода подъ винтами, и ледоколъ началъ отходить.

Первые полчаса мы шли по свободной водѣ. Пыхтѣлъ и дымилъ огромный пароходъ, и прежнее очарованіе начинало проходить. Накрапывалъ дождь, была холодная и темная ночь; ослѣпительный лучъ прожектора далеко впереди упирался въ темную искрящуюся поверхность воды и словно искалъ невидимаго противника. Наконецъ ледъ показался.

Смѣло, увѣренный въ своей силѣ, „Байкалъ" идетъ прямо на бѣлую равнину нескончаемаго поля льда. Въ первый моментъ встрѣчи слышенъ оглушительный трескъ, и ходъ замѣтно ослабѣваетъ.

Огромный таранъ изъ нѣсколькихъ зубьевъ рѣжетъ сопротивляющіяся глыбы, а болѣе крѣпкія, устоявшія отъ удара стального зуба, либо отбрасываются въ сторону, либо, попавъ внизъ, дробятся страшной тяжестью надвигающагося на нихъ ледокола. Вода кипитъ, страшный водоворотъ увлекаетъ огромныя льдины и онѣ бьются другъ объ друга или объ стальныя стѣны богатыря—„Байкала". Позади остается широкая полоса воды, клокочущей и бурной, очищенной отъ льда. Огромное тѣло ледокола вздрагиваетъ отъ напряженія и мощныхъ ударовъ разгромленныхъ льдинъ. Порывы холоднаго вѣтра несутъ снѣжную метель и вьюгу; пронизывающій холодъ и сырость заставляютъ уйти всѣхъ въ каюту и, сидя тамъ, хорошо слышно, какъ льдины ударяютъ въ стѣну, шипятъ и трещатъ.

Уютная каюта, мягкій электрическій свѣтъ, газета или приличный буфетъ заставляютъ позабыть о мѣстѣ и времени, но тогда сейчасъ же зловѣщій, несмолкающій шорохъ льдинъ напоминаетъ о безпокойной дѣйствительности.

Иногда встрѣчается масса льда, непроницаемая даже для этой колоссальной силы; тогда „Байкалъ" останавливается, тихо, тихо отходитъ назадъ и разбѣжавшись, со злостью, со страшнымъ скрежетомъ врѣзывается въ упорнаго врага... тогда уже не выдерживаетъ старый Байкалъ и должно быть съ особенной страстью помышляетъ о часѣ мще-

нія, а стальной герой неумолимо, безпощадно дробитъ ледъ, идетъ своей дорогой и зло смѣется надъ старикомъ, который едва ли найдетъ у себя преграду, непроходимую для могучаго ледокола.

До утра длилась эта удивительная борьба двухъ Байкаловъ, всю ночь мы были свидѣтелями этого грандіознаго зрѣлища, одной изъ картинъ вѣчной, упорной борьбы человѣка и природы. Въ четыре часа утра ледоколъ присталъ къ станціи Танхой.

$\frac{14}{V}$ Ст. Маньчжурія. Это совсѣмъ новое мѣсто. Новые люди, слышны новые разговоры, чувствуется близость того важнаго, ради чего везли насъ тысячи верстъ черезъ непроглядныя степи, дикіе лѣса и горы, черезъ всю широкую Сибирь.

Прежде всего бросается въ глаза необычное въ этихъ унылыхъ мѣстахъ скопленіе народа—это бѣглецы, покинувшіе города, гдѣ оставаться уже было не безопасно. Правда въ этой толпѣ, пожалуй, больше половины хищниковъ: это вездѣсущіе евреи, обрѣтшіе въ новыхъ краяхъ свой новый Іерусалимъ; какіе то джентльмены съ неопредѣленнымъ настоящимъ и уже совершенно темнымъ прошлымъ, и цѣлая стая вспугнутыхъ громомъ войны легкомысленныхъ птичекъ, „безпокойная ласковость взгляда“ которыхъ здѣсь особенно жалка и неумѣстна—это все хищники, безпощадные и опасные, но здѣсь въ этой толпѣ, безпо-

мощно брошенной на платформѣ въ ожиданіи поѣзда, они скорѣе ничтожны и жалки. За столомъ на станціи идутъ разговоры о недавнемъ нападеніи хунхузовъ на одну изъ станцій возлѣ Хайлара. Это уже недалеко. Разсказы, конечно, преувеличены больше слышно: „говорятъ", „разсказываютъ", „навѣрное" и прочія выраженія, очень понижающія цѣнность сообщаемыхъ новостей, но все таки все окружающее носитъ на себѣ отпечатокъ надвигающейся опасности, и эти разговоры и слухи не исчезаютъ безслѣдно для тѣхъ, кто ихъ слышитъ.

Цѣны на все неимовѣрныя, положительно грозитъ опасность, если не умереть съ голоду, то во всякомъ случаѣ съ небывалымъ до сихъ поръ вожделѣніемъ помышлять о самыхъ обыкновенныхъ кушаньяхъ, которыя теперь особенно вкусны и въ то же время почти недоступны.

Вмѣсто дневки мы простояли всего часа четыре. Видимо спѣшили насъ отправить дальше въ Харбинъ или Ляоянъ. Дорога началась опять однообразная и скучная. Ѣхали по обширной равнинѣ, окаймленной холмами. Эти холмы выростали почти отдѣльными шишками на ровной поверхности, такъ что пейзажъ былъ похожъ на произведеніе неумѣлой руки ребенка, который хотѣлъ изобразить видъ въ горахъ. Ни кустика, ни дерева, все мертво и тихо и кажется, пожелай только хунхузы, вся дорога была бы испорчена и

разграблена. Но это только кажется: казачьи разъѣзды шныряютъ въ этихъ холмахъ и по всей полосѣ дороги верстъ на пятнадцать и отъ нихъ не укроется ни одинъ подозрительный путникъ.

Степь дѣлается все зеленѣе, замѣтно какъ проѣзжаемъ дальше и дальше на югъ. Ѣдемъ уже по китайской территоріи.

Вотъ она небесная Имперія, неразгаданная еще загадка Востока. Черезъ ея владѣнія провели дорогу, наставили войска, хозяйничаютъ и распоряжаются иноземцы, а она огромная, неподвижная, словно спитъ непробуднымъ сномъ. Страшныя перспективы рисуются при мысли, а что если вся эта многомилліонная страна проснется, какъ проснулись японцы, рванется страстнымъ порывомъ на незванныхъ гостей и страшной волной возстанія охватитъ весь этотъ край? Вѣдь эта, хотя бы невооруженная даже орда, затопитъ своими тѣлами цѣлыя области, наводнитъ ихъ милліонами людей, презирающихъ смерть и съ ужаснымъ спокойствіемъ смотрящихъ ей прямо въ глаза. Когда видишь эти необозримыя равнины, пустыя и унылыя, словно ждущія къ себѣ пахаря, готовыя принять его зерно на свою еще не тронутую плугами грудь, когда въ глазахъ чуть не каждаго китайца словно видишь какую то серьезную, вдумчивую черту, замаскированную его уродливою внѣшностью, тогда невольно вспоминается пророчество нашего покой-

наго философа, вдохновенно прозрѣвшаго жизнь будущаго вѣка и грядущую грозу съ Востока. Желтая опасность не мечта, жизненность ея не ограничится пророчествомъ философа, аллегорическими картинами мудраго императора, трактатами историковъ и нотами дипломатовъ.

Я видѣлъ нѣсколькихъ стариковъ китайцевъ, просящихъ милостыню: они жалки и возбуждаютъ сожалѣніе съ ихъ выцвѣтшими глазами, съ остатками косы и нѣсколькими бѣлыми волосами скудной бороды, но и въ этихъ слезливыхъ глазахъ, видавшихъ многое на своемъ вѣку, временами вспыхивало нѣчто такое, что отожествляло этого одного угасающаго человѣка съ огромной Имперіей, прожившей тысячи лѣтъ, еще неуспѣвшей сказать свое слово исторіи, но видимо уже готовой къ выходу на всемірную сцену.

Горы сбѣгались все ближе и ближе къ дорогѣ, и наконецъ поѣздъ началъ извиваться по ущельямъ, прорѣзаннымъ въ холмахъ, которые все росли и росли. Вся природа тутъ построена, какъ бы по умѣренному масштабу: горы не высоки и не низки, лѣсъ ни большой, ни маленькій, въ воздухѣ ни тепло, ни холодно. Передъ Бухеду мы проѣхали тоннель длиною въ двѣ съ лишнимъ версты. Тоннель бережно охраняется спеціальной командой, днемъ и ночью освѣщенъ электричествомъ, которое впрочемъ при проходѣ поѣзда совсѣмъ незамѣтно, такъ сильно все наполняется дымомъ. Не-

далеко отъ этой станціи два дня назадъ была стычка съ хунхузами. Поразительно хладнокровіе и полное равнодушіе къ такимъ происшествіямъ со стороны пограничниковъ: для нихъ это самое обычное дѣло, о которомъ не стоитъ толковать, а тѣмъ болѣе безпокоиться.

„Наткнулись мы на нихъ, ну и накрыли“ (хладнокровный плевокъ въ сторону).—„Ну и что же?“ „Ну и побили, настрѣлялись здорово“. — „А сколько же убили ихъ?“ „А не знаю, кто ихъ знаетъ? не считали; нашихъ вотъ двухъ сегодня хоронили. Недѣли двѣ тому назадъ случился у насъ пожаръ недалеко отъ станціи, загорѣлась китайская фанза, два китайца вовсе сгорѣли, а третій только обгорѣлъ, да и лежитъ теперь одинъ“.— „Ну что-жъ? вы его кормите“.—„А что его кормить, онъ самъ кормится, поползаетъ, травы пожретъ и довольно; вотъ въ понедѣльникъ (разговоръ происходитъ въ пятницу) я ѣздилъ за рыбой мимо, бросилъ рыбицу ему“.

Умеръ ли кто, убитъ, лежитъ ли полуобгорѣвшій, безъ помощи, голодный на дождѣ и холодѣ— это все такъ просто, такъ обыденно. А можетъ быть это съ нѣкоторой стороны хорошо? Жизнь человѣка перестаетъ быть такой драгоцѣнностью, такимъ исключительнымъ двигателемъ всѣхъ нашихъ мыслей, чувствъ и поступковъ; инстинктъ самосохраненія парализуется постояннымъ напряженіемъ своимъ, и вотъ—полное спо-

койствіе, презрѣніе къ опасности, привычка ожиданія смерти.

Луна взошла уже высоко. Было поздно. Поѣздъ подходилъ къ станціи. Мы только что прошли тоннель и много тѣснинъ, прорѣзавъ густую цѣпь горъ и выходили на ровную степь: тутъ у подножія горы пріютилась станція и кругомъ ея нѣсколько домиковъ. Вся безбрежная даль степи, и толпившіяся позади горы и эти маленькіе каменные дома—все было залито свѣтомъ полной луны и все было отчетливо видно въ этомъ крохотномъ селеніи, затерянномъ среди пустыни далекой Маньчжуріи. Нѣсколько семей пришли сюда за кускомъ хлѣба, поселились въ чужомъ краю, отрѣзанные отъ всего міра на тысячу верстъ, одни, во власти суровой природы, и подъ страхомъ постоянной опасности нападенія грабителей хунхузовъ. Нѣкоторые дома расположились возлѣ дороги, и черезъ освѣщенныя окна видна была скромная, но уютная обстановка семейной жизни: гдѣ пили чай,—нѣсколько человѣкъ сидѣли за самоваромъ; гдѣ просто коротали вечера, только мы въ поѣздѣ ѣхали куда то еще дальше, оставивъ все позади и не зная, что будетъ впереди. Было грустно, хотѣлось войти къ этимъ чужимъ лицамъ, попросить у нихъ позволенія хоть полчаса посидѣть на стулѣ за столомъ, видѣть свѣтъ лампы, слышать шумъ самовара, хоть на полчаса уйти изъ надоѣвшей дорожной обстановки, забыться отъ тряскаго, гудящаго вагона,

чтобы хоть нѣсколько минутъ побыть въ жиломъ домѣ, увидѣть обстановку, въ которой навѣрное мелькнутъ знакомыя черты далекихъ и дорогихъ мелочей...

Поѣздъ совсѣмъ замедлилъ ходъ. Около самой дороги былъ разбитъ небольшой садикъ; густые кусты закрывали окна, деревянная скамейка пряталась въ этихъ кустахъ, а на скамейкѣ съ полной беззастѣнчивостью, на которую способны только влюбленные, переживающіе лучшіе дни своей любви, сидѣли близко другъ къ другу двое. Ихъ лица были обращены къ поѣзду и ярко освѣщены луной; онъ одной рукой обнималъ ее; а другая рука сжимала ея опущенныя на колѣни руки; оба они, счастливые и улыбающіеся, словно посылали вызовъ ѣдущимъ мимо ихъ. И здѣсь то же самое! Здѣсь въ странѣ, надъ которой уже нависли темныя тучи, здѣсь, гдѣ два дня назадъ слышались выстрѣлы, и зарево пожара свѣтило вдали, любовь весело и беззаботно свила свое гнѣздо... Можетъ быть, это первая ночь, когда они, успокоившись отъ недавнихъ волненій, могутъ сидѣть и слушать тишину этой лунной ночи, а можетъ быть, завтра опять запылаетъ зловѣщая сторожевая вѣха, опять загремятъ выстрѣлы, и эта ночь — ихъ послѣдняя ночь? И необыкновеннымъ очарованіемъ вѣяло отъ этой идилліи, въ другое время показавшейся бы приторной, комичной или безстыдной.

Я стоялъ одинъ у окна — спутники мои рано

ложились спать—мнѣ хотѣлось видѣть этихъ двухъ счастливцевъ, беззаботныхъ близъ опасности и безконечно счастливыхъ наканунѣ несчастья, и въ то же время что то удерживало высунуться изъ окна и открыто смотрѣть на нихъ, словно ихъ беззастѣнчивость заставила меня смутиться и спрятаться. Еще минута, и они скрылись изъ моихъ глазъ за какимъ-то строеніемъ, поѣздъ подошелъ къ платформѣ, загремѣлъ тормазъ, засвисталъ кондукторъ, ударилъ звонокъ... Занавѣсъ упалъ, но до сихъ поръ у меня въ глазахъ эта прелестная картинка въ такой необычной рамѣ!..

Утромъ мы ѣхали опять по гладкой равнинѣ, ни горъ, ни холмовъ даже въ дали не было видно. Степь была еще свѣжа и покрыта зеленой, весенней травой,—придетъ лѣто, все будетъ сожжено безжалостнымъ знойнымъ солнцемъ, и тогда степь сдѣлается унылой, мрачной пустыней. Словно по недоразумѣнію или досадной случайной оплошности Творца, на этой гладкой однообразной поверхности изрѣдка попадается одинокое дерево, а кругомъ его ни кустика—стоитъ оно одно, печальное, словно стыдясь и недоумѣвая, зачѣмъ и какъ оно сюда попало.

Ближе къ Цицикару, возлѣ дороги начинаютъ встрѣчаться китайскія деревушки: нѣсколько глиняныхъ домиковъ, нѣсколько деревьевъ и кое-гдѣ глиняная, невысокая стѣнка,—вотъ все, что видно съ поѣзда. Станціи принимаютъ все болѣе и болѣе

воинственный видъ: построены казармы, высокіе сторожевые маяки, всюду видны солдаты и офицеры. Офицеры, можно сказать, одѣты нарядно: рейтузы самыхъ новѣйшихъ фасоновъ, безукоризненные кителя или щегольскія чесунчовыя рубашки.

На одной станціи около поѣзда собралась толпа китайцевъ-торгашей; среди нихъ толкался нищій ободранный и жалкій. Одному изъ власть имущихъ не понравился этотъ хилый, повидимому забитый, старикъ.—„Эй, направь-ка его—надоѣлъ“. Бравый пограничникъ направился къ китайцу: тотъ еще во время отданія внушительнаго приказанія началъ торопливо уходить въ сторону, а когда увидѣлъ, что къ нему приближается унтеръ съ шашкой и револьверомъ, въ шпорахъ и прочихъ регаліяхъ, онъ бросился бѣжать, но исполнительный и быстрый стражъ быстро догналъ его и двумя тумаками повалилъ на землю; толкнувъ еще ногой, видимо для окончательной отдѣлки, пограничникъ сплюнулъ въ сторону и вернулся на свое мѣсто. Китаецъ всталъ, отошелъ еще нѣсколько шаговъ и остановился за кучей кирпича и уже оттуда глядѣлъ на поѣздъ, на смѣющуюся толпу солдатъ и охранниковъ — если-бы этотъ раскормленный распорядитель, по видимости годный лишь для улучшенія породы хилыхъ японцевъ, если-бы онъ видѣлъ этотъ взглядъ, полный недоумѣнія, страшной злобы, если бы онъ видѣлъ и эти шевелящіяся губы, шептавшія что то, ему бы стало или

стыдно, или страшно... Даже русскіе мальчишки безжалостно бьютъ китайчатъ-нищихъ, явно сознавая свое превосходство, свое привиллегированное положеніе съ малыхъ лѣтъ. Вотъ сюда, вотъ на эти мелочи взглянули бы дипломаты, историки, администраторы... Многое бы сдѣлалось имъ понятнымъ, если бы они увидѣли и услышали, что здѣсь слова „китаецъ“ и „собака“ синонимы во всѣхъ отношеніяхъ.

...Хороша ночь въ этой необозримой пустынѣ. Воздухъ особенно чистъ и прозраченъ, изрѣдка дуновеніе вѣтра приноситъ съ собой бодрящую, свѣжую струю, кругомъ такъ все покойно и тихо, словно не здѣсь, быть можетъ скоро, разразится гроза войны; степь безграничная и гладкая, какъ столъ, протянулась насколько хватаетъ глазъ во всѣ стороны; спитъ она, словно чье-то огромное тѣло лежитъ неподвижно, а на немъ безпокойныя маленькія существа суетятся, гремятъ, убиваютъ другъ друга, волнуются, воображаютъ, что весь міръ трещитъ по швамъ отъ ихъ волненій и страстей!..

$\frac{17}{V}$ 14. Харбинъ — столица Маньчжуріи. Большой, широко раскинувшійся, городъ съ однообразными кирпичными постройками; всѣ эти дома производятъ впечатлѣніе наскоро построенныхъ казармъ, такъ они неуклюжи и невзрачны. На станціи множество офицеровъ, рядъ самыхъ неожиданныхъ встрѣчъ давно невидавшихся сослужив-

цевъ и однокашниковъ. Гулъ разговора стоитъ въ залѣ: вспоминаютъ былые года, дѣлятся впечатлѣніями дороги; близко склонившись одинъ къ другому, сообщаютъ послѣдніе слухи съ театра войны. А слуховъ и новостей сколько угодно. Вѣроятно, эта тыловая жизнь располагаетъ съ созданію послѣднихъ и самыхъ вѣрныхъ извѣстій „оттуда". Было бы любопытно ежедневно записывать все, что будутъ говорить о текущихъ дѣлахъ и при этомъ всегда указывать источникъ того или другого слуха; такъ можно было бы записать, если не всю исторію кампаніи, то во всякомъ случаѣ главнѣйшіе ея моменты не по документамъ, а „по совѣсти" слышавшихъ или видѣвшихъ что-либо интересное *). Съ Харбина начинается уже настоящая китайщина.

Стараюсь вспомнить отрывочныя свѣдѣнія изъ курса географіи о Китаѣ и вспоминаю только о его густомъ населеніи. Больше этого знанія о Китаѣ не идутъ. Мукденъ, Ляоянъ, даже Портъ-Артуръ— всѣ они вѣдь только съ января стали намъ извѣстны. Не знаю, виноватъ-ли кто или нѣтъ въ такомъ курьезѣ: до сихъ поръ отлично помню всѣ притоки Миссисипи, Амазонки, даже знаю, что „изъ Эри въ Онтаріо течетъ Ніагара, шумитъ же она посильнѣй самовара", но что такое Маньчжурія, рѣши-

*) У автора хранится любопытный списокъ всѣхъ разсказовъ, сплетенъ, небылицъ, которые ему доводилось слышать,—все это записано, и въ большинствѣ случаевъ отмѣчены источники. На № 146 эта „лѣтопись" оборвалась (послѣ боя у Ляояна).

тельно не представляю себѣ. Вспоминаю еще аналогичный курьезъ изъ позднѣйшей школьной жизни: когда на репетиціяхъ тактики, чтобы восполнить ощутительные пробѣлы въ знаніи билетовъ о развѣдкахъ и разъѣздахъ, я пускался въ ненужное пустословіе о томъ, что долженъ взять съ собой исправный офицеръ, какъ то: часы, компасъ, циркуль, револьверъ и прочіе необходимые атрибуты, до портрета невѣсты включительно,—такіе отвѣты оцѣнивались полнымъ балломъ, когда же случилось забыть, въ которомъ часу въ Бородинскомъ сраженіи какая-то бригада, кажется, Боннеми, куда-то скакала и кого-то рубила, мнѣ это сурово поставили на видъ и оцѣнили 9-ю баллами. Хотѣлось бы гдѣ-нибудь встрѣтить нашего репетитора по тактикѣ, бойкаго и апломбистаго „момента"!.. Но теперь, кажется, придется географію Маньчжуріи изучить основательно и о Китаѣ узнать что-нибудь еще, кромѣ его густой населенности.

Въ Харбинѣ мы простояли всего три часа вмѣсто дневки и были отправлены дальше въ Ляоянъ. Вѣсти оттуда плохія: сегодня въ Харбинѣ есть извѣстія, что перешеекъ передъ Портъ-Артуромъ занятъ японцами, а у насъ отобраны 170 орудій. О, какъ теперь близки моему сердцу эти извѣстія о неудачахъ, словно это касается самыхъ близкихъ моихъ личныхъ интересовъ! Начинаешь утѣшать себя мыслью, можетъ быть это только слухи, преувеличенія, но на душѣ безпокойно и не-

хорошо. До какихъ же поръ будутъ эти неудачи? При нѣкоторыхъ мелочахъ беретъ злость: нашъ воинскій поѣздъ проходитъ черезъ мостъ—бѣгутъ жандармы и кондуктора запирать окна и двери, чтобы не было выброшено что-нибудь вредоносное, а позицію у Тюренчена, какъ сегодня разсказывали, проспали и не видѣли, какъ она была окружена къ утру японцами.

Безсильная злоба ужасная вещь—но какъ для кого: напримѣръ, я знаю, что я лично подѣлать тутъ ничего не могу и для меня эта увѣренность смягчаетъ злобу; а бѣдный Куропаткинъ, какъ онъ долженъ страдать, зная о небрежности нашихъ „кое-какъ". Вѣдь на него теперь смотритъ буквально весь міръ, ждетъ подвига, не зная о томъ, что командующему арміей не меньше труда стоитъ побороть сначала россійскую халатность, а потомъ уже парализовать японскую предпріимчивость и быстроту, и онъ, этотъ далекій и чуждый мнѣ человѣкъ, дѣлается почти дорогъ и близокъ, когда теперь я ясно представляю себѣ всю тяжесть его труда, страшную отвѣтственность его положенія во главѣ сотенъ тысячъ людей, и это чувство тѣмъ сильнѣе, что тутъ воочію видно все то, что создаетъ около него этотъ ореолъ величія, исключительности среди милліоновъ остальныхъ русскихъ. Онъ одинъ за всѣхъ! Неужели это такъ трудно понять, а если понятно, такъ какъ же не чувствовать себя обязаннымъ выполнить все до конца?

Можно не сочувствовать войнѣ, проклинать ее какъ зло, препятствовать ей, сохраняя миръ, но когда она уже разразилась, безполезно и нелѣпо проклинать и бездѣйствовать: вмѣсто одного зла рождаются тысячи другихъ худшихъ.

$\frac{19}{V}$ 04. Мукденъ и Ляоянъ—два имени, которыя теперь повторяются съ тревогой и жаднымъ любопытствомъ всѣми. Много чувствъ пробуждается по мѣрѣ того, какъ эти города все ближе и ближе. Но, думается, что эта чувствительность, вызванная новизной необычной обстановки, скоро пройдетъ. Глядя на вспаханныя поля, правильными рядами бѣгущія возлѣ дороги, на эти почти непрерывныя деревни, отдѣльные домики, спрятанные въ тѣни густыхъ деревьевъ, не вѣрится, что здѣсь скоро ожидаютъ кровавыхъ сраженій. Что останется отъ этихъ полей и деревень?

Красиво здѣсь и какъ то уютно. Съ одного мѣста можно видѣть и цѣпь горъ, и долины, и вьющіяся въ нихъ рѣки, все зелено и свѣжо, рощи стоятъ небольшими островками на этомъ морѣ яркой зелени холмовъ и долинъ. Отъ этой картины южной природы, только что обновленной лаской весны, вѣетъ удивительной бодростью молодой и сильной жизни. Около дороги часто встрѣчаются посты пограничной стражи—небольшія крѣпостцы изъ кирпича съ бойницами и угловыми башнями, солидныя закрытія отъ нападенія хунхузовъ для одной—двухъ ротъ. Стычки съ разбойниками тутъ

бываютъ ежедневно и носятъ иногда почти комическій характеръ: напримѣръ, 16 пограничниковъ не только отбили нападеніе сотни хунхузовъ, а отправились ихъ преслѣдовать, вышли съ поста, разсыпали цѣпь, назначили резервъ и начали перебѣжками подвигаться по всѣмъ правиламъ разсыпного строя до тѣхъ поръ, пока оттѣснили грабителей въ горы.

$\frac{20}{V}$ 04. Дорога отъ Мукдена до Ляояна была нѣсколько тревожна, по крайней мѣрѣ въ мысляхъ и ожиданіяхъ; всюду построены укрѣпленія, иногда въ отдаленіи видны лагери; китайцы копошатся на своихъ поляхъ, точно ихъ не касается война; неужели они ожидаютъ урожая на этихъ поляхъ, которыя будутъ изборождены и изуродованы? За много верстъ до Ляояна видна его островерхая башня „ляоянская кампанелла", памятникъ побѣдъ корейцевъ надъ японцами (построютъ ли русскіе такую же?); верстъ за восемь до Ляояна на огромной горѣ видно сверкающее зеркало геліографа. Потянулись безчисленныя предмѣстья, забѣлѣли палатки, выросла огромная башня; всюду флаги, вывѣски управленій, снуютъ ординарцы и посыльные. Только что остановился поѣздъ у вокзала, началась сутолока, обычная и неизбѣжная въ такихъ случаяхъ, но хотя мы и привыкли къ ней, всетаки тутъ она превзошла всѣ, бывшія ранѣе: на вокзалѣ не нашли ни коменданта, ни дежурнаго по станціи. Здѣсь нельзя терять ни часа, потому что постоянно при-

ходятъ поѣзда и съ сѣвера и съ юга, а мы не знаемъ куда намъ дѣться и что дѣлать. Наконецъ, повезли насъ къ воинской платформѣ, велѣли разгружаться; о дальнѣйшей нашей судьбѣ никто ничего не зналъ, а оставлять тутъ на платформѣ весь багажъ, людей и лошадей было невозможно, такъ какъ сюда же приходятъ слѣдующіе эшелоны. Наконецъ, пріѣхалъ адъютантъ и сообщилъ, что пойдемъ въ какой то Фань-шень, за три версты; начали укладывать свои пожитки въ обозъ; вотъ тутъ то и оказалось, что каждый захватилъ съ собой больше багажа, чѣмъ ему полагается. Мѣста въ двуколкахъ не хватило, пришлось нанимать китайскія подводы на трехъ мулахъ; съ превеликимъ трудомъ объяснялись, торговались, ругались, наконецъ, кончили нагрузку, когда было уже часовъ восемь вечера. Потемнѣло, нашли тучи и покрапывалъ дождикъ. Вдругъ все перемѣнили: приказали отправиться до завтра на такъ называемый этапъ... Трудно описать нашу досаду, мы думали наконецъ разобраться и отдохнуть отъ дороги надолго, а тутъ предлагаютъ только до завтра. Отправились версты за двѣ на этапъ: это обыкновенный пустырь, на которомъ рекомендовалось поставить повозки и палатки, привязать лошадей и ночевать. Стало совсѣмъ темно и холодно.

Поставить новую палатку во время вѣтра и дождя—дѣло невообразимой трудности, по крайней мѣрѣ, такъ казалось мнѣ. Тутъ я почувствовалъ

впервые свою полную неопытность, такъ какъ не могъ даже указать нижнимъ чинамъ, какъ надо обращаться съ этими огромными полотнищами, которыя хлестало вѣтромъ во всѣ стороны, что дѣлать съ веревками и прочими немудреными атрибутами этого жилища, отнынѣ, быть можетъ, единственнаго нашего убѣжища и крова. Кое-какъ палатка была всетаки поставлена. Оставалось лишь предаться грустнымъ размышленіямъ по поводу происходящаго. Недобрыми словами поминалъ я виновниковъ нашихъ несчастій, которыми, мнѣ казалось, непремѣнно должны быть кто-нибудь изъ генеральнаго штаба. Вѣдь еще за мѣсяцъ до нашего отъѣзда изъ О. были посланы квартирьеры; но гдѣ наши квартиры? Ни комендантъ, ни его помощникъ не знаютъ, куда насъ дѣвать; люди не кормлены со вчерашняго дня, варить ужинъ уже поздно, что будетъ утромъ никто не знаетъ. Наши генералы уѣхали обѣдать къ Куропаткину, а весь штабъ сейчасъ же обрядился въ брачныя ризы и куда то разсыпался.

$\frac{21}{V}$ 04. Въ два часа дня выступили мы съ своего этапа, чтобы идти въ предмѣстье Сигуань на квартиры. Трудно себѣ представить что нибудь болѣе отвратительное, нежели китайскій городъ. На каждомъ шагу мерещатся бациллы чумы и холеры; убійственный запахъ, специфическій, невыносимый стоитъ въ воздухѣ; пыль и грязь хуже нашего благословеннаго О.

Ф. указываетъ китайскую фанзу—вотъ наша квартира. Одинъ запахъ заставляетъ бѣжать изъ нея и предпочесть поселиться въ палаткѣ, но понемногу можно присмотрѣться, даже привыкнуть. Съ улицы вы входите въ китайскую лавку мѣстной водки „хань-шинь", пройдя ее, видите направо большую каменную террасу, уставленную огромными банками съ олеандрами и какими то большими красивыми цвѣтами; съ террасы входъ въ комнату, тутъ въ двухъ комнатахъ помѣстились нашъ генералъ, двое адъютантовъ и писаря; стѣны на дворъ сдѣланы изъ рамъ, затянутыхъ пузыремъ, а посрединѣ прорѣзаны два небольшихъ окошка съ приклеенными стеклами; рядомъ помѣщается китайская кухня—объ ней лучше не говорить...

Наша комната очень большая, высокая, у пузырчатой стѣны сдѣланы просторныя нары, такъ называемый канъ, устланный цыновками, но воспользоваться ими мы не рѣшились, а поставили собственныя походныя кровати. Понемногу ужасный запахъ исчезъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ можетъ быть остался въ полной силѣ. Повидимому привыкнуть можно ко всему.

...Вокзалъ полонъ офицерствомъ разныхъ формъ и учрежденій, разныхъ возрастовъ и характеровъ. Развязный гвардейскій корнетъ, тоскующій безъ желанныхъ и привычныхъ развлеченій, лихо гремитъ шпорами по камнямъ платформы; безукоризненные рейтузы, неизмѣнный „стэкъ" и разсѣян-

ный взглядъ ясно говорятъ, что онъ больше разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, нежели исполненъ сознаніемъ своихъ обязанностей, явившись сюда; молодой подполковникъ генеральнаго штаба съ любезно снисходительнымъ видомъ выслушиваетъ объясненіе какого то почтеннаго армейскаго капитана, почтительно держащаго руку у фуражки; а вотъ мрачно шагаетъ приземистый, обросшій и загорѣвшій армеутъ въ сѣрой рубахѣ съ замысловатымъ фельетономъ на погонахъ—это ротный командиръ какого то трехзначнаго полка, но и въ фигурѣ его и въ угрюмомъ взглядѣ проглядываетъ образъ одного изъ тѣхъ многихъ скромныхъ героевъ, которые получаютъ георгіевскій крестъ не за благоразумно поданный совѣтъ, а за исполненіе долга, близкое къ вѣрной смерти, ярко освѣщенное презрѣніемъ къ грозной опасности—это потомокъ скромнаго Тушина, безсмертнаго Горталова. Видны тутъ и одушевленные энтузіасты, горячо спорящіе и разсказывающіе послѣднія новости, и сдержанные скептики, сосредоточенные и молчаливые; иногда появляются небрежныя, развинченныя фигуры, неувѣренными шагами ищущія буфета, этого мѣста успокоенія и отдохновенія такъ называемыхъ здѣсь „буфетныхъ героевъ“; и такихъ тутъ кажется не мало, и принимаются исключительныя, строгія мѣры къ обузданію ихъ расходившихся буйныхъ порывовъ.

Подъ башней и вокругъ нея расположенъ боль-

шой тѣнистый садъ съ рестораномъ, приведенный заботой командующаго въ приличный видъ: оттуда были изгнаны жадныя и вредоносныя хищницы, потрепанныя служительницы Венеры. Пусть командующій изгналъ этотъ зловредный разсадникъ, даже изъ-за побужденія чисто военнаго характера, устраняя возможность безпорядка и деморализаціи въ арміи, но эта мѣра его, вѣроятно, отзовется въ сердцахъ другихъ женщинъ теплою сердечною благодарностью, какъ бы за попеченіе о дорогихъ и близкихъ имъ людяхъ. Правда, остались еще предпріимчивыя авантюристки, но ихъ почти не видно, онѣ словно прячутся отъ дневного свѣта. Ресторанъ довольно плохенькаго качества, но и онъ хорошъ для Ляояна и едва успѣваетъ удовлетворить многочисленныхъ посѣтителей. Къ вечеру суета стихаетъ, и весь городъ, нашумѣвъ за день, начинаетъ успокаиваться; въ саду играетъ оркестръ музыки—странно и непривычно для уха звучатъ знакомые пѣвучіе вальсы въ этой оригинальной и чуждой обстановкѣ.

Съ огромнаго вала, остатка древней стѣны, виденъ почти весь городъ: яркими огнями освѣщенъ вокзалъ и ближайшія къ нему части, гдѣ помѣщаются всѣ управленія арміи; далѣе мерцаютъ скромные огоньки китайскаго города; темнѣютъ пятнами пустыри и бѣднѣйшіе кварталы, для обывателей которыхъ освѣщеніе является ненужной роскошью, чернымъ привидѣніемъ рисуется силуэтъ башни.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина

Вдругъ музыка смолкла, и чуткая тишина охватила весь необъятный просторъ, и этотъ огромный городъ и окрестныя, давно заснувшія, предмѣстья и далекія горы...

Вотъ запѣлъ сначала одиноко и робко сигнальный рожокъ, быстро схватили его первый звукъ остальные, и заря началась. Звонко поютъ рожки, торопливо перебивая одинъ другого и искажая знакомую жалобную мелодію, тарахтятъ барабаны, и этотъ своеобразный, нестройный гулъ перекатывается волной по всѣмъ окрестностямъ и отдается въ сердцѣ, то страстнымъ порывомъ сознанія этой грозной силы, то безотчетной, болѣзненно-жуткой тревогой. Ночь опускается... Такъ же плавно и тихо она окутываетъ своимъ покрываломъ все живущее и здѣсь, какъ на далекой родинѣ, но только здѣсь она словно болѣе грустна и навѣваетъ сильнѣе жажду отдыха, настойчивѣе зоветъ къ покою. Сколько волненій и заботъ приноситъ каждый день, и заботъ такихъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь и смерть тысячъ людей; сколько новыхъ неотвязныхъ безпокойныхъ мыслей и плановъ проносится въ головѣ истинныхъ тружениковъ, не даетъ имъ желаннаго покоя и ночью,—все здѣсь живетъ усиленной дѣятельностью, вся жизнь бьется ускореннымъ пульсомъ!..

Китайскій городъ, какъ огромный муравейникъ, начинаетъ копошиться съ ранняго утра: плетутся огромныя арбы съ камышемъ, жмыхами, раздвига-

ются разборныя стѣны лавокъ, зажигаются жаровни и дымятся огромные чайники, похожіе на наши самовары; площади начинаютъ постепенно наполняться таратайками и будками со всякой дрянью, необходимой бѣднѣйшимъ китайцамъ; часовъ въ шесть утра по улицѣ пройти уже трудно. Уличная жизнь бойко кипитъ въ этихъ узкихъ пыльныхъ щеляхъ, цѣлый день до поздняго вечера; каждый самый ободранный бѣднякъ чѣмъ нибудь да занятъ; есть лавки, которыя торгуютъ положительно черепками и содержимымъ мусорной ямы,—монета въ $^1/_{14}$ нашей копѣйки указываетъ, какъ ничтожна бываетъ цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ торговли. Китайскія бумажныя деньги въ 2—3 коп.—это что то смѣхотворное и похожее на обертку отъ чая или отъ мыла, но менѣе всего на денежный знакъ, на государственный кредитный билетъ. Самые богатые магазины это тѣ, которые торгуютъ мѣхами и готовымъ платьемъ; женскіе костюмы почти изящны и художественны и этимъ отличаются отъ всѣхъ прочихъ предметовъ китайской промышленности, въ большинствѣ случаевъ представляющихъ смѣсь безвкусицы и бѣдности замысла; ювелирныя вещи интересны лишь тѣ, происхожденіе которыхъ явно навѣяно присутствіемъ европейцевъ, какъ напримѣръ серебряные стаканы съ рѣзьбой, символизирующей вѣроятно русско-китайскій союзъ: драконъ расположился подъ сѣнью двухглаваго орла; эти стаканы особенно су-

ютъ на показъ и надоѣдливо предлагаютъ купить. Каждый болѣе или менѣе богатый магазинъ имѣетъ внутренній каменный дворъ, установленный огромными банками съ цвѣтами и глиняными чанами съ водой, въ которой плаваютъ нерѣдко весьма оригинальныя рыбы всевозможныхъ цвѣтовъ. Хозяева очень любезно предлагаютъ посмотрѣть ихъ жилище и сами съ большимъ любопытствомъ иногда даже ощупываютъ „капитана“, повторяя на разные лады свое „шанго“, „шибко шанго“.

Характерной чертой китайскаго города является необычайная грязь и сопутствующее ей ужасное зловоніе; въ первый разъ положительно кружится голова и захватываетъ духъ. Бездомныя собаки и поразительно толстыя свиньи снуютъ по улицамъ и однѣ только содѣйствуютъ тому, что улицы не заваливаются совершенно грудами отбросовъ. Высокая стѣна толщиною около двухъ саженъ отдѣляетъ городъ отъ предмѣстій, расположенныхъ вблизи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта стѣна проломана, и улица города сливается съ улицей предмѣстья; въ общемъ получается впечатлѣніе одного громаднаго города, занявшаго много квадратныхъ верстъ. На одной изъ площадей уже дня два лежитъ трупъ казненнаго хунхуза, едва прикрытый рогожей: смертная казнь очень обыкновенное явленіе мѣстной жизни; здѣсь часто сообщается о назначеніи казни, и находятся даже любители фотографы, которые во всеоружіи своихъ

„кодаковъ“ выбираютъ выгодное освѣщеніе, отмѣряютъ фокусное разстояніе, однимъ словомъ, продѣлываютъ всѣ пріемы, которыми сопровождается фотографированіе какой нибудь юбилейной группы или участниковъ особеннаго торжества. Странное соревнованіе двухъ цивилизацій!

$\frac{24}{V}$ 04. Сегодня Куропаткинъ смотрѣлъ насъ. По обыкновенію передъ парадомъ штабъ напуталъ, не указалъ ясно, куда и когда собраться, ограничившись своими министерскими общими директивами, воображая, что здѣсь, какъ въ своемъ городѣ все и всѣ знаютъ, а полкамъ приходилось идти за двѣнадцать верстъ по чужимъ, незнакомымъ деревнямъ и дорогамъ. Было не мало ругани и суетни.

Куропаткинъ привѣтливъ, величественъ, но молчаливъ. Голосъ отчетливый, спокойный и внушительный. Видъ весьма бодрый, безъ тѣни усталости или слабости. Въ его свитѣ огромное количество скучающихъ бездѣльниковъ, „никчемныхъ“ и „никудышнихъ“, прикомандированныхъ, зачисленныхъ, состоящихъ при чемъ нибудь или при комъ нибудь и проч. и проч... Нашему командиру корпуса онъ сказалъ—„Пойдете въ Хайченъ—тамъ или ни два, ни полтора, а можетъ быть и три съ половиной“...

...„Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой“...

Вспомнились эти слова и музыка меланхоличная и нѣжная. Древняя кумирня...

...Нѣсколько сотенъ лѣтъ насчитываютъ ея ветхія стѣны. Вѣтвистыя, могучія деревья, грандіозные порталы, полутемныя ниши и огромныя каменныя террасы, высоко поднятыя надъ землей... Внизу раскинулся городъ; суетливая дневная жизнь приходитъ къ концу, солнце уже закатывается, и западъ горитъ послѣднимъ огнемъ заката. Тихо здѣсь... жизнь осталась тамъ внизу, а тутъ молчаливо стоятъ свидѣтели минувшихъ вѣковъ и отъ нихъ вѣетъ грустью и таинственной задумчивостью. Огромные жертвенники сдвинуты съ своихъ мѣстъ, звучные гонги валяются на землѣ, опрокинутые съ разбитыми краями и только стономъ отзываются на грубое прикосновеніе палки любопытнаго; тутъ же рядомъ за однимъ изъ жертвенниковъ привязаны лошади и мирно жуютъ свою чумизу. Это святыни, за которыя умирали! Это—исторія страны—за ней стоятъ тѣни минувшихъ вѣковъ, а теперь гремитъ барабанъ, звенитъ лихая пѣсня, ворота открываются и рота приходитъ на ночлегъ... Очарованіе старины разбито, въ воздухѣ виситъ россійская ругань, и тѣни героевъ, чьи изваянія тутъ стоятъ, съ проклятіемъ уходятъ въ свои обители.

О! какъ они молятъ судьбу, чтобы зазвучалъ вновь разбитый гонгъ, чтобы задымились вновь повергнутые жертвенники, и восторженные клики толпы огласили эти молчаливыя стѣны.

Какъ величава и обаятельна старина! Прошлое—вѣдь это дѣйствительность: мы знаемъ, что

это было, видимъ эти стѣны, эти жертвенники, эти статуи; ихъ кто-то создавалъ... Сколько мыслей, труда потрачено тутъ; это работа дѣйствительно когда то была, потому что сейчасъ нѣчто есть, несомнѣнное, реальное. Прошлое слилось съ настоящимъ, существуютъ только вмѣстѣ оба, ни одно изъ нихъ отдѣльно не живетъ; прошлое ушло, а съ настоящимъ мы сами идемъ и въ суетливомъ вихрѣ повседневности не замѣчаемъ смѣны временъ, а будущее скрыто и въ него только вѣримъ. Мнѣ показываютъ статую и говорятъ: „смотрите, она сдѣлана 500 лѣтъ назадъ“, и у меня прежде всего является нѣчто похожее на благоговѣніе, потомъ заговоритъ эстетика; а первое чувство будетъ смутное сознаніе чего то большого, значительнаго. Не потому ли, что человѣкъ знаетъ, что его самого и черезъ сто лѣтъ никому не покажутъ, потому что и смотрѣть будетъ не на что? Время — вотъ единственное, что не побѣдитъ никогда человѣкъ и что всегда останется великой неразгаданной загадкой.

Не тутъ ли причина обаянія старины, объясненіе этихъ мечтательныхъ думъ и задумчивыхъ мечтаній, когда передъ нашими глазами памятники давно прошедшихъ годовъ уродливые и грязные, но властно приковывающіе къ себѣ вниманіе?

$\frac{27}{V}$ 04. Дальше на югъ! Ближе къ тревогѣ и постоянному безпокойному ожиданію. Восемь дней пребыванія въ Ляоянѣ неощутительно подготовляютъ

ко всѣмъ треволненіямъ и неожиданностямъ обстановки тѣхъ мѣстъ, гдѣ уже буквально слышны раскаты военной грозы. Ляоянъ,—это совсѣмъ не то, о чемъ я читалъ въ газетахъ; тѣмъ болѣе замѣтно несоотвѣтствіе всѣхъ этихъ описаній, что подъѣзжаешь къ Ляояну съ нѣсколько предвзятымъ мнѣніемъ и слегка взвинченнымъ воображеніемъ, какъ будто чувствуешь серьезную и суровую строгость этихъ мѣстъ, „святая святыхъ" грандіозной работы; но гдѣ же эта огромная канцелярія, гдѣ эти фанзы, наполненныя работающими офицерами? Ровные ряды большихъ каменныхъ домовъ, правда съ вывѣсками „канцелярія", „управленіе", но стоитъ пройти сто шаговъ, картина такъ мѣняется, что трудно вспомнить, гдѣ вы. Большой садъ, развѣшаны фонари, стоятъ столики, кегель-банъ, гремитъ музыка, снуютъ лакеи—это загородный эдемъ, одно изъ обычныхъ прилагательныхъ каждаго города, гдѣ только есть достаточно потребителей всякихъ острыхъ, пикантныхъ приправъ къ утомительной, пустой жизни. Чаще всего можно видѣть господъ разныхъ корреспондентовъ у дверей всѣхъ этихъ „Полтавъ", „Варяговъ" и проч. злачныхъ мѣстъ. Какъ же этотъ господинъ, послѣ почти изысканнаго обѣда въ довольно разнокалиберномъ обществѣ лицъ обоего пола и въ совершенно оптимистическомъ (если онъ не пьетъ запоемъ) настроеніи, можетъ писать о гигантской работѣ, совершающейся въ Ляоянѣ, объ ужасахъ войны, о

трудностяхъ и лишеніяхъ похода? Только про одного говорили, что онъ отправился все самъ посмотрѣть, верхомъ съ провожатымъ на Востокъ отъ Ляояна, но и про него надо сознаться, что его привычное перо очень часто въ ущербъ дѣйствительности прикрашиваетъ многое.

А вотъ проѣхали два-три часа на югъ въ Хайченъ, и тутъ видно другое. Тутъ черная работа; тутъ глухой рокотъ далекой перестрѣлки ночью, тутъ легкій минутный бивуакъ, запыленныя палатки, утомленныя лица, тутъ только одни погоны, свѣтлыя пуговицы, тутъ нѣтъ подмалеванныхъ лицъ подъ благодатной вуалью, не услышите наглаго шелеста, потрепанной, а всетаки шелковой, юбки. Зато тутъ есть маленькій свѣжій садъ, есть кусты нѣжныхъ, ароматныхъ розъ и чудныя степныя, ночи, звѣздныя и теплыя; тутъ легкимъ вѣтромъ проносится мягкое, ласковое прикоснованіе чуть влажнаго воздуха—это поцѣлуй ночи. Кругомъ поднимаются горы, не высокія, но грозныя—онѣ всѣ укрѣплены и не разъ видали кровопролитіе на своихъ склонахъ и вершинахъ, не разъ слышали гулъ и трескотню выстрѣловъ: войны 1894 и 1900—1901 года оставили тутъ свои слѣды. Чутко стоятъ на стражѣ эти холмы, и должно быть не далеко сейчасъ же за ними кипитъ неизвѣстная, страшная работа—кто-то идетъ, кто-то крадется тихими вѣрными шагами все ближе и ближе; по долинамъ, по ущельямъ разлилась вражеская рать, и что-то зло-

вѣщее чудится за этими безмолвными вершинами. Изрѣдка сожмется сердце какою-то жуткою болью непонятной тоски, а тутъ эта ночь такая нѣжная и тихая, и не знаешь гдѣ же правда? И дѣйствительно-ли такъ ужасна, безпощадна война? Да! если мы будемъ противополагать войнѣ нашу мирную обстановку, ласку домашнихъ и любимыхъ людей, комфортъ и удобство удовлетворенныхъ прихотей— всего этого нѣтъ, значитъ война—зло, и проклятіе ей уже несется изъ тоскующей груди. Но вѣдь этотъ пріемъ не справедливъ по односторонности и эгоизму. Вслушайтесь въ эту чуткую тишину звѣздной ночи! Но ради Бога не будьте узкимъ разумникомъ, холоднымъ эгоистомъ, не требуйте только фактовъ, только вѣсовъ ариѳметики, еще и еще послушайте эту ночь, она скажетъ вамъ то, что вы нигдѣ не прочтете, ни отъ одного друга и учителя не услышите и сами не всегда почувствуете такъ глубоко... Вы поймете, что жизнь это великое благо, это чувство единственное и главное и для каждаго человѣка дороже и святѣе этого чувства нѣтъ ничего. Но посморите, уже двое людей иногда готовы жертвовать своею жизнью одинъ для другого,— причина этому присутствіе этого другого человѣка, воздѣйствіе его личности, его качествъ. Возьмите же тысячи людей, соединенныхъ одной идеей живой и понятной всѣмъ имъ, вѣдь въ такихъ условіяхъ наука говоритъ, что личность каждаго понижается, понижается существеннѣйшее присущее

ей свойство, чувство жизни. Какъ это просто! Вотъ она правдивая мудрость словъ: „на міру и смерть красна“.

$\frac{29}{V}$ 04. Мы пришли въ Хайченъ вчера ночью въ 2 часа, въ 5 насъ стали выгружать и располагать по квартирамъ. Теперь мы живемъ въ станціонномъ домикѣ, очень приличномъ и чистомъ, не то что въ китайской фанзѣ; рядомъ съ моей комнатой все время стучитъ телеграфъ и слышенъ голосъ записывающаго шифрованную телеграмму; сейчасъ идетъ телеграмма изъ Инкоу въ Ляоянъ: 100404, 256, 8700... Изрѣдка попадаются слова „полку“, „Сибирскій“, „отправляю“ и опять цифры безъ конца. Хайченъ городъ того же типа, какъ и Ляоянъ, только сверхъ всякихъ ожиданій гораздо чище и благоустроеннѣе; этихъ убійственныхъ ароматовъ китайскихъ гастрономическихъ лавокъ, которыхъ такъ много въ Ляоянѣ, здѣсь нѣтъ; изрѣдка лишь попадается „купеза“, торгующій какой-нибудь китайской съѣдобной дрянью; у нѣкоторыхъ фанзъ обращаетъ на себя вниманіе надпись: „нижнимъ чинамъ входъ воспрещается“, а у воротъ поставлены часовые; это мѣсто утѣхъ „высшихъ чиновъ“, полевые, подвижные алтари Венеры, сопутствующей Марсу. Улицы довольно чистыя, а магазины почти хорошіе, преимущественно винные и колоніальные; соблазнительная дешевизна хорошихъ иностранныхъ винъ и ликеровъ дѣлаетъ свое дѣло. Я видѣлъ раза два, гдѣ-то въ Петер-

бургѣ пьяныхъ женщинъ—то зрѣлище ни съ чѣмъ не сравнимое по тому отвращенію, которое оно вызываетъ, но не думалъ, что бываетъ нѣчто худшее; оказывается есть: пьяный священникъ въ буфетѣ на вокзалѣ въ той странѣ, куда идутъ съ проповѣдью христіанства и наканунѣ дня, когда ему придется благословить своихъ собутыльниковъ на полѣ брани. Довольно! Не стоитъ объ этомъ больше говорить.

Почта и телеграфъ обременены работой до послѣдней степени: всѣ столы завалены грудами писемъ; неточные и непонятные, иногда прямо таки безмысленные адреса причиняютъ огромные хлопоты и замедляютъ доставку. Какъ возмущаются и негодуютъ пославшіе письма и ожидающіе ихъ, сами того не сознавая, что часто они сами бываютъ виноваты, присылая письмо по искаженному адресу и легкомысленно ожидая, что почта все найдетъ, хотя бы адресъ былъ похожъ на тотъ, который написалъ нѣжный внукъ чеховскаго разсказа на письмѣ своему дѣду: „Дѣдушкѣ въ деревню“. Сколько волненій и надеждъ пробуждается при появленіи почталіона, сколько любопытныхъ головъ и жадныхъ рукъ тянется при разборкѣ писемъ и сколько несбывшихся ожиданій, горькаго разочарованія для несчастливцевъ, лишенныхъ на сегодня радостей прочесть давно жданное письмо!

Какъ то я ѣхалъ съ парой молодоженовъ и внутри себя подсмѣивался надъ изысканной нѣж-

ностью супруга, который для успокоенія своей молоденькой жены забралъ съ собой нѣсколько писемъ ея матери и въ пути иногда передавалъ ихъ черезъ кондуктора, какъ бы полученныя изъ родного города. Надо было видѣть ея глаза, блестѣвшія слезами радости и счастливое волненіе, разлитое по всему лицу! Тогда мнѣ все это казалось совсѣмъ лишней сантиментальностью, прихотью влюбленнаго мужа, не знавшаго чѣмъ угодить женѣ, но теперь я самъ увидѣлъ, какъ дорогъ этотъ кусокъ бумаги, присланный изъ милаго далека, какъ не одни влюбленные, а люди суровые и повидимому недоступные никакимъ нѣжнымъ чувствамъ оказывались только забывшими эти чувства и при напоминаніи просвѣтлялись и сіяли неподдѣльной радостью.

А телеграфъ все стучитъ и стучитъ безпрерывно и монотонно. Какія-то извѣстія важныя, интересныя, страшныя по своей глубокой тайнѣ текутъ непрерывной струей по проволокамъ черезъ рядъ аппаратовъ мимо уставшихъ глазъ почти безсмѣнныхъ работниковъ; только изрѣдка среди суровыхъ непонятныхъ шифровъ или сухихъ оффиціальныхъ донесеній робко проскользнутъ слова „цѣлую“, „поздравляю“, „благословитъ тебя Богъ“, мелькнутъ и сейчасъ же исчезнутъ въ потокѣ казенныхъ терминовъ и условныхъ служебныхъ сокращеній; а на лицѣ телеграфиста на минуту загорится улыбка, рѣдкая гостья въ этой однообраз-

ной обстановкѣ въ соотвѣтствіи съ несмолкающимъ трескомъ аппаратовъ.

$\frac{31}{V}$ 04. На югѣ не спокойно—вчера уже были слухи, что у Вафангоу начинается бой. Командующій ѣздилъ въ Дашичао и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ; говорятъ, что онъ назвалъ этотъ бой интереснымъ, такъ какъ силы наши и японскаго отряда равны, что встрѣчается въ первый разъ; по полученіи двухъ телеграммъ изъ Мукдена онъ уѣхалъ обратно въ Ляоянъ. Мы въ это время стояли бивуакомъ между Хайченомъ и Дашичао. Переходъ въ 12 верстъ мы шли съ 12 часовъ дня до 12 вечера. Это былъ первый переходъ нашего корпуса. Обозы, два полка и дивизіонъ артиллеріи образовали колонну до 6 верстъ длиной; вотъ здѣсь особенно видна трудность задачи передвигать военную живую силу: легко показать по картѣ направленіе, провести ногтемъ путь „отсюда и до сюда“, но нужно видѣть этотъ сравнительно незначительный отрядъ въ пути, чтобы понять, какъ трудно разсчитать всѣ подробности передвиженія, какъ предотвратить всѣ затрудненія, какія принять мѣры къ тому, чтобы всѣ дѣйствительно пришли къ указанному мѣсту; какъ легкомысленны тѣ, кто, указавъ даже на подробнѣйшей картѣ мѣсто бивака, воображаютъ, что каждый прямо придетъ на свое мѣсто. Едва—едва мы нашли свой бивакъ къ 11 часамъ, а обозы наши пришли около двухъ часовъ ночи. Усталые, голодные мы сидѣли на камняхъ,

не рѣшаясь войти въ грязную фанзу, предоставленную въ наше распоряженіе квартирьеромъ, который съ апломбомъ увѣрялъ, что маленькій ребенокъ съ такой картой найдетъ свое мѣсто, но онъ забылъ, что для чего-нибудь да требуется, чтобы квартирьеръ указалъ путь къ биваку разставленными жалнерами, чтобы встрѣтилъ начальство, указалъ колодцы и проч., ничего этого сдѣлано не было, и въ темнотѣ наступившей ночи произошла толкотня и давка, колодцы сразу засорили, повозки обоза ѣздили въ разныя стороны и не могли никакъ успокоиться, шумъ, гамъ, руготня висѣли въ воздухѣ, и много прошло времени прежде чѣмъ зажглись огни, и картина бивака приняла свою обычную, почти поэтичную, форму. Еще до прихода обоза бывшій съ нами румынскій агентъ пытался, на основаніи извѣстныхъ ему данныхъ о длинѣ походныхъ колоннъ, подсчитать, когда можно поджидать наши двуколки съ вещами и желаннымъ ужиномъ. Бѣдный румынъ! онъ вѣрилъ въ уставныя нормы! Вмѣсто одиннадцати часовъ двуколки пришли около 2-хъ часовъ, когда мы, голодные и злые, уже легли спать на чемъ попало. Костры освѣщали группы людей, торопливо собирающихъ свое разрозненное имущество на ночлегъ: кто тащилъ сѣдло, кто спѣшилъ съ чайникомъ, предвкушая прелесть немудренаго ужина; многіе мирно бесѣдовали, попыхивая папиросами и трубками; группа офицеровъ въ сторонѣ горячо обсуждала происшед-

шую неурядицу, и виновникъ ея, капитанъ генеральнаго штаба, больше всѣхъ горячился и грозилъ, что онъ завтра доложитъ командиру корпуса о томъ, что командиры полковъ не умѣютъ водить колонны, не умѣютъ читать картъ, разсказывалъ, что онъ самъ на Курскихъ маневрахъ разставлялъ еще большіе отряды. Бѣдный! лучше бы онъ не вспоминалъ о маневрахъ. Всѣ и безъ него отлично знаютъ, что и на маневрахъ и на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ совсѣмъ не то, что тутъ въ незнакомыхъ мѣстахъ, въ лабиринтѣ кривыхъ улицъ китайскихъ деревень на перепутанныхъ и отвратительныхъ дорогахъ. Только что бивакъ сталъ засыпать, костры и звѣзды ярче стали выступать въ темнотѣ, раздался шумъ приближающагося поѣзда. Весь освѣщенный огнями, съ пылающимъ снопомъ искръ, мчался поѣздъ командующаго съ юга на сѣверъ. Невольно взгляды всѣхъ обратились на вагоны, гдѣ былъ онъ, приковывающій всѣ мысли и надежды. Что онъ везетъ съ собой, что происходитъ на югѣ, какіе планы родились въ этомъ обширномъ, свѣтломъ умѣ, какія новыя заботы, какія огорченія волнуютъ его? Поѣздъ быстро промчался, разбудивъ у всѣхъ почти одинаковыя мысли; долго всѣ молчали, прислушиваясь къ постепенно затихавшему шуму и, если было что-нибудь свѣтлое въ этихъ мысляхъ, оно несомнѣнно было связано съ тѣмъ, кто только что проѣхалъ мимо насъ...

$\frac{2}{VI}$ 04. Войска стягиваются къ Дашичао. Нашъ корпусъ—резервъ охраны побережья Инкоу и Гайчжоу. Ждемъ россійскихъ корпусовъ; общее настроеніе улучшается; судя по частымъ теперь стычкамъ удача поворачивается къ намъ; эскадра японцевъ ослабѣла, наша кавалерія навела на нихъ страхъ, хочется вѣрить, что дальше все будетъ лучше: медленно, понемногу, но все-таки дойдемъ до превосходства, а тогда уже чувствуется, какой страшной силой обрушится огорченная и озлобленная масса войскъ, давно ждавшая побѣды, на ослѣпленную первымъ тріумфомъ армію японцевъ.

Дашичао—небольшая станція, но теперь она разрослась и оживилась—появились постройки, биваки и лагери, поѣзда непрерывно идутъ и на сѣверъ, и на югъ и на западъ—въ Инкоу; маленькій вокзалъ не можетъ вмѣстить толпы голодныхъ и усталыхъ офицеровъ. Теперь Дашичао важный узелъ. Гдѣ-то въ районѣ Дашичао-Хайченъ-Танчи ожидаютъ большихъ событій. Войска сосредоточиваются въ этихъ мѣстахъ; ежедневно по нѣсколько воинскихъ поѣздовъ разгружаются здѣсь, часть проходитъ дальше или поворачиваетъ на востокъ, часть остается и ждетъ у Дашичао. Погода начинаетъ портиться, приближается время проливныхъ дождей, когда двигаться по здѣшнимъ дорогамъ будетъ невозможно. Темныя, тяжелыя тучи какъ-то безнадежно, уныло стоятъ надъ землей; къ вечеру начинаетъ дуть вѣтеръ, часамъ къ десяти про-

скользнутъ звѣзды, непривѣтливыя и холодныя въ эти сырыя ночи; тучи ползутъ клочками и кое-гдѣ иногда проглянетъ луна. Часто по ночамъ доносится далекимъ гуломъ пушечная стрѣльба: гдѣ-то далеко за горами у моря японцы или высаживаются за припасами, приносимыми для нихъ лукавыми китайцами, или какъ-бы шутя пугаютъ наши прибрежные посты. Все мѣстечко Дашичао расположено у подножія высокой горы, одиноко поднимающейся надъ близъ лежащей мѣстностью. Вдали стоятъ густыя гряды горъ, всегда подернутыхъ синеватой дымкой, а на западѣ гладкая-гладкая равнина вплоть до рѣки Ляохэ.

Солнце близилось къ закату, когда я поднялся на гору; на ней расположенъ постъ, наблюдающій за лежащими впереди долинами и холмами. Лагерь внизу пестрѣлъ палатками, всевозможными строеніями, начиная отъ огромныхъ казармъ въ два свѣта и кончая жалкими фанзами китайцевъ; возлѣ многихъ желѣзнодорожныхъ домовъ зеленѣютъ небольшіе, еще недавно разсаженные, садики; желѣзная дорога проходитъ рѣзкой чертой возлѣ горъ на югъ, отъ нея сворачиваетъ вѣтка въ Инкоу, идущая по ровной и гладкой степи. Далеко, на западѣ, у самаго горизонта, освѣщенная послѣдними золотыми лучами, сверкаетъ рѣка Ляохэ: это ея широкое устье соприкасается съ моремъ, а чуть лѣвѣе эта полоса теряетъ свое очертаніе на горизонтѣ и небосводъ спускается въ далекое море.

Въ бинокль видны прибрежныя деревни, небольшія рощи, съ неясными расплывчатыми контурами на пылающемъ небѣ; облака, перерѣзавшія огневой шаръ солнца, словно таютъ въ огнѣ и непрерывно причудливо измѣняютъ свои формы; воздухъ на горизонтѣ вздрагиваетъ, и эта воздушная рябь фантастически мѣняетъ очертаніе далекихъ береговъ и облаковъ. Все тутъ мирно, спокойно, и угасающій день словно засыпаетъ подъ ласкою близкой ночи, и небо, залитое свѣтомъ заката, полно спокойствія и тихаго отдыха, и степь своей необъятной грудью дышитъ ровнымъ глубокимъ вздохомъ... А на востокѣ и на югѣ вздымаются горы. Угрюмой толпой, тѣсно прижавшись другъ къ другу, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ, онѣ зловѣще темнѣютъ своими ущеліями и долинами, погруженными въ тѣнь. Но и онѣ хороши игрою тѣней и свѣта. Ближе всѣхъ начинаются невысокіе холмы съ рѣзко замѣтной зеленью, у подножія ихъ ютятся деревни, а ихъ скаты и ближайшія равнины пестрѣютъ квадратиками обработанныхъ полей, обработанныхъ такъ тщательно, какъ можетъ только терпѣливый китаецъ, способный полоть свое поле такъ же заботливо и внимательно, какъ наши огородники или садовники обрабатываютъ свои небольшіе сады и огороды. Дальше стоитъ вторая гряда и въ ней уже контуры горъ неясны, вершины смотрятъ неприступнѣе—тамъ холмамъ тѣсно, они сталкиваются другъ съ другомъ и толпою по-

степенно уходятъ въ даль, сливаются съ самыми дальними вершинами, гдѣ едва примѣтны синеватые силуэты съ неясными разорванными краями, укутанные туманомъ. Эти горы, то освѣщенныя золотистымъ закатомъ или затуманенныя синевой легкихъ облаковъ, то дремлющія въ хмурой тѣни своихъ сосѣдей, волшебно хороши, но неспокойна эта красота. Въ этихъ горахъ уже разсыпаны вражескіе посты, наши часовые зорко глядятъ на далекія вершины и каждое пятнышко тамъ подозрительно. На югъ за этими горами, тамъ далеко Портъ-Артуръ; туда невольно глазъ всматривается сильнѣе, словно ожидаетъ въ этомъ направленіи увидѣть что-нибудь болѣе ясное.

$\frac{3}{VI}$ 04. Бой у Вафангоу еще не конченъ. Это первое сраженіе, которое уже близко касается насъ: одинъ изъ полковъ нашего корпуса ушелъ туда, въ распоряженіе командира 1-го Сиб. корпуса. Понятная тревога и безпокойство замѣтны у всѣхъ. Это уже мы деремся, либо наша гордость, либо горе, и опять злобное смущеніе и страшная жажда когда-нибудь, гдѣ-нибудь взять верхъ надъ опаснымъ врагомъ, жестоко безпощадно отомстить... За что? За его побѣды? За то, что до сихъ поръ въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ сильнѣе насъ? Мы отступаемъ съ огромными потерями и зловѣщими слухами, съ смущеннымъ сердцемъ, съ разбитыми надеждами, почти съ отчаяніемъ. И только одна мысль можетъ ободрить: „онъ“ все это знаетъ самъ, самъ объ этомъ думаетъ, печалится и на-

вѣрное больше насъ всѣхъ страдаетъ; быть можетъ, онъ не даромъ говорилъ о терпѣніи, быть можетъ, мы по близорукости не можемъ создать себѣ даже тѣни представленія о томъ, что значитъ собрать и организовать могучую армію не для выигрыша одного сраженія, блестящей атаки или гибели непріятельскихъ полковъ и дивизій—нѣтъ, для страшнаго, неотразимаго удара отъ Ляояна до береговъ страны Утренняго Спокойствія, для такого удара, который разбилъ бы самую память о побѣдныхъ арміяхъ японцевъ, уничтожилъ бы всякую мысль о возможности новыхъ страданій и бѣдствій войны съ настойчивымъ, лукавымъ врагомъ. О, для этого можно ждать, можно со слезами проводить въ могилу тысячи убитыхъ и потомъ благословлять ихъ память, потому что только цѣной ихъ жизней, цѣной обидныхъ ударовъ самолюбію и гордости пріобрѣтется слава побѣды. Въ эту войну больше чѣмъ на успѣхѣ оружія, больше чѣмъ на желѣзной дисциплинѣ, на чудесной храбрости участниковъ войны воздвигнется памятникъ побѣды—нѣтъ, онъ будетъ созданъ на чувствѣ страшнаго, обиднаго признанія своихъ слабостей и ошибокъ, на пробудившемся чувствѣ оскорбленной гордости, на чувствѣ болѣзненнаго раскаянія за гибель неповинныхъ жертвъ, погибшихъ въ этомъ великомъ, ужасномъ дѣлѣ. Какъ обидно и больно слышать разсказы о нашихъ неудачахъ! Словно какая-то неизлѣчимая, убійственная болѣзнь неумолимо преслѣдуетъ насъ...

Гордый, двуглавый орелъ съ израненными, подбитыми крыльями не можетъ подняться свободнымъ, могучимъ полетомъ...

Вафангоу—опять тысячи жертвъ, опять отступленіе, опять слухи, пересуды, разговоры... Санитарные поѣзда проходятъ одинъ за другимъ. Большинство раненыхъ бодро держатъ себя, разговариваютъ и разсказываютъ о пережитыхъ дняхъ и часахъ. Въ простыхъ словахъ солдатъ слышится такая вѣра и удивительная твердость духа, что они невольно выростаютъ въ глазахъ, и въ ихъ непритязательныхъ фигурахъ ищешь отблескъ прекрасной души, прекраснаго мужества героя. Въ словахъ многихъ офицеровъ слышна уже другая нотка: поголовная неразборчивая критика и нѣкоторая жесткость сужденія — ихъ нервы въ большинствѣ случаевъ несравненно больше потрясены, чѣмъ ихъ соратниковъ, меньшихъ братьевъ. Правды безпристрастной и обоснованной пока еще не слышно, горячка боя, волненіе и обстановка все еще дергаютъ нервы и разсказчиковъ и слушателей.

Т-ій полкъ вернулся сегодня истомленный двухдневнымъ боемъ и утомительными переходами. Офицеры разсказываютъ, что больше всего разстраиваетъ полная неизвѣстность, что и зачѣмъ нужно дѣлать, жалуются на то, что безпорядочно гоняютъ съ одной стороны въ другую подъ огнемъ, отдаютъ безтолковыя приказанія; одинъ изъ баталіонныхъ командировъ послалъ Куропаткину донесеніе, что

начальствующія лица отсутствуютъ, штаба нѣтъ, распоряженій никакихъ не отдаютъ. Все это очень скандально и жестоко. Часто раздумывая объ этихъ неурядицахъ и безобразіяхъ, упрекая и осуждая предполагаемыхъ виновниковъ, я спрашиваю себя, имѣю ли я на это право? Едва ли я могу вѣрно оцѣнить происходящее предо мной, такъ какъ самъ я весьма далекъ отъ настоящаго дѣла. Но что же мнѣ дѣлать, чѣмъ я могу способствовать успѣху? Аккуратно писать бумаги, посылать телеграммы и вести журналы. Все это до ужаса безполезно и незначительно! До сихъ поръ мои бывшіе сослуживцы еще не были въ бою, но скоро придетъ этотъ день, скоро у нихъ будетъ ужасная работа, а я буду опять въ канцеляріи. Что то совершенно новое просыпается во мнѣ...

Нельзя равнодушно ежедневно по нѣсколько разъ слышать возмущающіе душу разсказы о доблести солдатъ, о ихъ спокойной вѣрѣ и чувствѣ долга и объ удивительномъ, иногда безобразномъ поведеніи высшихъ начальниковъ. Куда же дѣвалась наша интеллигенція, воспитаніе и все прочее, что обыкновенно привязывается къ дипломированнымъ и бездипломнымъ офицерамъ? Ничего не осталось. Пока не видно, а можетъ быть гдѣ-нибудь спряталось до лучшихъ дней?

$\frac{6}{\mathrm{VI}}$04. Опять Тюренченъ! Опять отступленіе, но теперь уже близки россійскіе корпуса; быть мо-
близокъ день, когда мы увидимъ, услышимъ

или даже будемъ участниками давно жданной расплаты, и это ожиданіе все сильнѣе стучится въ душу, а безъ него было бы невыносимо тяжело. Теперь Дашичао сдѣлалось вторымъ Ляояномъ. Видимо, въ этихъ мѣстахъ произойдетъ что-то важное и навѣрное при непосредственномъ руководствѣ командующаго. Нашъ корпусъ весь расположенъ здѣсь и штабъ занятъ, повидимому, весьма важными дѣлами. Нѣсколько злитъ полная таинственность всѣхъ этихъ совѣщаній, распоряженій и какая-то особенная олимпійская неприступность, и въ то же время почти ежедневно видишь какіе-нибудь промахи—поведутъ по картѣ и заблудятся нѣсколько разъ, не знаютъ мѣста расположенія всѣхъ частей корпуса, не знаютъ о перемѣнахъ, происшедшихъ дня два назадъ и о которыхъ узнаютъ случайно. Очень можетъ быть, что только для посторонняго глаза, который не можетъ достаточно вѣрно оцѣнить всю трудность положенія штаба, эти неизбѣжныя путаницы и недоразумѣнія кажутся такими преступными и ужасными. Можетъ быть, нашъ штабъ еще учится и привыкаетъ? можетъ быть, это и есть тѣ случайности, парированіе которыхъ въ тактикѣ признается возможнымъ, кажется, лишь на одну треть ихъ—тогда самый ужасъ войны заключается здѣсь, а не на полѣ битвы. Вернувшіеся изъ боя при Вафангоу разсказываютъ, что самое ужасное, самое утомительное, невыносимое состояніе было, когда они, не зная цѣли своихъ манев-

ровъ, карабкались на горы, не успѣвъ отдохнуть, получали приказаніе спуститься и занять другую гору; когда ночью отступали, не зная куда, получая ложное донесеніе о яко бы преслѣдующемъ непріятелѣ, который на самомъ дѣлѣ былъ самъ готовъ къ отступленію. Въ эти минуты нападеніе, кровавая схватка были болѣе желательны, чѣмъ долгая изнуряющая неизвѣстность; четырнадцатичасовой бой былъ несравненно легче, чѣмъ эти 5—6 часовъ отступленія въ темнотѣ, когда приходилось неожиданно останавливаться, не зная куда и когда идти, получая до 18-ти различныхъ противорѣчивыхъ приказаній въ часъ.

Сегодня за обѣдомъ былъ одинъ изъ командировъ баталіона, участвовавшій въ бою; его простой безыскуственный разсказъ приковалъ общее вниманіе; теперь, спустя нѣсколько дней, этотъ человѣкъ, своимъ спокойствіемъ вызывавшій удивленіе солдатъ и офицеровъ во время боя, здѣсь волновался, и голосъ его не одинъ разъ дрогнулъ, когда онъ разсказывалъ о томъ, какъ, занявъ, наконецъ, желанную позицію, въ порывѣ послѣдняго усилія, будучи въ 200 шагахъ отъ непріятельскаго окопа, онъ получилъ приказаніе отступить... Отступить въ такую минуту! Для чего же онъ съ такимъ трудомъ держался подъ убійственнымъ огнемъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ? Все его вниманіе, всѣ нервы были напряжены и одушевлены одной мыслью взять этотъ окопъ, и его заставляютъ отступить,

когда уже все приготовлено, когда рѣшительная минута настала и опьяненіе желаннаго, почти недостижимаго, успѣха сжимало сердце и послѣднее могучее ура готово было вырваться изъ груди!..

$\frac{9}{VI}$04. Инкоу—большой городъ въ устьѣ Ляохэ, при впаденіи ея въ море. Самый китайскій городъ я не видѣлъ, а былъ въ европейскомъ городѣ, если только такъ можно назвать собраніе иностранныхъ магазиновъ въ китайскихъ фанзахъ, кривыя грязныя улицы съ домами почти европейскаго образца. Набережная Ляохэ—лучшая часть всего города. Магазины и дома большіе, просторные, совершенно европейскіе, цѣны въ англійскихъ и нѣмецкихъ магазинахъ сверхчеловѣческія, а на замѣчанія о дороговизнѣ безупречно одѣтый джентльменъ коротко отвѣчаетъ: „если дорого, не покупайте", и хладнокровно поворачивается къ своей конторкѣ. Тутъ же находится нѣсколько гостиницъ, выполняющихъ, повидимому, и другія довольно предосудительныя функціи. Интернаціональныя дамы, больше „американки изъ Одессы", весьма беззастѣнчиво тянутъ прямо за рукава, приглашая къ себѣ въ гости проходящихъ офицеровъ.

Никогда не забуду, какъ я былъ наказанъ за несдержанность языка... китайцемъ — бойкой въ одномъ изъ ресторановъ. Пообѣдавъ необыкновенно вкусно, какъ мнѣ показалось послѣ вокзаловъ Ляояна и Дашичао, я даже немного помузицировалъ на плохонькомъ піанино, и при выходѣ изъресто-

рана натолкнулся на пріотворенную дверь; изъ любопытства я ее отворилъ и заглянулъ внутрь: небольшая комната была удивительно уютно обставлена мягкою, низкою мебелью, завѣшана и устлана коврами; изящный туалетный столикъ былъ заставленъ всякими флаконами и бездѣлушками; широкая кровать, задрапированная тяжелою матеріею, занимала большую часть помѣщенія; въ воздухѣ носился специфическій опьяняющій ароматъ, чувствовалось присутствіе женщины. Когда я выразилъ эту мысль въ менѣе замаскированной формѣ провожавшему меня бойкѣ, онъ рѣзко захлопнулъ дверь и прерывающимся голосомъ на невозможномъ китайско-русскомъ діалектѣ опровергнулъ мои подозрѣнія, сообщивъ, что эта комната хозяевъ— мужа и жены. Я былъ весьма сконфуженъ и мнѣ показалось даже, что китаецъ обидѣлся и искренно негодовалъ на русскаго „капитана", который необдуманно высказалъ оскорбительное предположеніе относительно аппартаментовъ его господъ.

Вся рѣка заставлена огромными пароходами, китайскими джонками самыхъ разнообразныхъ фасоновъ и величинъ; у самаго берега качаются сотни маленькихъ лодокъ, перевозящихъ пассажировъ и грузъна вокзалъ желѣзной дороги или на пароходы; эти неуклюжія суденышки съ огромнымъ складнымъ парусомъ, въ умѣлыхъ рукахъ проворнаго китайца быстро и ходко скользятъ по мутнымъ волнамъ Ляохэ. Рѣка чрезвычайно грязная, вода положительно напоми-

наетъ скверный кофе, подаваемый на станціяхъ; приливъ и отливъ очень помогаютъ движенію этихъ лодокъ изъ города къ станціи и обратно, а если иногда вѣтеръ совпадаетъ съ поднимающейся или спадающей водой, то джонки носятся, какъ огромныя чайки, безшумно и легко. У начала набережной стоитъ „Сивучъ", сиротливо пріютившійся среди другихъ судовъ. Андреевскій флагъ и щеголеватый видъ судна какъ-то рѣзко выдѣляются среди остальныхъ замазанныхъ торговыхъ пароходовъ и шалангъ. Сколько онъ тутъ простоитъ и какова будетъ его судьба—никто не знаетъ.

$\frac{12}{VI}$04. Ночь была тиха и полна тѣмъ очарованіемъ, которое невольно обнимаетъ душу въ поздній часъ при ласковомъ спокойномъ сіяніи луны. Здѣсь вь этомъ краѣ тревоги и неожиданности, въ минуты отдыха особенно пріятно забыться въ мечтахъ о далекихъ и милыхъ мѣстахъ. Утомленные нервы отдыхаютъ при этой работѣ воображенія. Вѣдь это одно, что остается въ утѣшеніе скучающему сердцу. Мысли были далеко, неясныя и легкія, какъ сны, онѣ укутывали своимъ чарующимъ покровомъ и шептали такія милыя слова, разсказывали такія прелестныя сказки... Пронесся робкій звукъ скрипки... Музыка? Здѣсь? Музыка въ этотъ часъ и въ этихъ мѣстахъ?! Скрипка съ ея нѣжнымъ голосомъ то тихимъ чуть слышнымъ, то страстнымъ и рыдающимъ! Какъ хотѣлось бы слышать этотъ голосъ, который утѣшилъ бы и успо-

коилъ своею нѣжною пѣснью! Весь слухъ, все вниманіе было пробуждено этимъ мимолетнымъ звукомъ, и ожиданіе услышать знакомыя мелодіи волновало нервы пріятной тревогой нетерпѣнія. Скоро послышались громкіе и явственные звуки... Но звуки какого-то заиграннаго, надоѣвшаго вальса, визгливое скрипѣніе прыгающаго смычка: какая-то гулящая компанія услаждала свой пьяный слухъ! Захотѣлось спать... Усталость немедленно заявила свои права, поздній часъ и завтрашняя суета ожидаемаго отъѣзда говорили, что нужно отдохнуть. А скрипка визжала, нагло и громко выкрикивала плясовую и мѣшала заснуть. Хотѣлось разбить ее объ голову игравшаго на ней...

$\frac{13}{VI}$ 04. Штабомъ получена диспоцизія отъ командующаго арміей, и мы сегодня выступаемъ по направленію Танчи-Мугую. Ходятъ слухи, что южная японская армія хочетъ соединиться съ арміей Куроки и нашъ корпусъ долженъ этому препятствовать.

Собравши самый необходимый, немудренный багажъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ я ожидалъ выступленія. Можно было думать, что придется видѣть бой, наконецъ столкнуться съ тѣмъ, что, въ сущности, давно занимало мысль, но постоянно какъ то ускользало и пряталось за тысячи окружающихъ мелочей и поэтому казалось какимъ-то далекимъ, почти невѣроятнымъ. Теперь оно было уже близко и сердце было неспокойно. Проѣхавъ верстъ 14, мы

явственно услышали далекіе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Первое чувство было радость: наконецъ-то! Но чѣмъ настойчивѣе гремѣла канонада, тѣмъ ощутительнѣе росло безпокойство. Вѣдь это уже настоящій бой—тутъ близка смерть, страданія изуродованныхъ раненыхъ, ихъ стоны, огонь и дымъ непрерывной стрѣльбы, этотъ хоасъ людей, лошадей, орудій, повозокъ, крики команды, однимъ словомъ, воображеніе рисовало ужасы кровопролитія, и картина получалась такая, что думалось: „а нельзя-ли туда не ѣхать?“ Въ Танчахъ мы узнали, что бой идетъ уже второй день въ отрядѣ генерала Мищенко у деревни Мугую, что пока наши дѣйствуютъ очень успѣшно и японцы оттѣснены со всѣхъ своихъ позицій. Уже темнѣло, когда мы въѣхали въ Кутядзы съ тѣмъ, чтобы рано утромъ быть въ Мугую. Дорога была невозможная: непрерывныя горы, узкія ущелья, крутые подъемы, спуски и при всемъ этомъ удушливая, густая пыль. На одномъ изъ переваловъ застрялъ цѣлый обозъ, и мы должны были ждать около часа, пока поставятъ на мѣсто сломавшуюся двуколку, до того узка дорога въ этихъ горахъ. Поломанное колесо у маленькой повозки задерживаетъ весь транспортъ, да не одинъ, а сразу нѣсколько, такъ какъ теперь идутъ транспорты раненыхъ и съ продовольствіемъ, и всякая задержка одного изъ нихъ осложняетъ движеніе встрѣчныхъ и позади идущихъ. Часовъ въ десять, когда было уже совсѣмъ темно, вдали показались

бивачные огни, а навстрѣчу попался транспортъ раненыхъ въ послѣднемъ бою отряда Мищенко. Ихъ было всего 63 человѣка; впереди везли хорунжаго Макарова. Онъ былъ въ разъѣздѣ съ 11-ю казаками и съ нимъ же, въ качествѣ зрителя, былъ интендантскій штабсъ-капитанъ В.; они ѣхали по узкому ущелью, внезапно раздался залпъ. Макаровъ и В. упали: казаки подхватили ихъ, понесли, но сейчасъ же были ранены сами; Макарова удалось унести, а раненаго въ грудь нѣсколькими пулями В. захватили японцы. Макарова донесли къ бивяку и онъ послѣдними словами просилъ передать прощальный привѣтъ своему генералу. Невыразимо грустно было видѣть эту убогую двуколку, въ которой лежало тѣло убитаго. По общему голосу всѣхъ его знавшихъ, это былъ истинный герой—скромный, энергичный, весьма отзывчивый юноша, боевая жизнь улыбалась ему блестящею будущностью, а теперь мы встрѣтили его въ хмурую, темную ночь въ двуколкѣ, покрытой брезентомъ. Невольно рука тянулась къ фуражкѣ и хотѣлось хоть послѣднимъ поклономъ почтить память этого человѣка. Дальше двигались двуколки, наполненныя ранеными. Корпусной командиръ подходилъ къ нимъ и, видимо, хотѣлъ, насколько могъ, ласковымъ словомъ подбодрить и успокоить страдальцевъ—это были уже наши, нашего корпуса; бойкій докторъ старательно давалъ объясненія и особенно подчеркивалъ то обстоятельство, что и онъ видѣлъ,

какъ летали снаряды, какъ было опасно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился... „Но это ничего!“ захлебываясь своимъ разсказомъ, закончилъ онъ свои объясненія, видимо, торопясь не упустить случая поставить на видъ свою распорядительность, а главное, храбрость.

Остановились мы въ какой то рощѣ, обозъ нашъ еще не подошелъ, такъ что пришлось расположиться прямо на землѣ, закусить кое чѣмъ, что захватили съ собой въ кобуры; часовъ до трехъ разсчитывали отдохнуть, чтобы къ утру быть въ Мугуѣ, гдѣ на завтра ожидался бой. Но отдохнуть не удалось, прискакалъ казакъ съ донесеніемъ отъ Мищенко — японцы хотѣли обойти нашъ лѣвый флангъ, поэтому нужно было послать подкрѣпленіе. Сейчасъ же были разложены карты, зажжены свѣчи, фонари, начался совѣтъ штаба, сначала въ полголоса, потомъ все громче и громче—какіе послать баталіоны, какія выбрать дороги, въ которомъ часу отправиться. Въ это время еще пріѣхалъ офицеръ съ донесеніемъ о сегодняшнемъ боѣ. Доносилъ онъ словесно и, по правдѣ говоря, довольно безтолково: видно было, что онъ недостаточно освѣдомленъ, такъ какъ часто отвѣчалъ: „этого я не видѣлъ, объ этомъ мнѣ никто не сообщалъ“. Эти разговоры, серьезныя лица, торопливость и поздній часъ ночи придавали всей обстановкѣ совершенно новый, тревожный характеръ. Мысль о завтрашнемъ днѣ дѣлалась все бо-

лѣе и болѣе острой. Воображеніе старалось нарисовать картину боя, но все было какъ то похоже на лубочныя картинки и приходилось довольствоваться неясными общими ощущеніями. Не послѣднее мѣсто занимала мысль: „а вдругъ убьютъ?“ Все случай--можно быть въ передовой цѣпи и уцѣлѣть подъ адскимъ огнемъ, можно стоять въ укрытомъ мѣстѣ въ резервѣ и получить шальную пулю. Вотъ эта неуловимая, нелѣпая случайность, полная беззащитность отъ нея, болѣе всего ужасна; тутъ ничѣмъ нельзя себя успокоить, кромѣ нашего любимаго „авось“—тутъ оно дѣйствительно незамѣнимо и успокоительно; съ радостью, словно съ облегченіемъ, встрѣчаешь другую мысль—„а можетъ быть ранятъ?“—тутъ уже большій просторъ воображенію, такъ какъ отъ самыхъ тяжелыхъ ранъ до пустяшной контузіи градацій очень много. Съ одной стороны, возможная близость конца или какого нибудь несчастія была настолько нова, что казалась невѣроятной и привычное ощущеніе здоровья и жизни, словно, заслоняло и прогоняло призракъ смерти, но стоило вдуматься и спросить себя: „да почему же я такъ увѣренъ, что все будетъ благополучно?“—и отвѣта не находилось. Все можетъ быть, особенно на войнѣ. Кончилось тѣмъ, что я всетаки пошелъ, нашелъ своего оруженосца и предупредилъ, какъ ему поступить, въ случаѣ, если со мной произойдетъ какая либо катастрофа; мнѣ было какъ то неловко говорить на эту тему,

но „все можетъ быть" стояло въ головѣ и подсказывало слова этого краткаго завѣщанія. Около двухъ часовъ я попробовалъ лечь уснуть, но взбудораженныя мысли гнали сонъ и заснуть я не успѣлъ; вскорѣ всѣ зашевелились и начали сѣдлать лошадей; едва показались первые лучи солнца, мы уже ѣхали къ Мищенко, чтобы въ первый разъ увидѣть бой.

$\frac{14}{VI}$ 04. Свѣжее, ясное утро начинало уже теплѣть подъ лучами вставшаго солнца, когда мы подъѣхали къ биваку Мищенко. За горой, покрытой молодымъ дубовымъ лѣсомъ, пріютился лагерь этихъ неутомимыхъ тружениковъ войны; казаки уже давно были за работой—поили лошадей, чистили, исправляли аммуницію, варили чай; на склонѣ горы, между деревьями, стояли палатки офицеровъ, но многіе изъ сотрудниковъ лихого генерала спали прямо на землѣ, на буркѣ; ставка генерала была плотно закрыта, онъ еще спалъ, а это, повидимому, рѣдкій случай, такъ какъ постоянныя донесенія не даютъ покоя ни днемъ, ни ночью; послѣ вчерашняго боя, должно быть, отдыхали и японцы.

Наши генералы съ нѣкоторой робостью проникли въ палатку Мищенко; понемногу мы всѣ окружили ее тѣснымъ кольцомъ, а тѣ, кто посмѣлѣе и полюбопытнѣе, протиснулись и внутрь: Мищенко лежалъ подъ одѣяломъ, съ первой утренней папиросой въ зубахъ и оживленно разсказывалъ о возможности энергичнаго совмѣстнаго на-

ступленія: „надо же и къ нимъ внести тревогу, понимаете, тревожить, разстраивать, заставить ихъ опасаться насъ“. Его рѣчь была замѣчательно убѣдительна и картинна; въ каждой фразѣ проявлялось детальное, всестороннее знаніе мѣстности и всей обстановки—десятки названій разныхъ деревень, всевозможные горные проходы и выходы, разстоянія отъ одного пункта до другого, все это онъ называлъ нашимъ генераламъ, не смотря на карту, и тѣ едва поспѣвали слѣдить за нимъ, съ великимъ трудомъ разыскивая указанныя мѣста на своихъ картахъ. Онъ разсказываетъ десятки фактовъ, результаты развѣдокъ, разныхъ боевъ, затѣмъ говоритъ: „ну, сопоставимъ теперь это все. Что имѣемъ мы съ такого то числа до сегодня?“—и всѣ эти разсказы, извѣстія получаютъ опредѣленную оцѣнку, освѣщаютъ положеніе дѣла и требуютъ опредѣленныхъ дѣйствій. Этотъ человѣкъ умѣетъ разсуждать и всегда знаетъ, чего онъ хочетъ. Его невозмутимое спокойствіе, ясность сужденій и глубокое знаніе обстановки внушаютъ крѣпкое довѣріе къ нему и вполнѣ понятное желаніе имѣть его своимъ начальникомъ. „Съ нимъ не пропадешь“, „нашъ генералъ“—эти слова звучатъ у его подчиненныхъ завидной гордостью и сознаніемъ своего счастія.

Бесѣда генераловъ была прервана орудійной пальбой на позиціи; минутъ черезъ десять мы, во главѣ съ Мищенко, отправились туда. Насколько

раньше воображеніе легко рисовало всевозможныя картины, настолько теперь оно какъ будто замерло, не смѣя состязаться съ дѣйствительностью, которая сейчасъ должна была представиться сама. Выстрѣлы слышались все сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ передъ нами показалась артиллерійская позиція, занятая казачьей батареей. Это была довольно высокая гора, спускавшаяся направо къ рѣкѣ, а налѣво переходившая въ запутанныя горныя цѣпи; по эту сторону стояли резервы наши, Б-ій и К-ій полки, а впереди за горой были наши стрѣлки. Батарея стрѣляла рѣдкимъ огнемъ. Сердце билось очень сильно, когда я поднимался наверхъ; какъ разъ батарея въ это время молчала, и казалось, что только взойдешь на вершину, какъ со всѣхъ сторонъ загремятъ выстрѣлы и воздухъ задрожитъ отъ воя снарядовъ; но вотъ мы уже на вершинѣ, у орудій, руки слегка дрожатъ, торопливо хватая бинокль: „гдѣ же японцы?“—слышится общій нетерпѣливый вопросъ. Но увы, японцевъ не было видно; сегодня у нихъ была горная артиллерія, которая не могла состязаться въ дальности съ нашей, пѣхота была запрятана въ горахъ и тоже была незамѣтна. Разочарованіе было полное, хотя, по правдѣ говоря, чувство нѣкотораго успокоенія было сильнѣе любопытства.

Всѣ волненія и ожиданія были напрасны—мы не подвергались никакой опасности и передъ нами

была картина обыкновенной боевой стрѣльбы на маневрахъ. Вездѣ полное спокойствіе, непринужденные разговоры, шутки и смѣхъ, но всетаки нѣтъ-нѣтъ, рука съ биноклемъ поднимается словно сама собой, и, тщательно всматриваясь, хочется гдѣ нибудь увидѣть японцевъ. Привычный глазъ артиллеристовъ различаетъ ихъ батарею: „вонъ тамъ около лѣса, слѣва отъ куста", но намъ, только что пріѣхавшимъ, это указаніе нисколько не помогало и мы напрасно до боли утомляли свои глаза—кромѣ горъ, далекихъ рощъ, едва замѣтныхъ кустовъ ничего не было видно и въ хорошій бинокль.

Впереди передъ нами безпорядочно толпились горы; перевалы и долины шли по всѣмъ направленіямъ; наши цѣпи своими движеніями приводили меня въ полное недоумѣніе: одна цѣпь была разсыпана, какъ и можно было ожидать, приблизительно параллельно фронту батареи, другая передъ батареей, наоборотъ, въ поперечномъ направленіи, но лицомъ влѣво, занимала рельефно выдѣлявшійся невысокій хребетъ; еще правѣе, шли роты „толпою во образѣ колонны", карабкаясь на крутую гору; отовсюду слышны ружейные выстрѣлы, то учащавшіеся, то затихавшіе, но кто стрѣлялъ, куда и откуда, рѣшительно нельзя было узнать. Кажется, только самъ Мищенко и его помощники отлично все понимали; самъ генералъ руководилъ огнемъ батареи, указывая цѣль, а мы въ нѣмомъ

восхищенiи наблюдали за поразительной стрѣльбой этой лихой батареи. Стоило только указать вершину горы или лѣсокъ, какъ черезъ нѣсколько секундъ это мѣсто окутывалось бѣлымъ облакомъ разорвавшейся шрапнели, и ружейная трескотня значительно стихала—очевидно наша артиллерiя вѣрно находила запрятавшихся японцевъ, но чтобы разсмотрѣть ихъ тамъ или знать, что они тамъ должны быть, для этого одного умѣнiя стрѣлять мало.

Да, картина была совсѣмъ не та, какую рисовало воображенiе. Мы привыкли къ лубочнымъ картинкамъ, гдѣ изображены ряды войскъ, клубы дыма, развѣвающiяся знамена и генералъ, непремѣнно на бѣлой лошади. Здѣсь все было такъ просто, такъ непритязательно, но стоило только вглядѣться въ сосредоточенныя лица, посмотрѣть, какъ медленно, видимо съ огромнымъ трудомъ далеко впереди наши солдаты лѣзли на крутые подъемы горъ, чтобы ясно понять, напомнить себѣ, что тутъ передъ нашими глазами, какъ на огромной сценѣ, совершается именно то, о чемъ раньше до сихъ поръ мы знали только по газетнымъ сообщенiямъ или разсказамъ: „наступленiе“, „заняли гору“, „перенесли огонь на другой флангъ“—какъ эти слова плохо объясняютъ соотвѣтствующую имъ дѣйствительность, и какъ много непоправимыхъ неудачъ можетъ произойти отъ одного необдуманнаго кабинетнаго приказанiя, — „занять

гору!“ А при Вафангоу одну и ту же гору занимали по два, по три раза, слѣдуя противорѣчивымъ приказаніямъ!

Часамъ къ 10-ти утра выстрѣлы стали совсѣмъ затихать. Въ это время сзади, гдѣ резервомъ стоялъ Б-ій полкъ, послышались пѣвучіе звуки „Коль Славенъ“. Это хоронили убитыхъ въ послѣдней стычкѣ. Живые отдавали послѣднюю честь умершимъ.

Яркій лѣтній день уже разгорѣлся тепломъ и свѣтомъ; въ воздухѣ чувствовалась наступающая жара полдня, деревья и кусты лѣниво вздрагивали отъ легкаго вѣтра, и усталость давала себя чувствовать приступомъ какого то безразличія, желаніемъ прилечь отдохнуть. Усталыми, равнодушными взглядами смотрѣли стоявшіе на позиціи на похороны недавнихъ товарищей, но кто знаетъ, какія мысли проносились у этихъ людей, привыкшихъ къ близости смерти? Быть можетъ, эти мысли навѣвались рыдающими, тоскливыми звуками гимна, впервые пронесшимися въ здѣшнихъ горахъ; быть можетъ, жалость къ умершимъ или мысль о собственномъ концѣ, быть можетъ, бодрая сила духа и свѣтлыя надежды пробуждались въ груди у живыхъ жгучимъ, больнымъ чувствомъ? Звуки музыки гулко отдавались въ горахъ, и лишь изрѣдка свистъ пронесшагося снаряда заглушалъ мелодію своимъ рѣзкимъ своеобразнымъ воемъ, и горное эхо разносило кругомъ этотъ страшный, сопутствующій смерти ревъ...

А впереди наши все занимали и занимали горы; вотъ, сбоку загремѣла еще наша конная батарея, ружейные выстрѣлы участились, бой какъ будто оживился, но не на долго,—чуть усилился артиллерiйскiй огонь, какъ ружейная трескотня стихла. Въ концѣ концовъ первое любопытство было удовлетворено, оставалось только ждать, когда представится случай видѣть бой въ большихъ подробностяхъ, но интересно было уже видѣть, хотя бы лишь самую систему боя и, конечно, самое интересное видѣть управленiе боемъ въ рукахъ такого генерала, какъ Мищенко.

Какъ подробность, рельефно рисующую характеръ генерала, можно указать на оригинальный подборъ его личнаго штаба: древнiй старикъ черногорецъ, бывшiй штабсъ-капитанъ конной артиллерiи, разжалованный въ нижнiе чины за „непрiятность“ съ офицеромъ генеральнаго штаба, и кадетъ Миша. Эти трое ординарцевъ неразлучны съ генераломъ и предназначены имъ для всѣхъ отвѣтственныхъ порученiй. Нужно знать ихъ беззавѣтную преданность своему дѣлу, своему генералу, чтобы понять и оправдать необычность такого состава ординарцевъ! Это еще одинъ примѣръ того, какъ дѣйствуетъ истинный военно-начальникъ „милостью Божiею“, а не по чину или патенту. Рѣдкiй примѣръ умнаго сердца!

Часа въ два мы поѣхали съ позицiи домой. По жарѣ, по пыльной дорогѣ, по непрерывнымъ спу-

скамъ и подъемамъ проѣхать 12– 15 верстъ положительно трудно, особенно если принять во вниманіе, что предыдущую ночь совершенно не спали, ничего не ѣли, кромѣ сомнительныхъ сосисекъ— консервовъ, которыя я тщетно старался разогрѣть въ горячей водѣ, такъ что пріѣздъ на бивакъ рисовался весьма плѣнительнымъ. Это былъ первый день, когда мы вполнѣ испытали прелесть походной обстановки! Китайскія деревни, расположенныя возлѣ дороги, пусты: всѣ „китаезы“ разбѣжались и въ рѣдкой фанзѣ можно найти человѣка, въ большинствѣ случаевъ древняго старика, который или не могъ убѣжать, или которому уже совершенно все равно, что дѣлается вокругъ, кто кого бьетъ и за что; онъ съ чисто философской невозмутимостью смотритъ на проходящія войска, флегматично сосетъ неизмѣнную трубку и въ его слезящихся глазахъ и во всей его скудной внѣшности видно одно только равнодушіе, ни тѣни безпокойства, ни искры любопытства. Поля, такъ тщательно обработанныя неустанной заботливостью терпѣливаго китайца, теперь брошены, изуродованы и затоптаны, особенно близъ дороги. Еле-еле мы добрались до бивака и съ небывалымъ аппетитомъ принялись за обѣдъ. Наше первое крещеніе не удалось, но этотъ день отмѣтилъ новую эру нашей жизни—смѣясь, напримѣръ, говорили: „это было за недѣлю до того, какъ мы ѣздили воевать“.

$\frac{15}{VI}$ 04. Еще съ вечера, наканунѣ начался дождь и всю ночь дробилъ по палаткѣ; мелкія брызги разбившихся капель изрѣдка проникали черезъ брезентъ, и въ душѣ ощущалось нѣкоторое безпокойство; неужели уже начались эти пресловутые маньчжурскіе дожди, которые безпрерывно тянутся мѣсяца полтора? Утро было унылое. Прикрывшись всякими, такъ называемыми непромокаемыми приспособленіями, мы собирались къ чаю; разговора было мало. Одна и та же мысль видимо надоѣла всѣмъ: „на долго ли эта мокрота?“—а дождь, какъ бы въ отвѣтъ, все сыпалъ и сыпалъ безнадежно и упорно; послѣ чая всѣ мрачно разбрелись по палаткамъ и занялись, кто чѣмъ могъ: кто перечитывалъ газеты, кто чинилъ что-либо изъ своихъ пожитковъ, кто писалъ письма, а нѣкоторые, сообразно погодѣ, погрузились въ тупое, угрюмое „самосозерцаніе“, такъ какъ больше рѣшительно не на что было смотрѣть. Поднялся сильный вѣтеръ, и мы считали себя счастливыми, что расположились за горой въ лѣсу, иначе палатки были бы сорваны вихремъ, свистѣвшимъ на вершинахъ деревьевъ. Вскорѣ по землѣ побѣжали ручьи, иногда вода забѣгала въ палатку и приходилось уже поджимать ноги, собирать вещи съ земли и забираться на кровать. Вдругъ, послышались крики и суетня, я выбѣжалъ изъ палатки и сейчасъ же бросился назадъ, но было уже поздно—вода доходила до колѣнъ. Буквально въ одну минуту нахлынула

огромная волна съ горъ (оказывается, мы стояли на высохшемъ руслѣ горной рѣчки) и нашъ бивакъ былъ затопленъ. Въ первую минуту трудно было сообразить, что изъ вещей спасать прежде всего: подъ руки попадался то карандашъ, то жестянка изъ подъ консервовъ. Когда минуты двѣ спустя я, нагруженный кое какъ схваченными необходимыми вещами, выступалъ, съ трудомъ поднимая отяжелѣвшія отъ воды ноги, среди мчавшагося потока, любопытная картина, въ которой, однако, мало было смѣшного, виднѣлась вокругъ меня. Палатки, вздутыя вѣтромъ и смытыя дождемъ, безпомощно болтались по водѣ; лошади, привязанныя къ деревьямъ, бились, рвали привязи, метались во всѣ стороны, сбивая съ ногъ другъ друга и людей, копошившихся по поясъ въ водѣ; мы очутились въ рѣкѣ, стремительно мчавшей свои мутныя волны, смывшей наши палатки и вещи. Въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, нагруженные своимъ промокшимъ добромъ, брели мы, еле двигая ногами къ спасительной фанзѣ, гдѣ была наша столовая; ноги вязли въ глинѣ, сапоги и одежда, намокнувъ, были тяжелы, какъ доспѣхи; вотъ уже близокъ берегъ, но въ это время нога моя провалилась въ какую то невидимую мнѣ канаву, я метнулся въ другую сторону, но свертокъ съ запасной смѣной бѣлья полетѣлъ въ воду, быстро я его схватилъ, но всетаки опоздалъ—послѣдняя надежда быть сухимъ угасла, а

я такъ бережно его несъ, намѣреваясь сейчасъ же переодѣться и согрѣться рюмкой коньяка! Теперь было все равно, и я съ озлобленіемъ отправился еще разъ назадъ по водѣ за оставшимися вещами; верхняя одежда съ подушкой, завернутая въ одѣяло, были сухи, но мое положеніе отъ этого значительно не улучшилось; мнѣ оставалось утѣшиться лишь тѣмъ, что у нѣкоторыхъ промокло все до нитки, а многіе и потеряли даже свои вещи, такъ какъ вода унесла всевозможные чемоданы, сапоги, мѣшки и сумки. Среди насъ оказался только одинъ безусловно сухой—едва показалась вода, онъ сейчасъ же раздѣлся, свернулъ всѣ свои ризы въ узелокъ и въ костюмѣ Адама переправился въ фанзу; всѣ завидовали этому счастливцу и въ тайнѣ рѣшили „въ слѣдующій разъ“ непремѣнно поступить такъ же.

Теперь только нашъ штабъ рѣшилъ, что рискованно было располагаться бивакомъ въ руслѣ рѣки въ горной странѣ, гдѣ всевозможные сюрпризы такъ неожиданны и грозны! За обѣдомъ туалеты присутствующихъ были весьма разнообразны и оригинальны, не смотря на присутствіе двухъ сестеръ милосердія; въ разговорахъ и разсказахъ раскрылось много курьезныхъ деталей этого событія.

Нашъ румынъ, всегда очень милый и добродушный, возмущался: „ну, вы воюете съ японцами, японцы съ вами, причемъ же я?“ Онъ потерялъ

великолѣпный фотографическій аппаратъ и пострадалъ отъ того, что хотѣлъ непремѣнно сдѣлать снимокъ этого наводненія, для чего торопился выскочить изъ своей плотно закрытой палатки и разрѣзалъ стѣнку ея ножемъ—вода хлынула, какъ въ коробку, такъ какъ брезентное дно ея сплошь соединялось со стѣнками, и моментально все исчезло подъ водой.

Корпуснаго командира разбудили въ его палаткѣ въ тотъ моментъ, когда вода начала забѣгать въ кровать.

Одинъ изъ штабныхъ разсказывалъ, какъ онъ на рукахъ вынесъ сестру милосердія, рискуя собственной жизнью—конечно, это было вполнѣ простительное уклоненіе отъ истины, если принять во вниманіе, что онъ второй день неотступно ухаживалъ за этой сестрой, но надо отдать ей справедливость—она была неприступна, и всѣ усилія этого ловеласа до конца нашего пребыванія здѣсь были тщетны. Для него, испытаннаго охотника, это было, конечно, обидно и онъ увѣрялъ, что здѣсь, когда кругомъ столько несчастій, слышны стоны раненыхъ, ему стыдно флиртовать и вносить пошлость въ святое дѣло сестры!

Молодцы казаки, бывшіе съ нами, много помогли тому, что не всѣ наши вещи пропали въ водѣ; они моментально бросились на лошадей и верхомъ перевозили подаваемыя имъ вещи, вылавливали ихъ изъ воды; сейчасъ же разставили колья съ веревками,

чтобы помочь переходить вбродъ подъ напоромъ мчавшейся рѣки. Когда весь переполохъ кончился, они, промокшіе насквозь, жались у костра и добродушно острили: „ну вотъ, слава Богу, Господь дождичка послалъ“. Это былъ юморъ чистой воды и невольно всѣ хохотали, слушая этихъ неутомимыхъ, жизнерадостныхъ весельчаковъ.

Дальнѣйшія стратегическія соображенія требовали нашего отъѣзда на завтра въ Танчи. Усиленно всѣ просились въ Дашичао, гдѣ остались наши хорошія жилыя комнаты, вещи, бѣлье, но командиръ корпуса не хотѣлъ далеко уѣзжать отъ своихъ частей, и мы должны были поселиться въ фанзѣ китайской деревушки. Періодъ дождей, должно быть начался, и мы должны были благодарить свою судьбу, что насъ будетъ прикрывать хоть фанза, а не легкая палатка, въ которой въ такую погоду и холодно, и сыро. Часа въ четыре, кое-какъ обсохнувъ, мы двинулись въ Танчи. Дорога была сплошь залита водой, полужидкой липкой грязью; лошади скользили и едва шли; всюду торчали изломанныя арбы, двуколки и пустыя, и нагруженныя, валялись трупы лошадей, быковъ и муловъ: видимо, затопившій насъ потокъ надѣлалъ бѣдъ и хлопотъ на много верстъ вокругъ.

$\frac{18}{VI}$ 04. Время настало трудное: нашъ корпусъ отошелъ отъ желѣзной дороги въ сторону, грунтовыя дороги испортились до непроходимости, подвозить транспорты съ продовольствіемъ сдѣлалось

почти невозможнымъ; стоять лагеремъ и бивакомъ приходилось въ сырыхъ мѣстахъ, покрытыхъ грязью и иломъ; всюду стояла гнилая сырость; намокшія вещи не сохли, а покрывались плѣсенью; грозный призракъ болѣзней уже началъ показываться и приводилъ въ отчаяніе врачей и начальство; улучшить же питаніе и даже держать его въ нормѣ было чрезвычайно трудно, такъ какъ транспорты дѣлали 2—3 версты въ день по изуродованнымъ, размытымъ дорогамъ. Задержка одной повозки останавливала все движеніе почти на цѣлый день; нѣкоторыя части по 2—3 дня не могли получить своихъ транспортовъ и питались только чаемъ съ сухарями. Сама организація транспортовъ была еще совершенно не налажена, и нерѣдко къ чисто канцелярской волокитѣ въ этихъ дѣлахъ присоединялись весьма недвусмысленные промахи и злоупотребленія, результатомъ чего являлось крайнее истощеніе лошадей и муловъ, на которыхъ возились транспорты. Мнѣ лично пришлось констатировать весьма странный режимъ, установленный однимъ изъ начальниковъ для лошадей его транспорта: лошадей кормили одинъ разъ передъ отправленіемъ транспорта въ путь, не заботясь о томъ, что командировка могла продолжаться иногда больше двухъ-трехъ сутокъ; никакихъ кормовыхъ денегъ не выдавалось, и нашему артиллерійскому чиновнику пришлось на свой счетъ покупать кормъ для лошадей, т. к. онѣ окончательно

истощенныя голодомъ и трудною дорогой, не могли везти экстренно потребованные снаряды. Едва-ли это единственный случай, т. к. не разъ ходили слухи о томъ, что всевозможныя слѣдствія и дознанія чаще всего происходили по Управленію Транспортовъ.

Такое состояніе транспортовъ не могло не отразиться на здоровьѣ. Къ счастью тяжелыхъ заболѣваній и смертныхъ случаевъ было очень мало; въ большинствѣ случаевъ болѣли по одному, по два дня и возвращались въ части, но госпитали были постоянно переполнены. Съ утра до вечера у воротъ фанзы-госпиталя толпятся солдаты, и врачи терпѣливо и аккуратно осматриваютъ и записываютъ, не оставляя ни одного безъ вниманія. Страшно трудно, почти невозможно внушить солдату, что сырая вода, какіе-нибудь дрянные китайскіе фрукты, а еще хуже ихъ кулинарныя произведенія, вредны. Сырую воду пьютъ, всякую дрянь ѣдятъ, терпѣливо лѣчатся, а потомъ при случаѣ опять не удержатся, опять заболѣваютъ. Трудно сказать, что можетъ быть причиною этого равнодушія и къ болѣзни, и къ смерти: можетъ быть, это врожденный фатализмъ, являющійся также источникомъ храбрости и желѣзной стойкости нашего солдата? Мищенко разсказывалъ объ одномъ изъ нашихъ полковъ, впервые попавшемъ въ огонь въ его отрядѣ: „сначала горячились, присылали донесенія о томъ, что противникъ наступаетъ, необходимы подкрѣпленія, что несутъ большія потери, а потомъ об-

терпѣлись и такими молодцами стояли подъ убійственнымъ огнемъ, что я любовался на нихъ; ну, думаю, довольно, обошлись и приказалъ ихъ смѣнить“. Вотъ слова, въ которыхъ опять видно умное сердце опытнаго начальника, который все видитъ; занятый сотнями мыслей и соображеній во время боя, на позиціи, онъ слѣдитъ за вновь пришедшими „молодыми“, учитъ ихъ, любитъ и бережетъ.

Японцы, по донесеніямъ развѣдокъ и лазутчиковъ, находятся въ несомнѣнно худшихъ и санитарныхъ, и продовольственныхъ условіяхъ. Везти все имъ дальше, горы круче и выше, обозовъ нѣтъ, все перевозится, преимущественно, на людяхъ; у нихъ много умираетъ отъ болѣзней, и пока на эти дни они словно притихли, словно спрятались куда-то въ горы и развѣдки ихъ не могутъ найти. Дожди приносятъ съ собой невольное перемиріе, но, будь у одной изъ сторонъ легкій вьючный обозъ, въ эти дни можно было бы не только надѣлать множество хлопотъ противнику, а, можетъ быть, и судьбу войны значительно склонить въ ту или другую сторону. Но такого обоза нѣтъ, мы стоимъ и ждемъ лучшихъ дней, подбадриваемъ себя терпѣніемъ и только одною мыслью: „онъ все это знаетъ, у него это все взвѣшено“.

$\frac{22}{VI}$ 04. Вотъ уже недѣля, какъ мы сидимъ въ Танчахъ. Погода неизмѣнно скверная, сырость и грязь удручающе дѣйствуетъ на нервы. Утромъ просыпаешься: дождь шумитъ по крышѣ фанзы,

вѣтеръ прорывается сквозь прорванную бумагу оконъ, кое-гдѣ слышно, какъ струится вода черезъ ненадежный потолокъ; подушка сырая, полотенце холодноватое, словно невысохшее послѣ стирки; нѣкоторыя вещи покрылись зловѣщими пятнами плѣсени. Самоваръ долго не можетъ вскипѣть, такъ какъ все топливо промокло; весь дворъ—сплошная лужа; лошади уныло понурили головы; повернувшись по вѣтру, изрѣдко онѣ пробуютъ перемѣнить свою позу и, громко хлюпая по грязи увязшими копытами, словно выбираютъ мѣсто посуше, но, перемѣнивъ одну лужу на другую, опять надолго становятся неподвижно, и тоненькія струйки воды бѣгутъ съ ихъ спинъ. Къ столу собираются всѣ молчаливые; общіе разговоры идутъ больше о погодѣ; проклинаютъ этотъ край, его возмутительныя дороги, бѣдность китайскихъ деревень, мечтаютъ о томъ, когда вернутся домой, и только на этомъ пунктѣ разговоръ оживляется, начинаются споры о продолжительности войны, о ея вѣроятномъ концѣ.

Есть сортъ людей, попавшихъ на войну, которыхъ меньше всего жалко, когда слышишь ихъ жалобы, проклятія и мечты о скоромъ возвращеніи домой. Это легкомысленные, жадные честолюбцы, у которыхъ кромѣ жажды получить какой-нибудь орденъ, нѣтъ ничего за душой. Они тамъ дома у себя представляли себѣ войну, какъ огромную всѣмъ доступную арену, на которой могутъ подвизаться всѣ желающіе, на которой раздаются призы всѣмъ

участвующимъ, и въ затуманенномъ мозгу такого мечтателя при одной мысли о легко достижимой наградѣ, отличающей его отъ всѣхъ прочихъ мирныхъ россіянъ, рисуются только одни побѣдные лавры героя. Война, походы, биваки, перестрѣлки,—все это красиво, оригинально, рискованно, а онъ послѣ всего этого осѣненъ ореоломъ геройства и украшенъ знакомъ военной доблести. И вотъ, исполненный жажды послужить отечеству, онъ хлопочетъ, суетится, бросаетъ домъ, привычное дѣло и летитъ сюда на Востокъ... Громъ сраженій уже слышится въ его ушахъ, обольстительныя картины быстрыхъ успѣховъ вдохновляютъ его и онъ начинаетъ искренно вѣрить въ свое призваніе. Наконецъ, пріѣхалъ, и прежде всего полная неизвѣстность, что и когда съ нимъ сдѣлаютъ, куда пошлютъ и зачѣмъ. Это—первый холодный душъ, пролившійся на распаленнаго героя. Идутъ дни, иногда недѣли, а его все посылаютъ изъ управленія въ управленіе, изъ штаба въ штабъ, говорятъ ему „подождите“, „вотъ мы васъ устроимъ“, „зайдите на этихъ дняхъ“, и бѣдный герой изнываетъ; свое скучающее сердце, возмущенное досадной проволочкой, онъ начинаетъ утѣшать во всевозможныхъ эдемахъ; въ лучшемъ случаѣ его патріотизмъ остываетъ подъ вліяніемъ озлобленія на мучителей—кунктаторовъ, которые, по его словамъ, ничего не понимаютъ, ничего не дѣлаютъ; наконецъ получаетъ желанное назначеніе—завѣдывать продовольственнымъ пунк-

томъ! На какой-нибудь желѣзнодорожной станціи или на этапѣ, въ грязной лачугѣ съ нѣсколькими солдатами, онъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ варитъ супъ, ругается съ начальниками эшелоновъ, выслушиваетъ ихъ претензіи, мокнетъ подъ дождемъ и не спитъ по ночамъ, ожидая прихода воинскаго поѣзда. Нѣкоторые счастливцы устраиваются въ штабѣ, состоятъ при комъ-нибудь или при чемъ-нибудь, но и отъ нихъ заманчивыя картины блестящихъ успѣховъ далеки, а стоитъ пойти дождю, который ихъ вымочитъ до костей, или какая-нибудь досадная случайность лишитъ обѣда, сейчасъ же льются проклятья войнѣ, этому злополучному краю, и рѣдкій изъ нихъ не проклянетъ себя, свое желаніе быть тоже героемъ въ своемъ околодкѣ.

$\frac{25}{\text{VI}}$04. Танчи—китайская деревня верстахъ въ 18-ти на юго-востокъ отъ Дашичао. Въ тотъ день, когда мы пришли сюда, въ деревнѣ, не было ни одного китайца, всѣ разбѣжались, унеся съ собой свой хламъ и оставивъ пустыя фанзы; оказалось невозможнымъ достать какіе - либо продукты, но при болѣе подробномъ осмотрѣ деревни пронырливые казачки обнаружили, что въ ямахъ, наполненныхъ мусоромъ, подъ сложенными дровами, въ заколоченныхъ сараяхъ, сложены большіе запасы гаоляна, чумизы, а въ иныхъ мѣстахъ это продоволствіе было закопано въ землю и показалось на свѣтъ Божій послѣ дождей, когда вода смыла первый слой глины. Но насильственныя реквизиціи были

строго воспрещены, и приходилось подчасъ съ трудомъ отыскивать хозяина и торговаться съ нимъ за каждый пудъ чумизы. Сильные дожди размочили глинистую почву, вездѣ ручьи и огромныя лужи жидкой грязи и ила, маленькая незамѣтная рѣчушка разлилась огромнымъ потокомъ и сдѣлалась почти непроходимой для обозовъ и транспортовъ. Пока наладили вьючный обозъ, войска нерѣдко голодали и не могли дождаться своихъ повозокъ, посланныхъ въ Дашичао за продовольствіемъ; солдатскія палатки стоятъ буквально въ лужахъ, и невольно спрашиваешь себя: „какъ же можно тутъ отдохнуть и выспаться?“ Оказывается можно, и только нужно удивляться необыкновенному терпѣнію и невзыскательности нашего солдата. Льетъ дождикъ, свиститъ вѣтеръ, кругомъ вода, ручьи вливаются въ маленькую промокшую палатку, немудреный багажъ собранъ въ кучу или подвѣшенъ къ колышкамъ, а обитатели этого убогаго жилища прижались другъ къ другу, накрылись шинелями и отдыхаютъ. Но вотъ раздается окрикъ дежурнаго; „такая то рота на посты“. Быстро онъ одѣнетъ шинель, мѣшокъ, патронташъ, возьметъ винтовку и минутъ черезъ 10 побредетъ по скользкой грязи, иногда по колѣно въ водѣ, подъ непрерывнымъ осеннимъ, пронизывающимъ дождемъ версты за 4 на посты, гдѣ никакого отдыха, никакого крова нѣтъ. И все это безъ звука ропота, безъ тѣни неудовольствія на лицѣ. Беззвучно покорно они терпятъ непогоду,

безстрашно они идутъ умирать и въ сіяющій солнечный день, и въ хмурое холодное ненастье. Мы въ штабѣ, въ закрытой, сравнительно теплой фанзѣ, сытые и спокойные, развѣ мы можемъ почувствовать тяжесть бремени возложеннаго на солдата? И поэтому нельзя было равнодушно видѣть, какъ корпусный командиръ, при встрѣчѣ съ солдатами привѣтливо и ласково старался ихъ подбодрить. Физіономія солдата положительно расцвѣтала, радостная улыбка появлялась на утомленнномъ лицѣ и громко отъ сердца звучало его „здравія желаю“ или „радъ стараться“. Онъ, незамѣтный пичуга, говорилъ съ корпуснымъ командиромъ при всѣхъ господахъ офицерахъ, при всемъ начальствѣ, съ нимъ здоровались, разспрашивали о семьѣ, хвалили, однимъ словомъ, брали прямо-таки за сердце, и онъ былъ безконечно счастливъ отъ этой ласки и, навѣрно, долго еще потомъ, стоя подъ дождемъ на посту гдѣ-нибудь на унылой полянѣ затоптаннаго гаоляна, онъ вспоминалъ этотъ разговоръ, и непогода не казалась ему жуткой, невыносимой.

$\frac{26}{VI}$ 04. Сегодня привели плѣннаго японца. Долго смѣялись и разговаривали по поводу того, какъ онъ былъ пойманъ. Рядовой С-аго полка, сильно подвыпившій, дошелъ, какъ говорится, „до исполненія служебныхъ обязанностей“ и отправился въ китайскую деревню за дровами: для кого и почему ему понадобились именно дрова, ни онъ самъ, ни другіе объяснить не могли. Пошелъ безъ всякаго оружія,

какъ сидѣлъ у себя въ палаткѣ; передъ деревней, только что онъ перелѣзъ черезъ канаву, обросшую кустами, какъ его блуждающій взоръ усматриваетъ трехъ японцевъ; двое быстро бросаются въ кусты, а третій, боясь стрѣлять, на минуту растерялся; пьяная голова нашего героя моментально отрезвилась, онъ устремляется на японца и по-просту бьетъ его кулакомъ по уху. Навѣрное житель страны Восходящаго Солнца впервые оказался въ такой передѣлкѣ и не успѣлъ онъ опомниться, какъ былъ обезоруженъ, руки его были скручены назадъ, кепи отъ такой встряски полетѣло на землю, а расходившійся побѣдитель уже усмотрѣлъ двухъ китайцевъ, притаившихся за заборомъ, которые, повидимому, и привели этихъ японцевъ... Черезъ минуту цѣлая процессія направлялась къ бивaку: два китайца, связанные за косы, японскій солдатъ въ походной формѣ, но безъ ружья, и конвоировавшій своихъ арестантовъ побѣдитель съ японскимъ ружьемъ, безъ шапки, въ распоясанной рубахѣ и съ сіяющей физіономіей. Но въ концѣ концовъ, вопреки всякимъ афоризмамъ, относящимся лишь до сильныхъ міра сего, побѣдитель получилъ, вѣроятно, самъ по уху отъ фельдфебеля, и былъ поставленъ подъ ружье ротнымъ командиромъ за своевольную отлучку изъ черты расположенія бивака и за нетрезвое поведеніе. Бѣдный! Тщетно его голова старалась уяснить себѣ, гдѣ же справедливость и какъ ее найти?..

$\frac{29}{VI}$ 04. У Гайчжоу идетъ бой, корпусъ Штакельберга отступаетъ и нашъ отходитъ назадъ ближе къ Дашичао. Утромъ мы вышли изъ Танчей и ушли до деревни Инфенчжай, верстъ 8 назадъ. Погода установилась дня 2—3 ясная, особенно изнуряющей жары нѣтъ, дороги исправились, впрочемъ не безъ помощи саперъ, и движенiе по нимъ теперь быстрое и свободное.

Инфенчжай—маленькая деревушка, вся укрытая садами, очень уютная и чистая, такъ что послѣ грязи и убiйственныхъ запаховъ Танчей, мы здѣсь положительно отдыхаемъ. Столовая наша устроена въ густой тѣнистой аллеѣ; живемъ совсѣмъ какъ на дачѣ; кругомъ невысокiя горы, покрытыя ровной зеленью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нихъ можно усмотрѣть чуть замѣтныя темноватыя полосы,—это укрѣпленiя нашихъ позицiй. По утрамъ слышны глухiе раскаты пушекъ,—это корпусъ Штакельберга отстрѣливается отъ японцевъ. Передовой отрядъ Мищенко стоитъ въ Танчахъ и въ Кутядзы, гдѣ мы тонули двѣ недѣли назадъ. Въ этихъ мѣстахъ, видимо, должно произойти что-то важное; позицiи окончательно выбраны, укрѣплены, да едва-ли такъ можно легко отдать Дашичао и Инкоу. Но въ то же время говорятъ, что небезопасно направленiе отъ Сюяна до Хайчена, такъ что трудно сказать, гдѣ произойдетъ рѣшительное столкновенiе.

Въ штабѣ безпрерывная работа, постоянныя телеграммы, донесенiя, допросы пойманныхъ китай-

цевъ, частыя поѣздки на позиціи—все это вноситъ совсѣмъ новую струю въ однообразную и скучную до сихъ поръ нашу покойную жизнь.

$\frac{1}{VII}$ 04. Сегодня знаменательный день. Сосѣдній корпусъ соединяется съ нашимъ. Баронъ, по приказанію командующаго арміей, подчиняется нашему корпусному командиру, а потому явился къ нему съ визитомъ. Свиданіе двухъ командировъ привлекло общее вниманіе и возбудило много разговоровъ. Съ большимъ вниманіемъ мы разсматривали знаменитую, коляску, запряженную четверкой, и очень жалѣли, что не могли увидать не менѣе знаменитую корову, причинившую столько хлопотъ казакамъ и привлекшую самое сосредоточенное вниманіе всѣхъ корреспондентовъ и иностранцевъ.

...Цѣлый день пока нещадно палитъ солнце или сыплетъ мелкій, надоѣдливый дождикъ, на всѣхъ бивакахъ тихо, только къ вечеру, обыкновенно, просыпается жизнь, зажигаются костры, слышенъ говоръ, смѣхъ, и по горамъ несутся пѣсни. Хорошо въ тихій вечеръ въ этомъ просторѣ горъ и долинъ, въ далекой, чужой сторонѣ слушать знакомые простые напѣвы. Горы темнымъ кольцомъ сомкнулись и отрѣзали насъ отъ тѣхъ долинъ и ущелій, гдѣ вотъ уже вторую недѣлю прячутся японцы; облака, не успѣвъ разойтись послѣ дождливаго дня, обрывками плывутъ по небу, и временами безстрастное сіяніе луны обливаетъ картины бивака; горятъ костры, свѣтлые клубы дыма съ дождемъ искръ

расплываются по чернѣющему небу, а пѣсни льются со всѣхъ сторонъ—и заунывныя казачьи и бодрая лихая частушка, мѣрныя, отчетливыя, подъ которыя легко отчеканивается шагъ въ походѣ. Но вотъ, въ одной сторонѣ пѣсни словно оборвались, и пронесся сигнальный рожокъ, сейчасъ будетъ заря. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда слышится „Отче Нашъ“ и величавые аккорды гимна...

День конченъ. День на бивакѣ—для однихъ это 10—12 часовъ нестерпимой скуки, ничегонедѣланія, тоскливое пребываніе въ палаткѣ или въ страшной духотѣ, или подъ постояннымъ страхомъ быть промоченнымъ безконечнымъ дождемъ; для другихъ день промелькнетъ незамѣтно: кто былъ на работѣ на позиціи, кто перечерчиваетъ кроки вчерашней рекогносцировки, кто сводилъ запутавшіеся счета денежнаго журнала, посылалъ и получалъ безчисленныя телеграммы или, проклиная свою судьбу, мучился съ телефономъ, или, наконецъ, возился, приготовляя бумаги на подпись раскапризничавшемуся генералу, который непремѣнно требуетъ, чтобы всѣ бумаги лежали вверхъ одной стороной и чтобы при каждой были ея всѣ причины и слѣдствія, для чего нужно перебрать и перепутать всѣ дѣла, и въ концѣ концовъ, въ послѣднюю минуту, какъ всегда такъ запрятать самую нужную бумагу, что она исчезнетъ совершенно безнадежно. Однимъ словомъ, дѣла при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ можетъ накопиться такъ много,

что 24-хъ часовъ не хватитъ. Но вечеромъ уже всѣ хотятъ отдохнуть, и развѣ только тревога подниметъ всѣхъ на ноги и заставитъ забыть и про бумаги, и про телеграммы, и про отдыхъ. Но тревоги, кажется, не предвидится—японцы упорно прячутся и не показываются сѣвернѣе Гайчжоу.

$\frac{3-4-5}{VII}$ 04 Три дня развѣдки... Три дня скитаній по ущельямъ, горамъ и глухимъ деревнямъ. Напряженіе нервовъ, усталость, изнуряющая жара и мучительная жажда не искупились результатомъ нашей развѣдки. Только 5-го числа, часамъ къ 11-ти дня выяснилось, что противъ насъ въ долинѣ есть японцы, повидимому, въ небольшихъ силахъ и безъ артиллеріи. Нужно ихъ было выманить изъ своихъ убѣжищъ и хотя приблизительно опредѣлить силу ихъ отряда. Такъ какъ у насъ съ собой не было артиллеріи (потому то меня и звали начальникомъ артиллеріи нашего отряда), то пришлось рискнуть казакамъ. Изъ двухъ сотенъ, бывшихъ у насъ, осталось едва 100 казаковъ, такъ какъ остальные всѣ были разосланы по разъѣздамъ или съ донесеніями. Начальникъ отряда *) приказалъ пѣхотѣ занять гребни горъ, окаймляющихъ долину, куда должны были выйти лавой казаки и при поддержкѣ пѣхотнымъ огнемъ перейти долину и выманить японцевъ съ противоположныхъ высотъ подъ наши выстрѣлы. Когда мы подходили къ пѣхотной позиціи, на скатѣ

*) Весь нашъ отрядъ былъ—батальонъ пѣхоты, охотничья команда и двѣ сотни казаковъ.

горъ, по ту сторону долины, показался японскій эскадронъ, повидимому, возвращавшійся изъ разъѣздовъ; дойдя до поля гаоляна, онъ вошелъ въ гаолянъ и скрылся въ немъ. Въ бинокль можно было видѣть нѣсколько отдѣльныхъ спѣшенныхъ дозорныхъ, которые остались для наблюденій. Дѣло начинало принимать интересный оборотъ. Наша пѣхота заняла свое мѣсто, разсыпавшись цѣпью по гребню передъ долиной. Впереди открывалась широкая, ровная долина, кое-гдѣ по ней стояли небольшія деревушки, а вся остальная площадь была покрыта высокимъ, густымъ гаоляномъ. Отлогіе песчаные берега почти высохшей рѣки, протекавшей по долинѣ, были легко доступны для движенія казаковъ. Сотня начала играть лавой: около ста казаковъ, растянувшись длинной лентой, то свиваются, то разлетаются въ стороны, словно дразнятъ непріятеля своей лихостью и гибкостью, своимъ безупречнымъ спокойствіемъ и выдержкой; мы, какъ будто въ качествѣ зрителей, стояли въ ожиданіи, что будетъ далѣе. Похоже было на то, какъ будто бы мы стоимъ передъ сценой, на которой, въ угоду нашему любопытству, сотни людей рискуютъ своей жизнью, ожидая выстрѣловъ противника. Вотъ, казаки подошли къ гаоляну и начали мало-по-малу скрываться въ высокой, густой заросли; скоро едва-едва можно было различить кое-гдѣ головы отважныхъ смѣльчаковъ, ищущихъ японцевъ. Ожиданіе и чуткое молчаніе становилось все тревожнѣе. Дальше

и дальше идетъ лава, вотъ уже совсѣмъ скрылась въ гаолянѣ, и въ это время затрещали выстрѣлы японцевъ. Откуда? Первыя 3—4 минуты не было видно, гдѣ они; отчаянная трескотня стрѣльбы пачками все усиливалась, наши цѣпи молчали, ожидая приказанія, изрѣдка уныло пѣла, пролетающая мимо, случайная пуля—японцы стрѣляли по казакамъ. Наконецъ, противникъ показался—хребты небольшихъ передовыхъ горъ противоположнаго края долины покрылись густыми цѣпями людей, и отчетливо было видно, какъ торопливо эти цѣпи сгущались, и огонь поэтому учащался, а пули посвистывали все настойчивѣе и сильнѣе. Бинокль приросъ къ глазамъ, и ничего, кажется, не существовало на свѣтѣ, кромѣ этихъ далекихъ, черныхъ фигурокъ. Вдругъ, какой то вихрь звуковъ, страшный, завывающій ревъ пронесся и отразился гулкими перекатами въ горахъ,—это былъ залпъ нашей цѣпи. Залпы нашихъ трехъ ротъ начали чередоваться и сразу оживили и измѣнили картину. Хорошій, выдержанный залпъ страшенъ: сначала рѣзкій, сухой звукъ выстрѣла, а потомъ ревъ несущихся пуль; когда летятъ одиночныя пули, ихъ свистъ похожъ на жужжаніе пчелы, онъ какъ то унылъ и жалобенъ, но когда послѣ залпа сотни пуль пронизываютъ со страшной силой воздухъ, онѣ поютъ совсѣмъ иначе—это могучій и страшный хоръ, это совершенно особая какая то стихійная, ужасающая музыка смерти, это вопль, вырвавшійся изъ чудовищной груди,

прерывистый и завывающій долгимъ, волнистымъ перекатомъ звуковъ. „6-я рота"..... слышится отчетливая и спокойная команда, тишина воцаряется въ цѣпи, проходитъ нѣсколько тревожныхъ секундъ..... „пли"! И какъ будто видишь, какъ летитъ этотъ градъ пуль туда, за 1600 шаговъ, летитъ, неся съ собой ужасъ и смерть. Говорятъ, японцы очень боятся нашихъ залповъ; это и немудрено. Зато какая сила, увѣренность и спокойствіе вливаются въ душу отъ этихъ страшныхъ звуковъ: вѣдь это нашъ залпъ, вѣдь это наша сила, и отъ ощущенія своей силы успокаиваются встревоженные нервы.

Въ этотъ день я первый разъ слышалъ свистъ пуль, видѣлъ обстановку встрѣчи двухъ противниковъ. Первое, что я почувствовалъ при первыхъ выстрѣлахъ, это какую то слабость, горло пересохло, и сердце больно сжалось; все, что происходило кругомъ, казалось страннымъ, безпокойнымъ сномъ, голова словно кружилась и трудно было сосредоточить вниманіе на чемъ нибудь одномъ, потомъ овладѣло чувство жгучаго любопытства все увидѣть, ничего не пропустить и не забыть.

Огонь разгорался, наши залпы гремѣли чаще и чаще, казаки уже подошли близко къ горамъ, а японскій эскадронъ, какъ будто, утонулъ въ гаолянѣ; наконецъ, лава стала поворачивать назадъ; ясно были видны бѣгущіе изъ-за горы японскіе резервы, огонь ихъ цѣпей гремѣлъ непрерывной

трескотней, а когда казаки пошли назадъ, такъ-же спокойно и играя, какъ шли впередъ, стрѣльба японцевъ участилась, повидимому, до предѣловъ возможности, но такая дикая, оглушительная трескотня совсѣмъ не производитъ того впечатлѣнія, какъ нашъ спокойный, отрѣзанный залпъ. Казаки, повидимому, не несли никакихъ потерь: не было видно ни спѣшенныхъ всадниковъ, ни свободныхъ лошадей, всѣ были на мѣстахъ. Лихой сотенный командиръ не удовольствовался своей задачей: его манило къ себѣ ущелье, отходившее на востокъ отъ насъ изъ той же долины, и онъ втянулся съ сотней въ него; такъ какъ нашъ лѣвый флангъ упирался въ горы, образующія это ущелье, то начальникъ отряда, считая сотню обезпеченною, приказалъ пѣхотѣ отходить. Мы уже спустились съ горъ, ѣхали, шумно разговаривая и обсуждая только что бывшее дѣло, какъ вдругъ, позади насъ прогремѣлъ орудійный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій..... Одна и та же мысль пронеслась у насъ, и мы разсмѣялись: „опоздали! Салютуйте теперь, сколько угодно“! Задача наша была кончена, была обнаружена линія японскаго охраненія, ихъ передовой отрядъ не менѣе полка, присутствіе кавалеріи и артиллеріи. Въ это время послышалась оживленная ружейная стрѣльба тамъ, гдѣ раньше былъ нашъ лѣвый флангъ; мы остановились, изрѣдка доносились короткіе, согласные залпы, но минутъ черезъ 15 все стихло. Уже недалеко до

мѣста нашего бивака догналъ насъ казакъ и донесъ, что японцы сильно обстрѣляли сотню, ранили казака и лошадь, наши отвѣчали залпами, и теперь идутъ за нами. Пострадавшій казакъ былъ тяжело раненъ въ животъ на вылетъ. Сразу наше оживленіе притихло—весь, такъ называемый штабъ нашего маленькаго отряда, былъ въ первый разъ на войнѣ, и присутствіе возлѣ насъ тяжкихъ страданій, близость возможной смерти подѣйствовала удручающе на наши непривычные нервы. Мы были только зрителями, а передъ нашими глазами сотни людей ставили свою жизнь на волю слѣпого случая, и вотъ одна жизнь схвачена холодной и жестокой рукой. За что? Для чего? Неужели этотъ вопросъ безцѣленъ и глупъ? За что и для чего я могъ быть сегодня раненымъ или убитымъ? Я, другой, третій человѣкъ, всѣ дорожатъ своей жизнью и могутъ безплодно и настойчиво задавать эти вопросы, зачѣмъ и почему нужна ихъ жизнь? Но вотъ погибли сотни и тысячи жизней, выиграно или проиграно сраженіе, рѣшена судьба многихъ лѣтъ въ будущемъ, и всѣ понимаютъ и чувствуютъ, что это рѣшеніе, этотъ результатъ найдены гибелью жизней, и мучительный вопросъ получаетъ отвѣтъ.

Кажется, какъ просто—ясно отчетливо до очевидности сознавать, что ты, хотя бы одинъ, служишь на пользу великаго общаго дѣла, служишь, жертвуя своей жизнью, непремѣнно жизнью,—такова эта работа—и тебя не можетъ мучить и

удивлять этотъ настойчивый, безотвѣтный вопросъ, который встаетъ, когда спрашиваешь только про самого себя „зачѣмъ нужна моя жизнь“? Мы не привыкли къ маленькой, незамѣтной работѣ единицъ, намъ дороги и понятны либо шумные эффекты, либо спячка и покой, наши лѣнивые и неподвижные спутники, часто даже учителя. „Одинъ въ полѣ не воинъ!“ Сколько горя, неудачъ встаютъ подъ знамя, гдѣ начертаны эти опрометчивыя слова народной мудрости! Мы еще не привыкли быть вѣрными въ маломъ для того, чтобы насъ можно было поставить надъ большимъ; мы не можемъ до мелочи провести въ жизнь свои взгляды, какъ потому, что эти мелочи кажутся неважными, такъ и потому, что часто мы не имѣемъ самихъ взглядовъ. Счастливы тѣ, кого часто съ ноткой пренебреженія зовутъ педантами,—они привыкли къ своимъ мыслямъ, они не могутъ отъ нихъ отступить даже въ самой малой мелочи и идутъ одной опредѣленной счастливой дорогой среди безчисленныхъ извилистыхъ тропинокъ сомнѣній, соблазновъ, недомыслія и лѣни. Они похожи на хорошаго, опытнаго кавалериста, который до мелочи выработалъ свою посадку и, сидя на лошади, уже не думаетъ о своихъ рукахъ,носкахъ, поводьяхъ, а смѣло и увѣренно глядитъ лишь на дорогу передъ собой. Онъ не упадетъ, не растеряется, а дойдетъ, куда хочетъ.

Зачѣмъ нужна моя жизнь? Что она значитъ одна, мелкая, незамѣтная крупица? Но стоитъ только вду-

маться внимательно въ этотъ вопросъ и нельзя не увидѣть, что онъ рожденъ привычкой дорожить своей жизнью, цѣнить ее выше всего на свѣтѣ и, наоборотъ, все кромѣ нея считать ничтожествомъ и мелочью. Этотъ вопросъ рожденъ страхомъ потерять свое сокровище, свою живнь. Такъ страхъ смерти путаетъ логику, вноситъ противорѣчіе въ то время, когда человѣкъ мучительно жаждетъ найти отвѣтъ на роковой, единственно важный, вопросъ— быть или не быть? Почему только иногда раскрываются глаза ищущаго, и только иногда истина свѣтлая, успокаивающая и даже радостная въ своей безотрадности и неизбѣжности осѣняетъ человѣка, и онъ съ твердою вѣрою говоритъ „такъ надо!" Почему то, что мы зовемъ суровымъ и часто непонятнымъ словомъ „долгъ", только иногда дѣлается роднымъ и близкимъ нашему сознанію и не звучитъ далекимъ, неяснымъ рокотомъ красивыхъ словъ, а властно и отчетливо зоветъ за собой, какъ голосъ своего собственнаго сердца? И въ эту минуту спрашиваешь себя: „что же это такое? Вѣдь, это я давно слыхалъ, читалъ, говорилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ это такъ ново и неожиданно?". Педагогъ объяснитъ это явленіе, какъ успѣшное слѣдствіе его системы; психологъ или физіологъ, какъ результатъ повторныхъ раздраженій нервныхъ центровъ; философъ усмотритъ торжество категорическаго императива, только самъ, нашедшій въ себѣ эту радость, этотъ ободряющій покой, будетъ

клясться, что это его собственное открытіе, его вдохновенье, его имъ самимъ неожиданно найденное счастье, и не будетъ ему страшенъ и непонятенъ вопросъ „зачѣмъ и почему нужна моя жизнь?“ Нужна дѣятельность министра и маленькаго писца, прославленнаго художника и деревенскаго богомаза, нужна одна единичная жизнь, и такъ-же призовутся къ отвѣту тысячи жизней тамъ, гдѣ вопросъ успѣха есть вопросъ только жизни и смерти людей. Почему существуютъ такіе вопросы, гдѣ смыслъ, оправданіе или законное осужденіе войны,—тутъ, кажется, умолкаетъ и философія, и пока она не отвѣтитъ для всѣхъ понятнымъ и яснымъ отвѣтомъ, до тѣхъ поръ будутъ герои, будутъ жертвы, будетъ отчаяніе и сіяющая радость, будетъ тяжелое уныніе пораженія и ни съ чѣмъ несравнимый восторгъ побѣды...

...Раннее, туманное утро въ горахъ. Пронизывающій холодокъ утренней сырости какъ-то осторожно, но неумолимо забирается подъ одежду, и легкая дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Солнца еще не видно, да и ничего не видно, когда густой туманъ окутываетъ горы. Поднимешься на вершину и не знаешь, гдѣ, въ какомъ волшебномъ театрѣ бываютъ такія декораціи! Толпа горъ смутно рисуется въ молочной пеленѣ, а у ногъ, кажется, разверзается бездонная, глухая пропасть—шаговъ за 10 скатъ горы теряется изъ глазъ; кругомъ плывутъ причудливыя волны облаковъ; окрестныя долины полны тумана и лишь подъ этой завѣсой слышна

жизнь—слышенъ говоръ людей, изрѣдка ревъ скота, но, гдѣ все это—не видно. Вдругъ, ослѣпительнымъ золотымъ лучемъ, прорѣзывая холодный туманъ, сверкнуло восходящее солнце. Тепло и свѣтъ живительной струей пробѣжали вокругъ, туманъ таетъ, гигантскія тѣни отъ камней и людей рисуются на плавающемъ туманѣ долины; горы показались изъ облаковъ и чудится, будто безбрежное и грозное море рвется бурнымъ прибоемъ и разсыпаетъ вспѣнившіяся волны у темно-синихъ береговъ. Облака плывутъ густыми клубами, сталкиваются, разрываются, исчезаютъ отъ могучихъ лучей солнца и этотъ хаосъ возмущеннаго воздушнаго моря, и ласкающее прикосновеніе яснаго утра и веселый говоръ подбодрившихся людей,—все такъ хорошо, такъ свѣжо и живо, что забываешь о волненіяхъ вчерашняго дня, о безпокойныхъ неожиданностяхъ, которыя могутъ быть сегодня или завтра...

Вотъ эти казачки, что вчера были въ огнѣ, сейчасъ многіе изъ нихъ лежатъ на спинѣ, заложивъ руки за голову и, пригрѣтые солнцемъ, они совершенно покойны и счастливы; ихъ зажмуренные отъ солнца глаза придаютъ добродушное и ласковое выраженіе суровымъ, обвѣтреннымъ лицамъ. Рѣдко удается имъ такъ понѣжиться на солнцѣ!.. Цѣлый день и цѣлую ночь неутомимо летаютъ они на своихъ закаленныхъ лошадяхъ: разъѣзды, почта, передача приказаній, наконецъ, просто порученія достать воды или курицу, все это лежитъ на обя-

занности всегда готоваго, быстраго и ловкаго казака.

Но вотъ туманъ совсѣмъ поднялся и разсѣялся, горы освѣтились уже взошедшимъ солнцемъ, въ воздухѣ началась чувствоваться приближающаяся жара знойнаго дня. Мы тронулись въ обратный путь, домой въ Инфенчжай.

$\frac{14}{VII}$ 04. 10-го іюля рано утромъ, часовъ въ пять прогремѣлъ первый тревожный выстрѣлъ. За послѣдніе дни не разъ уже были слышны орудійные выстрѣлы, но на этотъ разъ какое то предчувствіе охватило весь штабъ и корпуснаго командира. Черезъ полчаса мы всѣ ѣхали на наблюдательную гору въ центрѣ позиціи обоихъ корпусовъ. Эта высокая, крутая гора господствовала надъ всѣмъ райономъ Дашичао-Инкоу-долина р. Цинсахэ. Тяжко было подниматься по кручѣ въ страшную жару торопливымъ неровнымъ шагомъ, а выстрѣлы гремѣли чаще и чаще. Наконецъ, истомленные, едва переводя духъ, добрались мы до вершины; въ первыя минуты никто не могъ даже приставить бинокль къ глазамъ. Стрѣльба слышалась на правомъ флангѣ сосѣдняго корпуса. Японцевъ не было видно; ихъ батареи стрѣляли изъ-за горъ, а наши имъ энергично отвѣчали, и артиллерійскій бой замѣтно разгорался. Вскорѣ стали получаться донесенія объ отступленіи аріергардовъ, а генералъ Мищенко указывалъ мѣсто наступленія японцевъ какъ разъ изъ того района, гдѣ была наша послѣдняя раз-

вѣдка. Пріѣхавшій начальникъ штаба сосѣдняго корпуса настаивалъ на томъ, чтобы возможно дольше использовать наши позиціи и даже просилъ, чтобы его командиру было послано предупрежденіе отступать не иначе, какъ по приказанію. Чувствовалось, что началось что то значительное, столкновеніе уже большихъ массъ: артиллерійскій бой, гремѣвшій уже нѣсколько часовъ, указывалъ и на немалую численность и на серьезную настойчивость противника; это уже была не развѣдка, не встрѣча баталіона или нѣсколькихъ сотенъ, такъ сказать, мимоходомъ, нѣтъ, тутъ всѣ предвидѣли другое, что заставляло подумать серьезно и, пожалуй, тревожно.

Артиллерійская канонада производитъ сильное впечатлѣніе: это какой то особенный звукъ, вносящій холодный, тупой ужасъ и нервную, безотчетную тревогу; какъ во время грозы иногда бываетъ непонятное, чуткое безпокойство, такъ и тутъ каждый выстрѣлъ, а особенно рѣзко прокатившійся по горамъ залпъ нѣсколькихъ орудій привлекаетъ вниманіе и навѣваетъ много чисто болѣзненныхъ ощущеній.

Далеко вправо, наравнѣ съ нами рвались японскіе снаряды, тутъ была линія нашихъ батарей; началась артиллерійская дуэль. Видно было по разрывамъ, что японцы ощупывали, гдѣ прячутся наши батареи: сначала серія снарядовъ далеко впереди отъ обстрѣливаемой батареи, потомъ по сто-

ронамъ сзади, и вдругъ, словно вихрь проносится залпъ, а надъ самой батареей или немного впереди группа бѣлыхъ облачковъ указываетъ, что цѣль найдена, смерть пришла, и горе, если наша батарея въ это время сама не сумѣла найти японскую, не успѣла вступить въ состязаніе; въ противномъ случаѣ батарея рискуетъ погибнуть совершенно, даже не защищая себя, и можетъ быть уничтожена въ нѣсколько минутъ. Японцы не такъ хорошо стрѣляютъ, какъ находятъ, гдѣ стоятъ наши батареи, а найти батарею при большомъ разстояніи въ 5—6 верстъ, какъ бываетъ теперь на поляхъ сраженія, дѣло не легкое. Было когда то счастливое время, когда каждый выстрѣлъ густымъ клубомъ дыма открывалъ мѣсто, откуда онъ былъ пущенъ, а теперь снаряды летятъ неизвѣстно откуда, слышны только ревущіе звуки, но когда стрѣляютъ съ разныхъ сторонъ и это не можетъ оріентировать. Смерть прилетаетъ невѣдомо откуда. Много искусства, хладнокровія нужно, чтобы по блеску огня, быстраго какъ молнія и едва замѣтнаго въ ясный солнечный день, или по небольшому облаку пыли найти стрѣляющую батарею. Китайцы часто сигнализируютъ зеркалами, вѣтками и указываютъ японцамъ наши батареи; правда, въ большинствѣ случаевъ, этихъ предателей разстрѣливаютъ на мѣстѣ же, но этимъ, какъ не уменьшается число такихъ случаевъ, такъ эти казни не помогаютъ и дѣлу, потому что разъ указанная батарея или должна

бываетъ уйти и мѣнять позицію подъ огнемъ, или немедленно разстрѣливается навѣрняка убійственными и разрушительными залпами сразу нѣсколькихъ батарей противника.

Часамъ къ 2-мъ дня окончательно было рѣшено принять бой и держаться слѣдующій день. Обозамъ было приказано уйти въ Дашичао, а парки были вызваны ближе къ мѣсту боя. Часамъ къ 5-ти огонь умолкъ. Ясно было, что японцы сегодня раскрывали наше расположеніе и наши силы; надо было ожидать назавтра большого боя. Отдавая Дашичао, мы отдавали Инкоу, богатую долину Ляохэ, наконецъ отдавали весь Ляодунъ, и операцію японцевъ на полуостровѣ послѣ этого можно было считать вполнѣ законченною; Портъ-Артуръ изолировался окончательно. А что пріобрѣтали мы? Развертывали окончательно силы японцевъ, наступавшихъ съ юга; оттягивали ихъ большія силы отъ Портъ-Артура, наконецъ, собирая вмѣстѣ наши южный и восточный фронты, мы вызывали японцевъ изъ горъ на равнину. Невольно рисовалась такая картина плана войны: медленно съ усиліемъ надвигаются японцы на насъ съ юга и съ востока; постоянными стычками, крупными боями, нашимъ отступленіемъ задорный и опьяненный врагъ упорно и настойчиво увлекается вглубь Маньчжуріи; эти бои, оканчивающіеся нашимъ отступленіемъ, неудержимо манятъ его впередъ, какъ всякое сопротивленіе рождаетъ желаніе преодолѣть его, рванувшись черезъ него.

Но вотъ и терпѣніе и необходимость отступать исчерпаны до конца. Довольно... Мощный кулакъ размахивается и неудержимымъ, оглушающимъ ударомъ поражаетъ зарвавшагося врага; затѣмъ, стремительное, страшное движеніе впередъ, чтобы тутъ еще въ равнинѣ до горъ возможно больше разгромить японскую армію, чтобы тамъ дальше въ горахъ уже драться съ оглушенными и разрозненными остатками. Такъ думалось, скоро и славно можетъ кончиться все, но такъ ли будетъ, кто знаетъ?

Вечеръ 10-го іюля. Ночь подходитъ такая же тихая, какъ и раньше, словно ничего особеннаго и не случилось, но въ воздухѣ чувствуется тревога: горятъ бивачные костры, между ними снуютъ люди, но обычнаго говора, смѣха, тѣмъ болѣе пѣсенъ и шутокъ не слышно, какая то серьезность спустилась на всѣхъ. Въ сторонѣ отъ бивака, подъ группою деревьевъ, расположился штабъ; нѣсколько человѣкъ, низко склонившись къ единственному фонарю, торопливо пишутъ диспозицію на завтрашній день— диктуетъ нѣсколько нетерпѣливо, но отчетливо общій любимецъ разсудительный З. Несмотря на серьезность минуты, не безъ ироніи я вспоминаю о томъ, что сколько я объ этихъ дисцозиціяхъ ни училъ въ свое время и какъ строго ни требовали отъ насъ знанія по порядку всѣхъ безчисленныхъ пунктовъ „приказа къ бою", но впервые пришлось писать мнѣ диспозицію лишь наканунѣ дѣйствительнаго боя; поминутно пріѣзжаютъ съ донесеніями

и казаки и офицеры; телеграфная рота безъ устали работаетъ и по телеграфу и по телефону—нужно только удивляться, какъ они успѣваютъ все передать и принять изъ этой массы разнообразныхъ донесеній и приказаній: то начальникъ дивизіи доноситъ что то о сухаряхъ и интендантствѣ, тутъ же идетъ донесеніе командира полка о разставленномъ сторожевомъ охраненіи, о результатѣ развѣдки, командиръ батареи справляется о паркахъ, командиръ бригады объ ординарцахъ и т. д. Нужно удивляться тѣмъ, кто получая всѣ эти донесенія, сохранитъ въ себѣ способность ихъ запоминать, понимать, даже просто прочитывать — вѣдь вся эта работа безпрерывно идетъ съ 5-ти часовъ утра до 11-ти вечера! Вотъ послѣднее приказаніе кончено, ординарцы разосланы, и штабъ собирается уѣхать ночевать въ Дашичао. Командиръ корпуса остается здѣсь на бивакѣ, чтобы съ утра быть уже на мѣстѣ: видимо онъ усталъ, да и не мудрено; въ его годы два раза взобраться въ такую жару на эту огромную гору,—это цѣлый подвигъ, да къ тому же еще цѣлый день напряженнаго вниманія ко всевозможнымъ донесеніямъ и приказаніямъ.

Въ Дашичао, въ тѣхъ квартирахъ, гдѣ мы стояли до 13-го іюня, царитъ мерзость запустѣнія—голыя стѣны, грязь и милліоны мухъ. Вокзалъ переполненъ офицерами, докторами, сестрами; пробиться къ буфету нѣтъ возможности; у буфетчика растерянная физіономія, видимо онъ предчувствуетъ скорый

разгромъ своей лавочки. Не раздѣваясь, прилегли, кто куда могъ и, повидимому, пытались заснуть. Смутное ожиданіе завтрашняго дня немного безпокоили и волновали всѣхъ, но усталость скоро взяла свое и голый грязный полъ, сложенная куртка подъ головой не помѣшали мнѣ крѣпко и хорошо уснуть.

Около 5-ти часовъ утра 11-го опять загремѣли выстрѣлы на старыхъ позиціяхъ.

„Началось", думалъ я, не желая въ глубинѣ души разставаться съ своимъ болѣе чѣмъ скромнымъ ложемъ; къ счастью, можно было достать кружку чая и какую то подозрительную галету; къ 6-ти часамъ мы уже подъѣзжали къ позиціи; канонада гремѣла еще сильнѣе, чѣмъ вчера. Къ 7-ми часамъ по донесеніямъ можно было судить, что наступленіе японцевъ уже обозначилось, и бой предстоялъ серьезный. Этотъ лукавый и задорный врагъ не полѣзетъ наобумъ. Нѣтъ, у него все разсчитано, обдумано, вложено въ рамки системы, и ужъ если онъ ведетъ наступленіе на большія силы, онъ и свои собственныя тщательно взвѣсилъ.

Окончивъ первыя необходимыя распоряженія, начальникъ штаба отправился на наблюдательную гору. Одинъ изъ сопровождавшихъ его офицеровъ генеральнаго штаба, зная, что у меня хорошій бинокль, внялъ моимъ просьбамъ и выпросилъ мнѣ разрѣшеніе поѣхать съ ними. Когда мы уже были у подножія горы, необычайный рѣзкій звукъ разрыва привлекъ наше вниманіе,—мы осмотрѣлись

8*

кругомъ, ища глазами, откуда это? „А вонъ, Ваше Превосходительство, на горѣ“, показывая на вершину, сказалъ одинъ изъ казаковъ. Да! это было ближе, чѣмъ мы думали. Тревожная, но интересная минута тянулась безконечно долго. Мы всѣ въ первый разъ испытывали новое ощущеніе. Невольно всѣ взглянули на начальника штаба, который былъ впереди. Что будетъ? Начальникъ штаба остановилъ коня... медленно вынулъ папиросу, спичку, медленно закурилъ и выразительно поглядѣлъ на гору. Всѣ молчали. Прошла и эта минута. Генералъ шевельнулъ поводъ, и наша кавалькада рысью поѣхала къ горѣ... Разрывы хлопали громче и чаще, вершина горы и скатъ, обращенный къ намъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ дымились тяжелымъ, чернымъ дымомъ шимозъ. Ощущеніе было неважное. Чувствовалось, что каждый изъ насъ не малымъ усиліемъ воли сдерживаетъ тревожное междометіе или вопросы, готовые сорваться съ языка; въ то же время думалось, что вѣроятность разрыва, какъ разъ именно около насъ, ничтожна, и очень хотѣлось этимъ соображеніемъ успокоить себя, но какъ нарочно въ такой моментъ новый угрожающій звукъ взрыва раздается неподалеку, и начинаешь думать: „а вѣдь могли ѣхать и тамъ, какая же тамъ вѣроятность? Что то похоже на достовѣрность“... И снова какое то острое, больное чувство наполняетъ грудь. Наконецъ, надо было уже идти пѣшкомъ—лошади отказывались везти

дальше. Сегодня и крутизна горы не казалась тяжелой, все вниманіе было поглощено другимъ: ожиданіе, что вотъ-вотъ вблизи ударится снарядъ, было сильнѣе и усталости и страшной жары. Уже близко около вершины мы увидали въ блиндажѣ нашего румына— оказывается онъ раньше насъ забрался на верхъ и, такъ какъ былъ въ бѣломъ кителѣ и бѣлой кепи, то вѣроятно японцы по немъ открыли стрѣльбу, которая встревожила насъ. Онъ, смѣясь, разсказывалъ, что очень польщенъ, такъ какъ японцы приняли его за командующаго арміей. Я дѣлалъ видъ, что мнѣ очень смѣшно.

Мы пробрались въ траншею, выкопанную на переднемъ скатѣ горы и стали разсматривать то, что было видно. А видно было очень много: на западѣ огромная равнина доходила до моря, блестѣвшаго стальной полосой на солнцѣ, югъ и востокъ были загромождены горами, ущеліями, долинами, а ближе къ намъ ярко зелеными холмами; сосѣднiй корпусъ занималъ позицію на равнинѣ; нѣсколько почти отдѣльныхъ горъ въ томъ районѣ привлекли вниманіе японцевъ и они засыпали снарядами эти горы, благодаря этому были спасены наши батареи, стоявшія нарочно внизу далеко за скатомъ въ гаолянѣ. Прямо передъ нами возвышался зеленый холмъ Дафаньшенъ, занятый баталіономъ Т-аго полка. Влѣво тянулся рядъ деревень и высотъ, занятый нашими полками, артиллерійскими позиціями, еще лѣвѣе отрядъ гене-

рала Ш., далѣе конныя батареи и совсѣмъ далеко, на юго-западѣ, горы были заняты генераломъ Мищенко.

Вотъ теперь можно было увидѣть японскія батареи, искусно спрятанныя въ гаолянѣ; поймавъ блеснувшій огонь выстрѣла, и внимательно приглядѣвшись, можно было разглядѣть по отдѣльности орудія, людей и лошадей; батарей было несравненно больше нашего; точно сосчитать число батарей невозможно, потому что онѣ все время мѣняли свои позиціи и одну и ту же батарею, пожалуй, можно было сосчитать за нѣсколько новыхъ. Вотъ въ гаолянѣ начинаютъ двигаться какія то точки—одна, двѣ, три, потомъ быстро число ихъ увеличивается, онѣ вытягиваются въ довольно широкую полосу, которая начинаетъ медленно скользить, словно змѣя среди этой густой заросли, временами она совсѣмъ исчезаетъ. Вдругъ, движеніе прекратилось, бинокль приростаетъ къ глазамъ. „Что тамъ такое?“—но черезъ нѣсколько секундъ тамъ сверкаетъ рѣзкій, зловѣщій огонекъ. Кончено. Это батарея выѣхала и открыла огонь, черезъ минуту ясно слышно усиленіе несмолкаемой канонады—еще шесть орудій присоединили свои голоса къ этому оглушительному грозному хору. Вездѣ, куда ни взглянешь,—либо огоньки, быстро мелькающіе и исчезающіе у самыхъ орудій, либо бѣлыя облачка шрапнели; воздухъ буквально дрожитъ отъ этого грома; пока пѣхоты и ружейной стрѣльбы

не видно и не слышно. Второй день идетъ, такъ называемая, артиллерiйская подготовка со стороны японцевъ.

Вдругъ, мы замѣтили, что надъ Дафаньшеномъ разрывы стали учащаться—японцы нашли тамъ нашу пѣхоту; видно было, какъ снаряды долетали туда съ двухъ сторонъ и начинали все чаще и чаще покрывать склонъ этой горы своими бѣлыми дымками; Т-цы лежали, какъ врытые въ землю; японцы, пристрѣлявшись, начали стрѣлять залпами: надъ Дафаньшеномъ сразу рвется 12—15 снарядовъ, бывали, моменты, когда весь этотъ огромный холмъ скрывался въ облакѣ дыма. Боже мой! Какой же адъ долженъ быть тамъ въ это время! Надо быть тамъ, чтобы понять весь этотъ ужасъ огня.

Наконецъ, наши стали понемногу отходить, спускаясь въ деревню позади холма. Въ это время сбоку отъ Дафаньшена, со склоновъ горъ, въ долину начали спускаться густыя колонны японской пѣхоты; онѣ словно откуда то выростали и все шли и шли; колонна, наконецъ, обратилась въ огромную толпу, скорѣе лавину, которая быстро спѣшила къ деревнѣ. Ясно было, что они хотятъ занять Дафаньшенъ. О! какъ хотѣлось крикнуть нашимъ артиллеристамъ, чтобы они стрѣляли въ этотъ огромный муравейникъ! Мнѣ кажется, я не могъ бы испытать большей радости, какъ если бы увидѣлъ, что наши снаряды начали бы рваться среди японскихъ колоннъ. Какъ у нихъ все хо-

рошо разсчитано и согласовано! Только что ихъ артиллерія сбила нашу пѣхоту, а ихъ пѣхота уже готова и сейчасъ же идетъ занимать покинутую нами позицію. Черезъ полчаса черныя точки замелькали на гребнѣ Дафаньшена. Дафаньшенъ былъ занятъ японцами. Я не знаю, была-ли эта позиція важна или нѣтъ, но одно то сознаніе, что мѣсто, часъ тому назадъ занятое нашими, теперь въ рукахъ японцевъ, было больно почти до слезъ. Артиллерійскимъ огнемъ японцы управляютъ удивительно: только что наши стали отходить отъ Дафаньшена, японцы уже начали обсыпать снарядами ту деревню, которую наши должны были пройти, и только когда эта деревня была покинута, японскій огонь прекратился, а къ этому времени ихъ пѣхота добралась до Дафаньшена. Но сердцу моему суждено было порадоваться. Не успѣли японцы всей массой обрушиться на Дафаньшенъ, какъ наша батарея съ Нандалинской позиціи, завидѣвъ японцевъ на Дафаньшенѣ, открыла по нимъ огонь съ предѣльной дистанціи, повернувъ свои орудія вправо больше, чѣмъ на 45°. Тутъ мы увидѣли, что и наши стрѣляютъ прекрасно. Съ какою то острою радостью мы любовались, какъ наши шрапнелли засыпали эту гору, а разрывы ложились такъ, что артиллеристу невольно хотѣлось апплодировать. Черезъ нѣсколько минутъ Дафаньшенъ опять опустѣлъ, а потомъ позднѣе къ вечеру былъ снова занятъ Т-цами.

Все, что раньше представлялось мнѣ картиной поля сраженія, теперь было уничтожено дѣйствительностью. Передо мной два полка занимали позиціи. Но развѣ можно было сказать, что это полки, грозная сила изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ? Они казались ничтожною группою людей, прижавшихся къ склонамъ горы, словно замершихъ въ своемъ терпѣливомъ ожиданіи подъ ужаснымъ дождемъ шрапнели. Правда, отсутствіе какого либо эффекта движенія можно было объяснить тѣмъ, что наши полки только оборонялись и ждали японцевъ. Но позднѣе были атаки японцевъ, и того стройнаго, могучаго удара, о которомъ говорится въ учебникахъ тактики и въ прекрасныхъ лекціяхъ на эту тему, не было видно,—бѣжала нестройная толпа людей, бѣжала кое-какъ, въ разсыпную, слышался крикъ какой то дикій, почти пьяный. Что красиво въ книгѣ и воображеніи, тутъ такъ неожиданно и непохоже на картинную обстановку боя, что не вѣрится въ дѣйствительную, смертельную опасность происходящаго, не вѣрится, что тутъ, на глазахъ, происходитъ событіе, отъ котораго, быть можетъ, затрещитъ исторія, какъ говорилъ одинъ изъ профессоровъ генеральнаго штаба. Потомъ въ газетахъ мы прочтемъ: „..... армія Оку или Нодзу“ „энергичное наступленіе“, „стремительная атака“ —но гдѣ все это? Въ дѣйствительности, все происходитъ какъ то удивительно просто и плоско. Можетъ быть, виновата непривычка оріентироваться,

оцѣнивать численность войскъ, но ничего подавляющаго огромнаго я не видѣлъ за все время боя въ смыслѣ величины наступавшихъ и оборонявшихся частей. Но вотъ, что дѣйствительно грандіозно и несетъ въ себѣ какой то стихійный ужасъ,—это артиллерійская канонада, артиллерійскій огонь. Это такой оглушительный ревъ и громъ, такое разнообразное соединеніе всевозможныхъ звуковъ, что, наконецъ, какъ то теряешься, позабываешь себя, смотришь съ тупымъ равнодушіемъ вокругъ и ничего не понимаешь. Тутъ ужъ ничего человѣческаго не слышно, не видно, тутъ царитъ какая то безжалостная, жестокая сила, передъ которой человѣкъ ничтоженъ и беззащитенъ. Чувствуется, что эта сила внѣ человѣческой власти, что она равнодушно, убійственно жестоко отнимаетъ человѣческую жизнь безъ всякаго различія и смысла только потому, что смерть—ея стихія.

Помню, гдѣ-то я видалъ картину „Эмблема артиллеріи“: прямо на зрителя направлено открытое жерло орудія, и изъ него среди клубовъ, видимо удушливаго и тяжелаго дыма, среди сверкающихъ молній смотритъ равнодушный, мертвенный взглядъ глазныхъ впадинъ человѣческаго черепа—символъ смерти. Въ этотъ день 11-го іюля я понялъ всю правду и силу подобнаго изображенія артиллеріи. Ни самый убійственный ружейный огонь, ни грозная надвигающаяся атака пѣхотной колонны, ни

стремительная, какъ лавина, кавалерія не могутъ сравниться съ несокрушимой силой и ужасомъ смерти, которыми вѣетъ отъ могущественной современной артиллеріи, призвавшей къ себѣ на службу всѣ новѣйшіе успѣхи чуть-ли не всѣхъ прикладныхъ наукъ. Одинъ видъ даже молчащихъ, но грозныхъ въ своемъ выжидательномъ молчаніи орудій, готовыхъ послать изъ себя смерть, производитъ сильное впечатлѣніе на противника, подходящаго къ нимъ спереди. Были примѣры *), когда бѣшенная атака отчаянныхъ смѣльчаковъ не доводилась до конца, и они разсыпались назадъ, увидя, что на нихъ молча глядятъ восемь чернѣющихъ жерлъ орудій, а горсть людей спокойно стоитъ, приготовившись по знаку командира дать залпъ. Спокойствіе прислуги и угрожающее молчаніе стального чудовища не переносимы для разгоряченнаго противника! А когда батарея безпрерывно загорается огнями выстрѣловъ, когда она въ теченіе 15—16 часовъ громитъ противника, сама засыпается огнемъ и дождемъ рвущихся снарядовъ, она утрачиваетъ всякое подобіе нѣсколькихъ машинъ, сооруженныхъ человѣкомъ для своихъ человѣческихъ цѣлей. Нѣтъ, это уже какой-то совершенно особый организмъ, какое-то одно огромное, страшное чудовище, изъ стальной груди котораго вырываются вопли и стоны, непереносимые для слуха своимъ грохотомъ, свистомъ и гуломъ. Земля и воздухъ дрожатъ отъ

*) На войнѣ 1877—1878 г.

этихъ вздоховъ, и каждый выстрѣлъ мучительно настойчиво отдается въ сердцѣ, и въ концѣ концовъ нервы не выдерживаютъ, и неудержимо хочется кричать: „довольно, довольно, остановитесь"!..

Вѣдь прошелъ уже цѣлый день, кончился вечеръ, а выстрѣлы гремятъ и гремятъ, а часовъ въ 7 сдѣлались еще чаще и губительнѣе. Это было что то невыразимо ужасное и потрясающее. Артиллерія японцевъ была многочисленнѣе нашей, и къ вечеру казалось, что она хочетъ положительно заклевать, уничтожить наши батареи. Съ трехъ сторонъ гремѣли неумолчные, непрерывные залпы или еще хуже ровнымъ мѣрнымъ темпомъ, одинъ за другимъ, раздавались 10—12 выстрѣловъ, и наша батарея вся на минуту укутывалась бѣлымъ дымомъ. Эти правильно чередующіеся удары ужасны—въ нихъ отзывается спокойная, увѣренная въ себѣ мощь противника, его неумолимая, безпощадная жестокость, его неудержимая, страстная жажда уничтожить, смести свою жертву. Къ счастью, наши батареи были хорошо укрыты, а разрывы японцевъ нѣсколько высоки, такъ что сравнительно потери были невелики. Въ одной изъ нашихъ батарей еще рано утромъ были выведены изъ строя три офицера, и молодой, только что выпущенный изъ училища подпоручикъ, до вечера, до конца боя командовалъ батареей. Это было какое-то удивительное и невѣроятное счастье, онъ самъ разсказывалъ на другой день, что положительно не вѣрилъ себѣ, что

онъ живъ. Нельзя себѣ представить, не испытавъ на самомъ дѣлѣ, что значитъ видѣть кругомъ себя раненыхъ, убитыхъ, падающихъ тутъ же рядомъ, слышать этотъ оглушительный звукъ бризантной гранаты, ежеминутно ожидать, что вотъ-вотъ самъ будешь или изуродованъ, или убитъ, и въ такомъ ожиданіи пробыть 16 часовъ!

Дважды я видѣлъ, какъ наши уходили съ мѣста, гдѣ огонь японцевъ дѣлался невыносимымъ, и изумлялся силѣ волѣ этихъ людей, которые уходили медленнымъ, медленнымъ шагомъ, словно нарочно испытывали себя. Лежать легче, чѣмъ поднявшись, пройти шаговъ сто подъ выстрѣлами въ другое мѣсто; вставъ и тронувшись назадъ, трудно бороться съ неодолимой силой, которая начинаетъ подталкивать идти скорѣе и скорѣе, но видимо и офицеры и солдаты чувствовали всю опасность поддаться этому увлеченію и уходили даже тише, чѣмъ это было нужно. Тяжело было видѣть, какъ на опустѣвшемъ пригоркѣ оставались неподвижныя тѣла—это убитые, которыхъ не подобрали, такъ какъ было очень трудно въ такомъ страшномъ огнѣ унести и раненыхъ; но вечеромъ послѣ боя, какъ донесли объ этомъ командиры полковъ, всѣ убитые были подобраны и похоронены.

Весь ударъ японцевъ былъ направленъ между корпусами, но тутъ они встрѣтили нашихъ Б-цовъ и Т-цевъ, которые сами 4 раза бросались въ штыковую атаку; разсказывали, что въ этихъ схват-

кахъ наши были ожесточены до послѣдней степени: долго испытываемое терпѣніе и эти 16 часовъ непрерывнаго огня ихъ такъ озлобили, что невозможно ихъ было удержать отъ опьяненія и жажды самой жестокой мести; въ 4-ю атаку пришлось идти по трупамъ убитыхъ японцевъ, это было уже поздно, часовъ около 9-ти вечера.

Я спустился съ горы часовъ въ 8. Начинало темнѣть, весь штабъ былъ на ногахъ, кругомъ было множество офицеровъ, ординарцевъ и начальство обоихъ корпусовъ; видимо было, что всѣ находятся въ сильномъ волненіи, многіе нетерпѣливо вынимали часы и взглядывали на небо. Оказывается, по полученнымъ свѣдѣніямъ и приказаніямъ отъ командующаго арміей держаться далѣе было рискованно, такъ какъ наши резервы были совершенно израсходованы, а съ востока и запада ожидалось усиленіе японцевъ. Нужно было отступать, но отступать, пока свѣтло, было немыслимо—повторились бы Тюренченъ и Вафангоу, нужно было держаться во что бы то ни стало до полной темноты. Японцы еще усилили свой огонь, и теперь была уже слышна непрерывная трескотня ружейныхъ выстрѣловъ. Сумракъ ночи уже спустился на землю, и къ грохоту канонады, къ этимъ неперестающимъ ужаснымъ раскатамъ прибавились яркія вспышки рвавшихся снарядовъ, зловѣщими и быстрыми огнями прорѣзавшія темноту; ожиданіе было томительное, каждая минута могла принести катастрофу, если бы наши

дрогнули на своихъ позиціяхъ, но сибиряки непоколебимо стояли; къ 11-ти часамъ стала стихать стрѣльба, изрѣдка молчаніе нарушалось одиночными выстрѣлами. Ночь пришла, грохотъ пушекъ умолкъ, темнота скрывала отдыхающія войска и ихъ движенія. Бой кончился. Какъ легко вздохнули всѣ, и жажда отдыха манила неудержимо лечь спать прямо на землю, куда угодно, лишь бы отдохнуть, забыться отъ этого 16-ти часового кошмара, но отдыхъ не могъ быть продолжителенъ. Въ теченіе ночи оба корпуса должны были отойти отъ Дашичао. Отойти двумъ корпусамъ верстъ на 12—15—эту трудность нельзя себѣ вообразить, не зная, не видя походнаго движенія большихъ массъ. А тутъ нужно было отходить, рискуя ежеминутно быть преслѣдуемыми японцами. Видимо было, чего стоило корпусному командиру отдать приказаніе отступать! Мужество войскъ, выдержавшихъ эти два дня, позволяло надѣяться, что можно продержаться и еще, но востокъ и западъ слишкомъ серьезно тревожили для того, чтобы рискнуть ждать подхода новыхъ резервовъ отъ Ляояна, да вѣдь и у Ляояна было неспокойно, такъ что едва ли можно было оттуда тронуть резервы. Въ 11 часовъ было послано приказаніе идти къ Хайчену. Плохо помню, какъ мы пріѣхали въ Дашичао, какъ не раздѣвшись бросился я на первую попавшуюся циновку и заснулъ крѣпко-крѣпко. Въ 5 часовъ меня разбудилъ казакъ, надо было ѣхать дальше. Дашичао было наводнено обозами,

не успѣвшими уйти вчера, войсками и транспортами—толпы людей и лошадей кишѣли по всей станціи и общимъ медленнымъ, тяжелымъ потокомъ направлялись вдоль желѣзной дороги къ Хайчену.

Съ тяжелымъ, непріятнымъ чувствомъ ѣхали всѣ изъ Дашичао. Мы отступали и давали японцамъ еще одинъ большой шагъ впередъ, но не хватало духа злобствовать и хулить кого-либо. Мы всѣ сами видѣли, какъ было трудно предпринять какое-либо рѣшеніе, мы видѣли какъ много колебался и даже мучился начальникъ отряда, прежде чѣмъ отдать приказаніе отступать, и мы, бывшіе тутъ, одни знали, въ какое положеніе онъ былъ поставленъ директивами и сообщеніями объ общемъ ходѣ дѣла на театрѣ войны *), но тамъ далеко въ Россіи, тѣ, кто прочтутъ извѣстіе объ оставленіи Дашичао, что скажутъ они? Какіе упреки, недовольство и критика пронесутся изъ устъ въ уста, сколько горькихъ и обидныхъ словъ будетъ произнесено въ эти дни—вотъ мысль объ этомъ была тяжела и мучительна. Нельзя было не чувствовать, что бой не былъ позорнымъ и темнымъ пятномъ

*) 3 іюля было получено приказаніе при наступленіи японцевъ отойти отъ Дашичао; 9-го іюля былъ присланъ къ Дашичао И-ій полкъ для резерва и для упорной обороны, а 10-го вечеромъ этотъ полкъ былъ увезенъ обратно къ Ляояну, а намъ приказано дать „встрѣчный бой“, 11-го числа были получены 2 телеграммы отъ командующаго—въ одной сообщалось объ томъ, что ген. З. оттѣсненъ японцами отъ Семучена (слѣва отъ насъ), во второй предуказывалась возможность высадки 2 японскихъ дивизій въ Гайчжоу (впереди, справа отъ насъ).

на репутаціи нашихъ корпусовъ; позиціи всѣ были удержаны безъ исключенія, лѣвый флангъ даже прошелъ впередъ; силы были сохранены (правда, не было вовсе резервовъ), и отступленіе, дѣйствительно, можно было назвать отходомъ—тихо, безъ суетни, безъ нервной торопливости плелись обозы своимъ обычнымъ, тягучимъ шагомъ, спокойно шагала пѣхота, и нужно было только удивляться этимъ людямъ—двое сутокъ они пробыли на позиціи въ огнѣ, двѣ ночи не сомкнули глазъ, а теперь идутъ еще верстъ 15 по жарѣ и не знаютъ, что ихъ ждетъ, будутъ-ли они отдыхать или внезапно ихъ повернутъ и поведутъ опять въ бой. Мы, сидя на лошади, проспавши ночь и выпивши горячаго чая, чувствовали себя совершенно разбитыми, а они все время пѣшкомъ, нагруженные своими мѣшками, палатками и ружьемъ, бредутъ также спокойно, безропотно, какъ я ихъ видѣлъ, когда они подходили къ позиціи 9-го іюля. Правда, нѣтъ уже молодцеватой выправки, нѣтъ печатнаго отчетливаго шага, но есть нѣчто другое—эти сырыя, полинялыя рубахи, стоптанные сапоги и рваныя самодѣльныя туфли, загорѣлыя, неказистыя лица несутъ съ собой какое-то удивительное спокойствіе и невозмутимость, а главное, какими вы ихъ видите на бивакѣ въ походѣ, вдали отъ непріятеля, совершенно такіе же они и здѣсь, только что выйдя изъ-подъ огня, послѣ безсонныхъ ночей и мучительныхъ дней: ихъ ничто не выбиваетъ изъ ихъ колеи; такъ же по-

койно и твердо пойдутъ они въ огонь, полѣзутъ подъ пулями на гору и займутъ ее цѣною многихъ жизней, не думая о томъ, что это геройство, доблесть, для нихъ это одно слово: „служба“. Положительно, многимъ и многому можно научиться отъ этихъ тружениковъ, а часто и мучениковъ, въ большинствѣ случаевъ, незамѣтныхъ и неизвѣстныхъ.

Все время насъ обгоняли поѣзда, увозившіе изъ Дашичао больныхъ, раненыхъ, служащихъ на желѣзной дорогѣ, всевозможные запасы и машины. Часовъ въ 9 утра загремѣли пушечные выстрѣлы. Опять! Опять такъ же непрерывно грохотала артиллерія, посылая вслѣдъ нашимъ колоннамъ залпы, опять поднялось, неуспѣвшее затихнуть, безпокойство. Неужели, еще будетъ бой, здѣсь на равнинѣ, когда кругомъ подымаются горы? Почти часъ мы ожидали преслѣдованія, и болѣзненная тревога начинала ложиться на сердце: наконецъ, было получено донесеніе отъ начальника аріергарда о томъ, что только небольшія передовыя части японцевъ заняли Дашичао. Мы могли спокойно идти дальше. Только 13-го іюля мы дошли до маленькой деревни съ огромнымъ именемъ Динцзябалихэзцы, верстахъ въ 2 отъ Хайчена, и тутъ нѣсколько отдохнули и успокоили расходившіеся нервы; часто ночью фырканье лошадей, стукъ двуколки явственно слышались, словно залпъ и тревожная мысль: „опять! еще не кончилось!“—гнала сонъ и заставляла чутко прислушиваться.

Только черезъ два дня послѣ боя можно было сказать, что чувства и мысли вернулись назадъ на свои мѣста. Все было покойно, покойно, конечно, относительно, потому что часто бывала слышна и стрѣльба и приходили донесенія о стычкахъ аріергардовъ, но не было той нервной встревоженности, которая угнетала прошлые четыре дня.

14-го утромъ моросилъ мелкій дождикъ, день не предвѣщалъ ничего хорошаго. Командиръ корпуса поѣхалъ благодарить Б-цевъ и Т-овъ за бой 11-го числа. Ѣхать было недалеко, но дождикъ и скользкая грязь затрудняли дорогу.

Унылый и невзрачный видъ имѣетъ бивакъ въ такую погоду: намокшія палатки грязнаго, сѣраго цвѣта какъ-то неуклюже торчатъ на мокрой травѣ, притоптанной и обратившейся уже въ грязь; люди всѣ попрятались въ палатки, на бивакѣ мертво и пусто, кое-гдѣ одиноко бродятъ часовые у составленныхъ ружей. Войска въ первый разъ послѣ 10-го числа стояли на бивакѣ. Правда, все кругомъ промокло и больше, чѣмъ неуютно, было въ убогихъ палаткахъ, но послѣ этихъ дней одна возможность лечь и лежать, не двигаясь, гдѣ бы то ни было, составляла уже огромное облегченіе.

Когда подъѣхалъ командиръ корпуса, бивакъ зашевелился, люди вышли изъ палатокъ, подошли офицеры.

„Спасибо вамъ, дорогіе молодцы, спасибо вамъ отъ всего сердца, дай Богъ вамъ здоровья“. Эти

простыя слова были удивительно нѣжны, и вся эта толпа сѣрыхъ и мокрыхъ фигуръ отвѣчала такимъ бодрымъ и радостнымъ отвѣтомъ, что нельзя было безъ восторженнаго, трогательнаго чувства, смотрѣть на эту картину, нельзя было равнодушно видѣть эти оживившіяся лица, на которыхъ безсонныя ночи и утомительные переходы оставили свои слѣды; неподдѣльной радостью и благодарностью звучали ихъ „покорно благодаримъ“ и „рады стараться“; дѣйствительно, они были благодарны за эту теплую ласку добраго слова своего генерала, дѣйствительно, они постарались и постараются еще навѣрное не разъ. Вскорѣ подошелъ командиръ полка, бодрый и сильный старикъ, уже не разъ за эту войну заслужившій общее одобреніе. Командиръ корпуса сошелъ съ лошади, снялъ фуражку и успѣлъ только проговорить: „какъ благодарить мнѣ васъ, дорогой мой“,—волненіе помѣшало ему что-нибудь прибавить, они обнялись и крѣпко отъ всего сердца поцѣловались. Въ этомъ поцѣлуѣ, въ этихъ крупныхъ слезахъ, которыя скатились на ихъ сѣдые усы, было такъ много глубокаго и трогательнаго чувства, что и у твердыхъ людей въ груди что-то сжалось; стало необыкновенно ясно, что эти два дня боя что-то перемѣнили въ сердцахъ людей, поселили что-то новое въ людскихъ отношеніяхъ. Въ такую минуту сердце какъ-то просвѣтляется и полно почти восторга и благоговѣнія передъ этими людьми, которые были тамъ, въ огнѣ, и переживали ужасные

часы и дни. И думается, что невозможно заслугу этихъ людей, этотъ чистый, безупречный подвигъ духа оцѣнить или наградить какимъ-либо орденомъ. Надо пережить такія минуты, чтобы понять эту силу высокихъ и чистѣйшихъ движеній человѣческой души въ обстановкѣ, созданной губительнымъ и несомнѣннымъ зломъ—войною.

$\frac{15}{VII}$ 04. Хайченъ сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы его покинули 30-го мая. Теперь нѣтъ ни одной свободной площади, все занято повозками безчисленныхъ транспортовъ, палатками, госпиталями. Обозы трехъ корпусовъ, ихъ парки, все это наводнило Хайченъ; несмотря на замѣтное стараніе санитаровъ, грязь вездѣ убійственная; вокругъ города построено множество укрѣпленій, ближнія горы также изрыты траншеями, батареями и редутами; вездѣ пестрѣютъ флаги госпиталей всевозможныхъ штабовъ и другихъ учрежденій; командующій живетъ въ поѣздѣ.

На востокѣ въ отрядѣ графа Келлера происходятъ, вѣроятно, какія-то осложненія: цѣлые дни по вокзалу снуютъ штабные офицеры, съ озабоченными физіономіями, съ пакетами и телеграммами въ рукахъ. На телеграфѣ невозможно добиться очереди послать телеграмму, все завалено служебными экстренными, срочными, спѣшными; телеграфисты положительно измучены этой горячкой работы: когда они отдыхаютъ, обѣдаютъ, никто этого не знаетъ, да кажется объ этомъ и мало думаютъ.

Вездѣ разговоры о боѣ при Дашичао. Пожалуй, только теперь, дней черезъ пять послѣ боя, можно говорить и разсуждать на эту тему болѣе или менѣе толково; только теперь, потому что раньше никакого впечатлѣнія, которое можно было бы обрисовать словами, не было; былъ хаосъ мыслей и ощущеній, затѣмъ полное омертвѣніе, тупое безразличіе, наконецъ, страшная усталость и одно только опредѣленное желаніе, одна яркая мысль — лечь отдохнуть, забыться и про все забыть. Теперь воспоминанія приходятъ въ порядокъ. Но если бы меня спросили, напримѣръ: „а сколько выѣхало на позицію японскихъ батарей?“—я не отвѣтилъ бы, хотя просидѣлъ на горѣ съ утра до вечера и всѣ батареи отчетливо видѣлъ. Очень трудно разыскать правду во всѣхъ этихъ разсказахъ и разговорахъ: каждый изъ очевидцевъ прежде всего въ эти минуты видитъ то, что около него, поэтому, если около него ранили 2—3 человѣкъ, то у него составляется впечатлѣніе, что „раненые и убитые валились грудами“ и т. д. Нельзя упрекать за это иногда невольное преувеличеніе, но нельзя и довѣрять даже и очевидцамъ, развѣ уже этотъ очевидецъ бывалый, привычный къ боевой обстановкѣ человѣкъ, тогда онъ такъ же спокойно наблюдаетъ, какъ и дѣйствуетъ, но такихъ очень мало.

11-го мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ корреспондентовъ большой, солидной газеты. Знакомство началось съ непріятности: этотъ госпо-

динъ Р. со своимъ помощникомъ и огромнымъ фотографическимъ аппаратомъ, въ свѣтлыхъ энглизированныхъ костюмахъ, забрались на вершину наблюдательной горы; было приказано, чтобы отнюдь никто на эту гору не вылѣзалъ, такъ какъ по ея склонамъ въ окопахъ были резервы, и японцы начинали гвоздить шимозами при появленіи всякой фигуры; я подбѣжалъ къ нему и, несмотря на его протесты и даже на какіе-то билеты, настоялъ на томъ, чтобы онъ ушелъ съ горы и отказался снимать „панораму боя". Часа черезъ полтора этотъ господинъ появился опять на горѣ въ довольно сомнительномъ видѣ—по крайней мѣрѣ, его ноги и языкъ работали совсѣмъ плохо, а глаза ничего не видѣли въ прекрасный бинокль, бывшій у него. Долго я объяснялъ ему, гдѣ и что происходитъ, куда нужно смотрѣть, гдѣ какія батареи, онъ на все безнадежно лепеталъ: „не вижу, хоть убейте, не вижу". Наконецъ, мнѣ надоѣло, я уговорилъ его отдать бинокль моему вѣстовому, а самъ онъ, махнувъ рукой, отправился спать въ блиндажъ. Уже къ вечеру, послѣ 7 часовъ, господинъ Р. вылѣзъ изъ блиндажа, и мой Левкинъ пытался учить его, куда и какъ смотрѣть, но попрежнему видѣлъ онъ плохо, да стало уже темнѣть, такъ что, только привыкнувъ за истекшіе два дня къ мѣсту, помня почти каждую горку и деревню, можно еще было наблюдать, а для человѣка, съ заспанными глазами и, вѣроятно, съ тяжелой головой, быть наблюдате-

лемъ было трудновато, что, однако, не помѣшало этому господину въ этотъ вечеръ взять на себя роль весьма бойкаго разсказчика о всемъ происходившемъ, а затѣмъ быть авторомъ телеграммъ и писемъ, посланнымъ въ газету. Можетъ быть, у меня такое чувствительное сердце, а можетъ быть, нервы истрепались за эти дни, но вчера я положительно со слезами писалъ письмо издателю этой газеты о его корреспондентѣ. Мнѣ казалось, что это вопіющая гнусность быть такимъ недобросовѣстнымъ въ такомъ дѣлѣ. Милліоны людей съ трепещущимъ сердцемъ читаютъ телеграммы и корреспонденціи о войнѣ—вѣдь, это единственный источникъ ихъ мыслей, настроеній, надеждъ, отчаяній и радостей, а эти корреспонденціи оказываются плодомъ досужей фантазіи и привычнаго словоблудія человѣка, который не можетъ даже сознать грандіозности этого явленія, необходимости отнестись съ уваженіемъ къ общему волненію, къ общему горю и радости; надо быть глубоко равнодушнымъ ко всѣмъ тѣмъ, кто тутъ въ Маньчжуріи несетъ на себѣ эту великую страду, чтобы съ легкимъ сердцемъ писать объ этихъ труженникахъ что взбредетъ на послушное, быстрое перо, напрактиковавшееся въ описаніи хроники столичной жизни, пожаровъ и прочихъ происшествій. Неужели, нельзя было найти человѣка, болѣе чуткаго, болѣе культурнаго?

Впрочемъ, вотъ еще примѣръ, гдѣ на лицо и несомнѣнный талантъ и умъ, и всяческая культура,

но ложь, красивая фразистая ложь, все-таки впереди всего. 11-го іюля, сойдя съ горы, часовъ около 9-ти, и вернувшись къ штабу, я нашелъ тамъ огромное собраніе начальства обоихъ корпусовъ съ ихъ свитами, нѣсколько иностранныхъ агентовъ и корреспондентовъ—среди нихъ бросался въ глаза нашъ извѣстный „король военныхъ корреспондентовъ“, какъ его величаютъ теперь; въ ярко бѣломъ костюмѣ, въ англійскомъ шлемѣ, съ книжечкой въ рукахъ, съ остатками былыхъ шикарныхъ бакенбардъ, онъ былъ великолѣпенъ! Я поинтересовался узнать про него: давно-ли онъ тутъ?—Оказывается, онъ цѣлый день былъ въ штабѣ корпуса. Интересно будетъ прочитать его описаніе боя у Дашичао *). Его корреспонденціи вѣдь всегда производятъ такое впечатлѣніе, будто бы онѣ писаны имъ, когда онъ самъ, съ записной книжкой въ лѣвой рукѣ, съ револьверомъ въ правой и съ кинжаломъ въ зубахъ, устремляется въ атаку вмѣстѣ съ тѣмъ отрядомъ, къ которому присосался въ качествѣ легальнаго соглядатая. Къ нашему штабу корреспонденты что-то не льнутъ—командиръ корпуса не очень ихъ долюбливаетъ и вовсе не жалуетъ никакими интервью.

*) Мѣсяца черезъ 2 мы читали это описаніе и, кажется, нач. штаба писалъ письмо этому „королю корреспондентовъ“, въ которомъ предупреждалъ его о возможныхъ непріятностяхъ, если и въ будущемъ онъ не намѣренъ быть болѣе правдивымъ въ своихъ описаніяхъ.

$\frac{16}{VII}$ 04. Сегодня былъ осмотръ позицій у Хайчена. Все это совѣщаніе было весьма любопытно. Инженерный генералъ, про котораго не безъ яда говорили, что онъ ископаетъ всю Маньчжурію, доказывалъ, что эта позиція у Хайчена сильна и надежна, что всѣ окопы и редуты такъ соображены и разсчитаны, что объ нихъ японцы должны себѣ разбить лобъ, но рѣчистая стремительность профессора была безжалостно разбита спокойнымъ и неумолимымъ чисто практическимъ разсчетомъ старшаго артиллерійскаго начальника: вмѣсто разговоровъ была взята карта, и какъ по пальцамъ было доказано, что чуть-ли не каждая точка позиціи будетъ легко взята японцами подъ концентрическій огонь съ ихъ высотъ, а самое главное, какъ закончилъ почтенный генералъ И., „нельзя забывать, что всѣ эти окопы и редуты сильны только тогда, когда въ нихъ сидятъ штыки“, а на это то и нельзя было разсчитывать, такъ какъ число нашихъ силъ замѣтно не соотвѣтствовало размѣрамъ этихъ многочисленныхъ и обширныхъ укрѣпленій. Послѣ долгихъ споровъ, безконечныхъ разговоровъ, утомительныхъ перелѣзаній съ одной высоты на другую, старшій изъ присутствующихъ начальниковъ предложилъ резюмировать все сказанное. Эту благодарную роль онъ взялъ на себя. Безукоризненно одѣтый съ ногъ до головы, изящный и галантный, съ мягкими жестами, съ неподражаемой манерой закладывать палецъ за бортъ кителя, онъ кажется

былъ созданъ для роли резюмирующаго, первоприсутствующаго члена совѣта. Я искренно восторгался простою, вразумительною рѣчью генерала И., его неотразимой логикой фактовъ; хотя съ трудомъ, но все-таки слѣдилъ за быстрыми фразами его оппонента, профессора, стремившагося защитить свое дѣтище, перекопанныя вдоль и поперекъ Маньчжурскія сопки—оба они защищали прежде всего свою мысль, но профессоръ уже защищалъ, кромѣ того, себя лично въ этомъ публичномъ состязаніи академической науки и суровой практики войны, но когда началъ излагать свое резюме генералъ С., видимо было, что прежде всего ему дорога лишь своя собственная особа; его плавно текущая рѣчь, банальные, слащавые обороты и періоды, нанизанные одинъ въ другомъ, и прочіе блестки установленнаго образца, безъ жизни, безъ основной мысли обнаруживали, что онъ чувствовалъ себя обязаннымъ говорить и онъ говорилъ, говорилъ, слушая себя, любуясь собой. Въ общемъ было ясно только одно: „хотя съ одной стороны нельзя не сознаться, но съ другой стороны должно признаться“... Онъ не поставилъ ясно вопросъ, быть бою или нѣтъ, а развелъ безконечныя разсужденія о „встрѣчномъ боѣ“, и на этой скользкой почвѣ понять его было уже нельзя. Въ сущности, вопросъ можетъ быть, былъ не такъ сложенъ—позиція была признана большинствомъ неудобной, и это мнѣніе нужно было доложить командующему арміей. Но,

можетъ быть, генералъ С. не рѣшался признать доводы профессора-инженера окончательно разбитыми, можетъ быть, онъ имѣлъ уже предрѣшенную идею о возможности или невозможности боя и долженъ былъ, такъ сказать, только соблюсти форму, а можетъ быть, онъ просто органически не могъ находиться въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы не дать излиться своему фонтану... Во всякомъ случаѣ, это резюме вызвало у многихъ только одну мысль-вопросъ: „рѣшено уже отступленіе или нѣтъ“? Вопросъ былъ только во времени, но не въ принципѣ.

17/VII 04. Сегодня командующій арміей раздавалъ награды за 10-е и 11-е іюля Т-му и Б-му полкамъ и артиллеріи, бывшей при нихъ.

Въ чуткомъ молчаніи застыли сѣрыя колонны полковъ; впереди вытянулась линія будущихъ первыхъ георгіевскихъ кавалеровъ. Командующій со своей свитой показался не въ далекѣ; вотъ легкимъ галопомъ подходитъ къ Б-ому полку. „Здорово молодцы Б-цы“, слышится отчетливо твердый и спокойный голосъ, чуть повышающій на послѣднемъ слогѣ. Бурнымъ восторгомъ полонъ дружный, громкій отвѣтъ солдатъ. Командующій тихо проѣзжаетъ по фронту; каждому кажется, что именно на него обращенъ этотъ серьезный, сосредоточенный взглядъ, кажется, что онъ каждаго видитъ, замѣчаетъ и запоминаетъ, и каждый солдатъ хочетъ словно вырваться изъ самого себя; горящимъ взо-

ромъ не отрывается онъ отъ знакомой фигуры того, къ кому онъ привязанъ всѣмъ своимъ существомъ прочными нитями общаго, великаго дѣла. Затѣмъ, командующій пѣшкомъ обходитъ передній рядъ сегодняшнихъ именинниковъ, адъютантъ несетъ за нимъ большой мѣшокъ, наполненный безцѣнными подарками. „Именемъ Государя Императора поздравляю тебя георгіевскимъ кавалеромъ“, и бѣлый крестикъ съ черно-желтой лентой прикасается къ груди счастливца. И чувствуетъ взволнованный солдатъ своимъ замершимъ сердцемъ, что съ нимъ происходитъ что то огромное, важное и до того радостное, свѣтлое, что языкъ не слушается, не знаетъ, что отвѣчать; неужели только то, чему учили его—„покорнѣйше благодарю“, только эти два простыя слова за такую радость, за такое счастье? Но даже и этихъ словъ многіе не могутъ произнести, и только слезы выступаютъ у нихъ на глазахъ, а сердце, должно быть, такъ бьется, словно боится, что вотъ этотъ мигъ промчится и окажется, что все было лишь сномъ. Такъ случилось съ однимъ добровольцемъ, уже почтеннымъ чиновникомъ, котораго командиръ полка представилъ къ Георгію. Командующій уже поднесъ къ его груди крестъ... Еще мгновеніе, и все было бы кончено, но сѣдая борода и интеллигентное лицо добровольца обратили на себя вниманіе командующаго: „А это кто же?“... „А! Ну, такъ ему нельзя дать Георгія. Суворовъ всю жизнь доби-

вался солдатскаго Георгія, даже, когда былъ и фельдмаршаломъ. Нѣтъ, вы его представьте къ офицерской наградѣ". И смутился старикъ: что ему пенсія, двойное жалованіе, офицерская награда? Ему былъ безконечно дорогъ этотъ крестикъ, который былъ уже у его груди. Но законъ не позволяетъ, и мечтамъ не суждено осуществиться. А сколько онъ вытерпѣлъ и выстрадалъ, бродя въ грязи и въ жарѣ, перенося убійственный огонь въ свои 50 съ лишнимъ лѣтъ!

Послѣ раздачи крестовъ были собраны всѣ офицеры; командующій благодарилъ ихъ, указывалъ на то, что теперь они убѣдились воочію, съ какимъ врагомъ имѣютъ они дѣло и какими средствами обладаютъ для побѣды надъ нимъ; онъ говорилъ, что увѣренность въ успѣхѣ, въ силѣ русскаго штыка, въ грозномъ могуществѣ русской артиллеріи должна проникнуть въ сознаніе офицера послѣ этого боя, и больно было слушать эти слова, а вопросъ: „зачѣмъ же мы ушли отъ Дашичао"?—мучительно оставался безъ отвѣта. Такъ случилось. А нужно ли было такъ? Никто этого не говорилъ. И теперь японцы продолжаютъ свое наступленіе, но у Хайчена трудно ихъ встрѣтить, какъ слѣдуетъ: теперь они подкрѣпились, оправились, бодры духомъ отъ счастливо законченной операціи и встрѣчать ихъ нужно уже навѣрное, а Хайченскія позиціи для упорнаго боя не годятся.

Вечеромъ пронеслась тревожная вѣсть о стыч-

кахъ нашихъ аріергардовъ; японцы наступали; отряды генерала Мищенко и Генерала Ш. были въ довольно скверномъ положеніи. Мы должны были отойти назадъ, чтобы имѣть Хайченскія позиціи впереди себя, на случай необходимости ихъ занять. 18-го вечеромъ мы были въ Іотунѣ, чуть къ сѣверу и къ западу отъ Хайчена, верстахъ въ 3-хъ отъ него.

$\frac{20-21}{VII}$ 04. 53 градуса жары; удушливая, назойливая пыль, горячій воздухъ, застывшій въ своей неподвижности... Что то подавляющее, унылое чувствуется вездѣ; дышать нечѣмъ, глаза болятъ и отказываются что либо видѣть—все укутано облаками пыли, избитой тысячами ногъ. 3 корпуса съ обозами, съ транспортами и парками отступаютъ отъ Хайчена къ Ляояну. Ужасная, грустная картина! Какое полотно, какія краски передадутъ то, что дѣлается на этомъ многоверстномъ пространствѣ. Можно было бы нарисовать отдѣльные потрясающіе эпизоды, детали, сцены, но немыслимо дать хотя слабое представленіе о всемъ томъ, что зовется этимъ зловѣщимъ словомъ „отступленіе". Если бы тутъ былъ великій музыкантъ, то развѣ только грандіозная музыка симфоніи, полная глубокаго драматизма, могла отразить и запечатлѣть въ себѣ все, что волнуетъ и тяготитъ душу въ этой обстановкѣ.

Солнце нещадно палило, словно хотѣло сжечь все живое и обратить его въ пепелъ. Земля, стѣны

фанзъ горячи, какъ раскаленныя печи, въ тѣни деревьевъ не легче, потому что воздухъ нагрѣтъ всюду; эта жара и духота, отъ которыхъ нѣтъ никакой защиты, и сознаніе, что съ каждымъ часомъ будетъ все жарче и жарче, положительно приводитъ въ отчаяніе. Пѣхота едва двигается уныло и медленно, ноги едва несутъ изнемогшее отъ жары и двухдневнаго послѣдняго аріергарднаго боя тѣло; полки двигаются разрозненными рядами, позади остаются окончательно выбившіеся изъ силъ люди. Ужасенъ видъ этихъ утомленныхъ солдатъ: я видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ прилегъ у дороги, и на его запыленномъ, грязномъ лицѣ, въ этомъ остановившемся взглядѣ, была какая то отчаянная послѣдняя мысль—„я больше не пойду“; мимо шли офицеры, начальство, всѣ смотрѣли на этого лежавшаго солдата, а онъ безстрастно едва вскидывалъ на нихъ свои глаза, но вся его поза, безпомощно протянутыя ноги и тяжело дышавшая грудь говорили, что его не сдвинутъ дальше никакія силы, ни дисциплина, ни страхъ смерти, ни жажда награды, ему уже было все равно, онъ не могъ отличать ничего, что было внѣ его. Тутъ же идутъ два офицера, и отрывокъ ихъ разговора доносится до меня:... „Ну знаешь ли, послѣ этого подаютъ малину съ молокомъ! Малина, братъ, во-какая“...— „И съ холоднымъ?“ торопливо перебиваетъ другой. „Что съ холоднымъ?“—„Да малина то, съ холоднымъ молокомъ, или нѣтъ?“—„Ну конечно, съ хо-

лоднымъ, чудакъ"!... Эти слова сказаны такъ убѣжденно, даже съ укоризной—какъ это, молъ, человѣкъ не понимаетъ, что малину и нельзя иначе ѣсть, какъ съ холоднымъ молокомъ. Это въ жару, въ 53 градуса, въ непроглядной пыли, чуть не падая отъ утомленія, напрягая послѣднія усилія, разсказывать о малинѣ съ холоднымъ молокомъ! Вѣдь это цѣлая картина изъ жизни человѣческой души! Помню, какъ во время злополучной развѣдки въ жару тоже не менѣе 50 градусовъ, когда мы лазали по горамъ, большинство общихъ разговоровъ оканчивалось мечтами вслухъ о крюшонѣ изъ свѣжихъ ягодъ, о ботвиньѣ съ балыкомъ, о холодномъ, трепещущемъ варенцѣ съ черными сухарями...

А вотъ, поднимая густую, желтую пыль, тихо двигается вереница повозокъ, лошадей и людей— это несутъ и везутъ раненыхъ. Трупъ убитаго офицера перекинутъ черезъ сѣдло и накрытъ полотнищемъ палатки; ноги и голова рѣзко стукаютъ о стремяна, тѣло обрисовывается неуклюжими вздрагивающими буграми подъ холстомъ; лошадь, понуривъ голову, едва бредетъ, взбивая уставшими ногами пыль.

Двуколки безжалостно трясутъ и безпокоятъ раненыхъ; многіе, если только могутъ, предпочитаютъ кое-какъ двигаться пѣшкомъ. Тихо, убійственно тихо подвигается это шествіе, и, кажется, что сама смерть безжалостная и ужасная идетъ во

главѣ, укутанная тяжелыми удушливыми облаками.

Вотъ поднимаютъ и несутъ упавшаго солдата — солнце сдѣлало свое дѣло и едва-ли упавшій оправится, такъ какъ тепловой ударъ бьетъ почти навѣрное; одного схватили и съ трудомъ удерживаютъ нѣсколько человѣкъ, онъ рвется и что-то кричитъ: это не пьяный, нѣтъ,—этотъ не перенесъ жары, его мозгъ не выдержалъ и отказался служить; въ этотъ день не мало было такихъ случаевъ, особенно въ пѣхотѣ.

21-го мы пришли въ Айсяндзянъ и стали бивакомъ въ деревнѣ Сифантай верстахъ въ двухъ отъ станціи желѣзной дороги. Вечеромъ я былъ въ Ляоянѣ.

Много трудовъ стоило добраться до Ляояна. Правильнаго росписанія поѣздовъ нѣтъ, такъ что, явившись на станцію, не знаешь и не можешь узнать, когда и куда пойдетъ поѣздъ. Меньше всего, конечно, объ этомъ знаютъ начальникъ и дежурный. Проходитъ 3—4 часа пресквернаго нетерпѣливаго ожиданія, наконецъ, какъ всегда, случайно узнаешь, что поѣздъ стоитъ гдѣ-то на восьмомъ пути и скоро отправляется въ Ляоянъ. Спотыкаясь о рельсы и шпалы, публика бѣжитъ къ поѣзду, перегоняя другъ друга, влѣзаетъ въ товарные вагоны, на тормаза, на нагруженныя платформы; проходитъ еще съ часъ, пока, наконецъ, безъ всякихъ звонковъ поѣздъ втихомолку отходитъ отъ станціи. Дойдя до перваго разъѣзда, машинистъ и

прочія власти, видимо, никакъ не могутъ оставить пассажировъ въ покоѣ: начинаются безконечные маневры, по одному отцѣпляютъ вагоны и переводятъ съ одного пути на другой; локомотивъ въ нѣкоторыя минуты положительно терялся и повидимому совершенно не зналъ, идти-ли ему впередъ или назадъ, и навѣрное самъ машинистъ предпочелъ бы, чтобы на какой-нибудь стрѣлкѣ его машина свернулась въ сторону, потому что онъ въ самыхъ невозможныхъ выраженіяхъ, вдохновенно ихъ комбинируя, ругательски ругалъ и стрѣлочниковъ, и составителя поѣздовъ, и кондукторовъ, и даже тѣхъ, кто не имѣлъ никакого касательства къ этимъ варварскимъ операціямъ, безжалостно производимымъ и съ составомъ поѣзда и съ пассажирами. Въ концѣ концовъ оказалось, что до Ляояна навѣрное могутъ доѣхать только тѣ, кто устроился на паровозѣ, такъ какъ онъ то уже непремѣнно дойдетъ, а всѣ вагоны были такъ перетасованы и развезены на разные пути, что многіе изъ жаждущихъ уѣхать оказались въ вагонахъ не прицѣпленныхъ къ поѣзду и, дѣлая отчаянныя усилія, бѣжали съ разныхъ концовъ и прыгали на ходу въ неожиданно уходившій поѣздъ. Никто на станціи и въ поѣздѣ до послѣдней минуты не знаетъ, какіе вагоны остаются, а какіе идутъ далѣе. Видимо все зависитъ отъ вдохновенія и отъ прихотливой фантазіи стрѣлочниковъ, изводившихъ насъ въ теченіе двухъ съ половиной часовъ своими рож-

ками. Машинистъ положительно неистовствовалъ, будучи принужденъ подчиняться этому рожку и метаться взадъ и впередъ, сцѣпляя и отцѣпляя вагоны.

Въ Ляоянъ мы уже прiѣхали часовъ около 11-ти вечера, проѣхавъ такимъ образомъ 22 версты въ теченiе 7-ми часовъ. Шелъ дождь, было темно. На вокзалѣ невозможно было добиться мѣста у столовъ, всѣ лакеи и бойки заняты. Пришлось идти ужинать въ садъ „подъ кампанеллу“; въ саду полное оживленiе: играетъ музыка, горятъ фонари, за столиками множество офицеровъ, всюду бѣгаютъ замученные лакеи. Занятый нами столъ сталъ быстро разростаться, появились новые знакомые, завязались разговоры, черезъ полчаса появились уже бутылки шампанскаго. Разговоръ замѣтно оживился, двое уже пустились предрѣшать будущiе дни Россiи, въ зависимости отъ выбраннаго ею „историческаго курса“.

Къ концу ужина подошла еще небольшая компанiя, среди которой былъ, или вѣрнѣе была, Михаилъ Николаевичъ Смолко *), женщина-переводчикъ, недавно прiѣхавшая, кажется, изъ отряда генерала Мищенко. Незадолго до этого времени въ какой-то газетѣ я читалъ корреспонденцiю, посвя-

*) Называю полнымъ именемъ, такъ какъ было бы совершенно безполезно скрывать подъ какими-бы то ни было буквами эту единственную въ своемъ родѣ женщину изъ всѣхъ бывшихъ въ Манчьжурiи.

щенную ей. Мнѣ было любопытно самому разглядѣть эту фигуру и, такъ сказать, установить, гдѣ кончается въ ней героическое и гдѣ начинается авантюра. Прежде всего не трудно было замѣтить въ обращенiи съ нею тѣхъ, кто былъ уже раньше знакомымъ не то пренебреженiе, не то фамильярность, которыя она сама, повидимому, чувствовала и силилась такъ или иначе замаскировать и придать имъ характеръ якобы добрыхъ дружескихъ отношенiй, но выходило это весьма искусственно и неловко. Сначала мнѣ было ее жалко и я мысленно осудилъ ее собесѣдниковъ, которые не хотѣли или не могли забыть ея полъ и дѣлали это довольно грубовато, но мало-по-малу, какъ это всегда бываетъ за долгимъ ужиномъ, оживленiе компанiи разросталось и я уже видѣлъ, какъ Михаилъ Николаевичъ стала по немногу входить въ свою настоящую роль—она видимо вовсе не нуждалась въ сожалѣнiи. Начались разговоры какими-то намеками, смѣшками, появилось нѣчто похожее на кокетство, но Боже мой, какъ странно было видѣть въ этомъ существѣ не мужского пола, одѣтомъ въ казачiй костюмъ, съ нагайкой черезъ плечо, проблески того, что присуще только женщинѣ! Какое могло быть кокетство съ грязными, давно не мытыми, руками, съ грубымъ обвѣтреннымъ и обожженнымъ маньчжурскимъ солнцемъ лицомъ, съ запутанными свалявшимися волосами, въ грубой солдатской рубахѣ, отъ которой пахло китайской фанзой?!

Мое любопытство было удовлетворено. Дальше, мнѣ казалось, не могло быть ничего интереснаго, а къ тому же надо было подумать о томъ, гдѣ ночевать, поэтому я сталъ прощаться; прощаясь со Смолко, я не утерпѣлъ и сказалъ ей: „Ну, Михаилъ Николаевичъ, георгіевскій крестъ можетъ быть вамъ и дадутъ, а героемъ вы никогда не будете". Эти слова произвели неожиданный эффектъ—Смолко не выпустила моей руки и начала приставать ко мнѣ, чтобы я подробнѣе объяснилъ, что я хотѣлъ сказать. Тогда я рѣшился быть любопытнымъ дальше и заняться неоффиціальнымъ интервью съ этой особой. Мнѣ кажется, что я совершилъ бы нескромность, разсказавъ въ своихъ запискахъ всѣ ея тайны или, по крайней мѣрѣ, то, что она называла своими тайнами. Ихъ было не мало, такъ какъ мы бесѣдовали часовъ до 5-ти утра; она мнѣ разсказывала о своемъ замужествѣ, о желаніи получить георгіевскій крестъ во что бы то ни стало, о причинахъ, побудившихъ ее пуститься въ такую авантюру, о тяжести ея положенія въ отрядѣ, какъ женщины, которой приходится защищать себя чуть-ли не оружіемъ отъ посягательствъ со стороны даже генераловъ (она называла фамиліи, въ числѣ ихъ одного титулованнаго иностранца)—всѣ эти разсказы во мнѣ возбудили къ ней еще большее недовѣріе. Но это было еще полбѣды—интервьюеръ долженъ быть хладнокровенъ ко всякимъ небылицамъ, были несравненно болѣе опасныя осложне-

нія этой поздней, или вѣрнѣе очень ранней, бесѣды. Михаилъ Николаевичъ пустилась въ разговоры совершенно спеціальные, описывая свой идеалъ мужа, вулканическій характеръ своей натуры; попутно она касалась такихъ подробностей, что я, не будучи знакомъ въ достаточной мѣрѣ съ медициной, оказывался совершенно некомпетентнымъ въ такихъ предметахъ. Въ концѣ концовъ, она стала просить подарить на память ей кольцо, бывшее у меня на пальцѣ; тутъ только я понялъ, что пора кончить это интервью, которое вполнѣ достаточно уяснило мнѣ разнообразныя амплуа этого переводчика въ юбкѣ, тѣмъ болѣе, что въ разговорѣ она не разъ вспоминала о своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ. Впослѣдствіи оказалось, что судьба Смолко была полна превратностей: сначала она часто мѣняла мѣста службы въ различныхъ отрядахъ, слишкомъ часто, чтобы это можно было объяснить служебными условіями; затѣмъ, долгое время ютилась въ одномъ изъ корпусныхъ интендантствъ, что и было окончательнымъ переломомъ ея карьеры, а, наконецъ, кажется, даже утратила свое званіе переводчика, по крайней мѣрѣ ее стали называть совсѣмъ иначе... А переводчикъ она была прекрасный, потому что знала маньчжурскія нарѣчія въ совершенствѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствовали тѣ, кто пользовались ея услугами въ этой области *).

*) Вспоминается мнѣ еще одна корреспонденція о другой „выдающейся“ женщинѣ, у которой „вся душа, все ея существо ушли

$\frac{25-28}{VIII}$04. Двѣ недѣли, ужасныя, мучительныя недѣли, принесшія столько волненій, столько надеждъ и горькаго, больного отчаянія. Ляоянъ отданъ, онъ уже не нашъ! Когда ровно три мѣсяца назадъ мы покидали его, уѣзжая въ Дашичао, невольно думалось, что увидимъ вновь его „кампанеллу", простимся съ нимъ навсегда радостные, гордые побѣдой, счастливые окончаніемъ этихъ трудныхъ дней. Да, мы вновь его увидали, но утомленные, истерзанные трехдневнымъ тяжелымъ отступленіемъ отъ Айсяндзянскихъ позицій и покинули его, полные отчаянія, почти со злобой въ груди, съ затуманен-

въ глаза", кажется такъ объ ней писалъ патентованный и талантливый брехунъ—я видѣлъ ее не разъ и всегда мнѣ приходила въ голову эта характеристика, не имѣющая ни тѣни правды, ни относительно наружности этой женщины, ни тѣмъ болѣе ея души. Конечно, впечатлѣніе о внѣшности женщины—вещь весьма субъективная, но нужно обратить вниманіе на то, что, когда про женщину нельзя ничего сказать болѣе или менѣе лестнаго для нее, всегда говорятъ, что она добра, умна и обладаетъ замѣчательными глазами: это—общія, невинныя похвалы, расточаемыя вынужденной любезностью. Но, что еще понятно и простительно въ разговорномъ пустословіи, то, пожалуй, можно и не помѣщать въ корреспонденціяхъ съ театра войны, для которыхъ всегда найдутся найти темы серьезныя и интересныя, а главное темы, чуждыя личныхъ любезностей или порицаній—это господами корреспондентами усваивается, кажется, весьма туго. Что же касается до души этой женщины, то лучше было бы не вспоминать о ней подробно; можетъ быть, теперь ей самой стыдно вспомнить о своей свадьбѣ, разыгранной въ день начала осады Ляояна, о томъ, какъ главнокомандующій запретилъ ей пребываніе въ раіонѣ штаба арміи. Если вся душа этой женщины въ ея глазахъ, то, вѣроятно, ей приходится эти глаза часто закрывать, если въ ней кромѣ души есть еще и совѣсть.

ной головой и съ нестерпимымъ, ужаснымъ чувствомъ потери чего то дорогого и близкаго намъ.

14-го мы отошли отъ Айсяндзянскихъ высотъ. Нашъ командиръ корпуса былъ назначенъ начальникомъ всего южнаго фронта. Нужно было не оставлять восточный фронтъ, который въ эти дни тѣснился насѣдавшими японцами. У деревни Шахе пришлось задержаться, чтобы, въ свою очередь, не обнажить медленно отходящій правый флангъ восточнаго отряда, но держаться было трудно. Что было пережито въ этотъ день 16-го августа, едва ли можно описать. Теперь, вспоминая ночь съ 21-го на 22-е августа, можно сказать, что бываютъ положенія хуже, но тогда, 16-го, казалось, что катастрофа неминуема. Одна наша истомленная дивизія сдерживала напоръ японцевъ съ юга и прикрывала отступленіе трехъ корпусовъ. Правда, это происходило днемъ, время считалось 5-ю—6-ю часами, но каждый часъ несъ съ собой такое тяжелое ожиданіе, такія неожиданности и непріятности, что одинъ день стоилъ нѣсколькихъ. Когда къ вечеру мы добрались до высотъ передовыхъ позицій Ляояна и взглянули на равнину, обрамленную горами, съ которыхъ мы ушли, невольный вопросъ явился у всѣхъ—какъ же это случилось, что мы дошли сюда съ небольшими сравнительно потерями, уберегли въ своемъ корпусѣ всѣ орудія и обозы? Тѣ горы уже были заняты японцами, они уже копали батареи, но должно быть были такъ

утомлены, что не могли вынести свою артиллерію во время на верхъ и разгромить эти густыя колонны войскъ и повозокъ, подходившихъ къ Ляоянскимъ позиціямъ. Правда, было послано 2—3 снаряда, перелетѣвшихъ черезъ наши головы, но это было видимо послѣднее, что могли сдѣлать японцы— наугадъ пустить шимозу и этимъ удостовѣрить насъ, что они тутъ и преслѣдуютъ. Подъѣзжая уже къ Ляояну, мы получили извѣстіе, что одна батарея сосѣдняго корпуса оставила всѣ свои орудія въ грязи. Встрѣтивъ нѣсколькихъ артиллеристовъ этой батареи, мы стали ихъ разспрашивать о томъ, какъ случилось такое несчастіе. 16 лошадей не въ силахъ были вывезти каждое орудіе изъ грязи, пѣхоты было мало, люди выбились изъ силъ. Въ это время японцы открыли шрапнельный огонь и бывшіе около орудія бросились бѣжать въ гаолянъ. Разсказывавшій намъ фейерверкеръ былъ безъ сапогъ, въ разодранной рубахѣ, а пустые ножны отъ шашки сиротливо болтались сбоку—даже шашку онъ потерялъ во время бѣгства въ заросли гаоляна; положимъ, какъ онъ говоритъ, орудія попорчены, но едва ли въ такой суматохѣ они могли сдѣлать какую нибудь серьезную порчу.

Насколько утромъ японцы энергично тѣснили насъ, такъ что мы проснулись въ Шахе отъ начавшейся перестрѣлки, а когда черезъ полчаса собрались въ одной изъ фанзъ, то шрапнели уже рвались надъ деревней, настолько къ вечеру они

угомонились и почти бездѣйствовали, такъ что всѣ наши корпуса спокойно стянулись на передовыя позиціи Ляояна. Настала, повидимому, трагическая минута кампаніи. Мы сосредоточились, длина нашего фронта была доведена до minimum'а; позиціи Ляояна, прекрасно укрѣпленныя, и давно изслѣдованныя во всѣхъ направленіяхъ, были весьма надежны; наконецъ, одно то, что эти позиціи были у Ляояна, этого центра, гдѣ находились всѣ склады, всѣ управленія, главная квартира—все это заставляло думать, что бой у Ляояна будетъ рѣшительнымъ боемъ.

17-го съ утра начался артиллерійскій бой на передовыхъ позиціяхъ; всѣ горы къ востоку отъ наблюдательной горы Маѣтунь служили артиллерійскими позиціями. Хмурый ненастный день не позволилъ уѣхать далеко, чтобы посмотрѣть на начало осады Ляояна. Съ Мучанскихъ горъ отлично были видны всѣ наши батареи и резервы. На одномъ изъ редутовъ насъ собралось нѣсколько человѣкъ, досужихъ наблюдателей, среди которыхъ было нѣсколько иностранныхъ военныхъ агентовъ и мы, несмотря на дождь, просидѣли тутъ часовъ до 8-ми. На всемъ протяженіи южнаго и юго-восточнаго фронтовъ шла ожесточенная артиллерійская борьба; востокъ подозрительно молчалъ. Сколько мы ни вглядывались вдоль долины Тайцзыхэ—зеленѣющія сопки словно спали подъ грохотъ разгорѣвшейся канонады; наши батареи прекрасно

дѣлали свое дѣло: искусно поставленныя, онѣ были неуловимы для японцевъ и стрѣляли съ перерывами: пока японская батарея нащупываетъ нашу, наша молчитъ, притаившись гдѣ нибудь въ гаолянѣ; вотъ японскіе снаряды начинаютъ падать все чаще и чаще, въ большинствѣ случаевъ далеко позади нашей батареи—она совсѣмъ замерла, ни звука, ни движенія; вдругъ замелькаютъ огненные быстрые языки 8-ми или 12-ти орудій и 3—4 очереди снарядовъ льются на японскую батарею — сразу ея огонь прекращается и зловѣщихъ бѣлыхъ дымковъ непріятельскихъ шрапнелей болѣе не видно на нашей батареѣ.

Изрѣдка доносится глухой рокотъ ружейной перестрѣлки: гдѣ то идетъ пѣхотная атака, но гдѣ, не видно и только по учащающейся трескотнѣ можно предполагать, что гдѣ то сошлись уже близко, близко другъ къ другу. Вдругъ сразу смолкла эта непрерывная дробь выстрѣловъ; это значитъ, что пули уже больше не нужны, дошли до штыка, сошлись грудь съ грудью, ожесточенные, уставшіе, почти безумные съ громовымъ „ура“, съ побѣднымъ „банзай“, на искривленныхъ губахъ. И эта зловѣщая тяжелая минута затишья рисуетъ воображенію ужасныя картины рукопашной схватки озвѣрѣвшихъ людей. Когда часамъ къ 9-ти мы вернулись въ деревню Далинцзы, гдѣ утромъ стоялъ весь нашъ штабъ, насъ (меня и румына) ожидалъ очень непріятный сюрпризъ: весь штабъ куда то

уѣхалъ, куда, конечно, никто не видалъ и не зналъ. И вотъ мы вдвоемъ, въ темнотѣ, въ грязи и подъ дождемъ отправились искать нашихъ; эти поиски ночью въ дурную погоду производятъ неважное впечатлѣніе. Хочется поскорѣе отдохнуть, обсушиться, голодъ уже даетъ себя чувствовать, а впереди непроглядный мракъ ненастной ночи, вдали направо вспыхиваютъ огни и гремятъ орудія, часовъ до 10-ти не прекращалась артиллерійская стрѣльба; навстрѣчу попадаются солдаты, обозы и постоянный, однообразный отвѣтъ „не могу знать" злитъ еще болѣе. Едва-едва часамъ къ 12-ти нашли мы нашъ обозъ верстахъ въ 7-ми къ сѣверу отъ Ляояна. Никогда до сихъ поръ я не испытывалъ такой симпатіи и благодарности къ ослу, какъ въ эту злополучную ночь: неожиданно раздавшійся его гнусный крикъ обрадовалъ меня безконечно; ревъ этого осла, принадлежавшаго одному изъ офицеровъ штаба, я всегда узналъ бы изъ тысячи, теперь онъ мнѣ подсказалъ и указалъ дорогу къ нашему обозу.

18-го рано утромъ при первыхъ выстрѣлахъ возобновившейся канонады мы съ румыномъ были на лошадяхъ и опять отправились искать нашъ штабъ, который, оказалось, перешелъ наканунѣ вечеромъ изъ Далинцзы въ другую деревушку.

У южнаго семафора на площади, гдѣ три мѣсяца назадъ командующій производилъ смотръ нашему корпусу, теперь собирался резервъ для начавшагося

боя. Одинъ полкъ только что прибылъ изъ Россіи и прямо съ платформы долженъ былъ отправиться въ бой. Стройной и грозной колонной стоялъ этотъ полкъ, ощетинившись блестящими штыками. Новое снаряженіе, бодрый видъ молодцоватыхъ солдатъ, представительный и бойкій командиръ—все производило прекрасное впечатлѣніе и только одинъ вопросъ назойливо просился на умъ: „ну, а каковы то вы будете въ бою и послѣ боя? куда дѣнутся ваши нарядныя рубахи хаки, гдѣ будетъ вашъ молодцоватый обликъ?“ Тутъ же рядомъ стоялъ одинъ изъ сибирскихъ полковъ—онъ только что вернулся изъ ночного боя, куда его посылали тормошить японцевъ ночью послѣ вчерашнихъ атакъ. Истомленные, почти оборванные солдаты, но стоило вспомнить дни Дашичао, Сахатана, Хайчена и глазъ невольно, словно сквозь эту выцвѣтшую рубаху, видитъ надежное твердое сердце, и съ вѣрою глядишь на нихъ, зная, что и въ наступающіе тяжелые дни они будутъ опорою и мощью нашей обороны—эти молодые, но уже испытанные, прославившіеся полки.

А стрѣльба все разгоралась, стекла жалобно дребезжали, и сидѣть въ комнатѣ около окна было небезопасно, нѣтъ, нѣтъ да и выпадетъ одно-другое стекло. Къ вечеру артиллерійскій огонь достигъ страшной силы: темнѣющіе силуэты горъ на югѣ и югѣ-востокѣ свѣтились непрерывными причудливыми узорами вспышекъ, разрывовъ; востокъ

опять молчалъ, а съ запада надвигалась огромная, тяжелая грозовая туча, рокоталъ громъ, яркая молнія загоралась трепетнымъ, ослѣпительнымъ блескомъ, и что то тяжелое, безконечно-грустное волновало душу при видѣ этой картины состязанія двухъ грозныхъ, неумолимыхъ стихій: раскаты грома сливались съ грохотомъ стрѣльбы, а огни разрывовъ, осыпавшихъ горы, были такъ ярки, разбѣгались такъ быстро по всей длинѣ позиціи, что, казалось, будто молнія спустилась съ облаковъ до земли, и эти двѣ грозы слились въ одну, охватившую и небо, и землю. Японцы дѣлали послѣднія отчаянныя усилія, стремясь пробиться сквозь наши окопы, но наша артиллерія и наши славные сибиряки не допустили до этого. Всѣ атаки по всему фронту были отбиты и только часовъ въ 9-ть утихъ этотъ ужасный бой.

Моросилъ дождикъ, было темно и грязно. Вдругъ, около нашего пакгауза, у семафора, раздался топотъ лошадей—пріѣхалъ командующій арміей. Большой сарай, скудно освѣщенный свѣчей, уродливый столъ изъ кое-какъ сложенныхъ досокъ, недопитыя кружки чая, разбросанныя повсюду карты, донесенія, полевыя книжки — все говоритъ о напряженной, лихорадочной работѣ; всѣ жадно ожидаютъ, что скажетъ командующій...

„Вы должны умереть тутъ въ Ляоянѣ, но не отдать его“... слышенъ спокойный звучный голосъ... „Помните, что на васъ возложена почетная задача“...

эти слова бьютъ по сердцу. Первый разъ, кажется, вся опасность и серьезность нашего положенія встала такъ очевидно въ душѣ каждаго изъ насъ... „Черезъ два дня я перехожу самъ въ наступленіе, Куроки переправляется черезъ Тайцзыхэ“ *)... И въ этихъ словахъ такъ много силы, твердой увѣренности, что предыдущія сдова о смерти не кажутся безповоротно страшными, чувствуется возродившаяся надежда на наше торжество. Эти нѣсколько минутъ, пережитыя въ тотъ вечеръ рядомъ съ тѣмъ, въ комъ была вся наша вѣра, останутся навсегда самыми незабываемыми, самыми яркими. И жутко, и радостно на душѣ... Много еще говорилъ командующій — говорилъ о полномъ успѣхѣ отраженія сегодняшнихъ атакъ, объ истощеніи японской арміи, объ отбитыхъ штурмахъ Портъ-Артура, о прекрасномъ дѣйствіи нашей артиллеріи. Одно только было грустно: онъ приказалъ отойти съ передовыхъ позицій внизъ въ форты. Правда, мы сближались еще больше, но тяжело отдать позиціи, за которыя въ эти два дня пролито столько крови, тяжело уйти съ этихъ позицій, на которыхъ такъ прочно держались наши войска. Нашъ командиръ корпуса назначенъ начальникомъ обороны Ляояна,

Дождикъ не переставалъ ни на минуту, было

*) Черезъ нѣсколько дней мы ожесточенно спорили—была ли сказана командующимъ фраза: „отдать Ляоянъ—это значитъ проиграть кампанію“. Вотъ примѣръ вполнѣ добросовѣстной разноголосицы—одни эту фразу слышали, а другіе не слышали!

холодно и темно. Улеглись спать кое-какъ, устроившись, кто на сѣнѣ, кто на мѣшкахъ съ мукой. Вдругъ, часовъ въ 12 тревожно пронесся звукъ ружейнаго выстрѣла, за нимъ другой, третій и полилась непрерывная трескотня... Всѣ проснулись, безпокойство и тревога были на лицахъ. Что это такое? А стрѣльба все усиливалась, безпокойство наше росло. Вѣдь это ночной штурмъ! Японцы гдѣ то рвутся черезъ наши окопы, въ темнотѣ трудно было сразу оріентироваться, гдѣ идетъ эта атака. Наконецъ, стрѣльба стала нестерпимой, отдѣльныхъ выстрѣловъ не было слышно, это былъ какой то несмолкающій ревъ, наводящій ужасъ,— пулеметы и ружья создали адскій огонь. Стоило только на минуту задуматься, вспомнить, что гдѣ то недалеко отъ насъ въ эту темную, угрюмую ночь наши солдаты и офицеры выдерживаютъ на себѣ безумную атаку подъ градомъ пуль въ этомъ хаосѣ звуковъ среди непроглядной темноты, озаряемой лишь далекими зарницами и огнемъ выстрѣловъ— страшно и больно дѣлалось въ душѣ. Вѣдь эти мученики третью ночь не смыкаютъ глазъ и бьются грудь съ грудью съ насѣдающимъ врагомъ. Больше часа шла отчаянная борьба, наконецъ, этотъ ревъ и трескъ стали утихать, по телефону доносили, что японцы пытались пробиться съ западной стороны отъ Маѣтуня по желѣзной дорогѣ, но были отбиты К-цами. Около 2-хъ часовъ заснули мы, получивъ это успокоительное извѣстіе.

Къ утру 19-го передовыя позиціи были оставлены, и были занята линія фортовъ, обнимавшая почти полнымъ кругомъ Ляоянъ *): въ промежуткахъ стояли наши батареи, въ большинствѣ случаевъ, спрятанныя въ гаолянѣ, такъ какъ вырытыя для нихъ земляныя сооруженія или были залиты водою, или, по отзывамъ батарейныхъ командировъ, были поставлены въ неподходящихъ мѣстахъ. Когда утромъ мы съ командиромъ корпуса ѣхали по линіи фортовъ, невеселыя думы приходили въ голову. Вотъ люди остаются въ этомъ форту, вѣдь навѣрно къ вечеру половины изъ нихъ не будетъ тутъ; они знаютъ, что можетъ быть черезъ минуту начнутъ по нимъ стрѣлять, а черезъ полчаса, черезъ часъ вблизи покажутся колонны японцевъ, настойчиво, неутомимо атакующія эти укрѣпленія; цѣлый адъ загорится надъ ними! И каждый разъ, прощаясь съ нѣкоторыми знакомыми офицерами, остающимися тутъ, такъ хотѣлось имъ сказать что-нибудь ласковое, ободряющее, но что бы ты ни сказалъ, все было бы такъ безцвѣтно, пожалуй, пошло, въ сравненіи съ той огромной, серьезной задачей, которая давалась этимъ людямъ, остававшимся на роковомъ посту: они уже ожидали смерть, каждый изъ нихъ навѣрно думалъ объ ней, и только молчаливымъ пожатіемъ руки приходилось сказать имъ „всего, всего хорошаго“! Какъ трогательно и даже декоративно мы

*) Офицеры-ординарцы отъ строевыхъ частей разсказывали, что японцы кричали „ура“, занимая наши позиціи.

прощаемся съ покойниками, уже ушедшими отъ насъ, безмолвными и безчувственными, а тутъ мы прощались съ живыми людьми, изъ которыхъ очень многіе черезъ часъ могли быть убитыми, изувѣченными и прощались такъ просто, словно до вечера говорили „до свиданія“. И, уѣзжая изъ фортовъ, не одинъ разъ я видѣлъ устремленные вслѣдъ намъ глаза оставшихся—какія мысли, какія чувства были въ этихъ прощальныхъ взглядахъ! Отъ глубокой грусти и тоски до отчаянія и, пожалуй, до ненависти, все можно было тутъ прочесть!!...

Но сколько было и удивительнаго спокойствія, преданности своему долгу до полнаго забвенія себя и своего страха. Помню, одинъ совсѣмъ молодой подпоручикъ (гдѣ онъ теперь?), какъ онъ настойчиво, энергично просилъ прислать досокъ и настлать ихъ во рву редута, почти затопленнаго грунтовою водою, просилъ не забыть приказать интенданту прислать хлѣба, сухарей и чаю солдатамъ, разспрашивалъ, гдѣ найти штабъ, куда посылать донесенія — ему былъ ввѣренъ цѣлый редутъ, призракъ котораго онъ можетъ быть не разъ проклиналъ на репетиціяхъ фортификаціи, а теперь онъ заботился о немъ, какъ о самой дорогой своей собственности, ему поручена жизнь сотней людей, и онъ слитъ съ ними въ одно цѣлое, они вмѣстѣ будутъ стрѣлять, отбиваться и, быть можетъ, умирать въ этихъ рвахъ, залитыхъ мутной, холодной водой...

Часовъ съ 12-ти дня началась бомбардировка

Ляояна осадными орудіями—снаряды рвались надъ станціей и у Ляоянской башни. Часа въ 4 мы обѣдали въ Чжаоцзялинѣ у сѣверной стѣны Ляояна. Можетъ быть невольно для самихъ себя почти каждый старался быть веселѣе и непринужденнѣе обыкновеннаго; шелъ юмористическій разговоръ на ту тему, какъ мы будемъ „безъ послѣдней капли крови“ покидать Ляоянъ, какъ мы блѣдные, почти скелеты, поплетемся черезъ мостъ... Вдругъ раздался знакомый свистъ шимозы... Все ближе и ближе... Мы подняли головы, свистъ усиливается, переходитъ уже въ ревъ, и въ сосѣднемъ дворѣ разрывается эта пренепріятная залетная гостья. Всѣ переглянулись и поняли другъ друга... Скверное ощущеніе, когда снарядъ пролетитъ черезъ голову! Дѣлается очень яснымъ, что онъ можетъ упасть и рядомъ, недолеты какъ то спокойнѣе, но стоило только сообразить, что отъ этихъ чудовищъ не упрячешься ни въ какой фанзѣ и приходилось безъ ропота примириться съ своимъ положеніемъ, хотя видимо было, что всякія стѣнки, хотя бы изъ глины, плетни, толстыя деревья стали какъ будто всѣмъ дороже и милѣе сердцу; по крайней мѣрѣ было замѣтно явное тяготѣніе къ этимъ по существу вполнѣ невиннымъ закрытіямъ. Разрывъ шимозы—это совсѣмъ особый звукъ, какой то короткій, сухой и необычайно рѣзкій, словно ударъ огромнаго молотка по доскѣ, но самое ужасное въ немъ—это огромный столбъ чернаго, смраднаго дыма. Опасно-

сти отъ нея большой, повидимому, нѣтъ, такъ какъ гранаты слишкомъ глубоко закапываются въ землю, а оттуда уже вырываются камни, грязь въ густыхъ клубахъ злокачественнаго дыма, но одинъ видъ этихъ взрывовъ производитъ гнетущее впечатлѣніе, особенно съ непривычки.

Скверные эти были дни 19-е и 20-е число. Японцы словно обезумѣли, безъ отдыха днемъ и ночью они штурмовали форты, иногда будто въ какомъ то опьянѣніи, уже обезсилѣвъ совершенно, бросали ружья, но всетаки съ дикими криками бѣжали до бруствера, падали грудами подъ выстрѣлами, но за ними мчались новые ряды, и рвы, и волчьи ямы наполнялись до верха трупами этихъ беззавѣтныхь храбрецовъ, фанатиковъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера гремѣла кононада и трещала ружейная стрѣльба, цѣлый день напряженнаго ожиданія, тяжелаго безпокойства. Наступаетъ вечеръ, но знаешь, что и теперь еще не все кончено. Часовъ съ 11-ти ночи начинаютъ опять гремѣть осадныя пушки и ночью эти выстрѣлы и взрывы еще сильнѣе, еще рѣзче отдаются въ уставшемъ мозгу; какъ тяжелый кошмаръ этотъ гулъ, трескъ и ревъ безпощадно давятъ сознаніе наконецъ, даже перестанешь думать, когда же кончится этотъ хаосъ; въ какомъ то отчаяніи ложишься, куда попало, закрываешь глаза и впадаешь въ полузабытіе. На ночь ложимся одѣтые, лошади засѣдлены, обозы давно отправлены. Въ

одну изъ такихъ тревожныхъ ночей къ намъ во дворъ ворвался какой то саперный капитанъ и съ крикомъ „японцы за стѣной! вставайте“... началъ насъ всѣхъ будить. Въ первую минуту мы опѣшили, но ужъ слишкомъ была невѣроятна вѣсть, что японцы въ 10-ти шагахъ отъ насъ. Не стѣсняясь чиномъ и званіемъ этого капитана и еще менѣе стѣсняясь выраженіями, мы положительно вышибли этого господина съ нашего двора; онъ торопливо вскочилъ въ какую то повозку и умчался дальше, повидимому, нисколько не претендуя на такое съ нимъ обращеніе. Потомъ оказалось, что онъ еще въ Хайченѣ пытался произвести такую же панику. Былъ ли онъ больной или только временно ошалѣвалъ, мы не могли этого выяснить, такъ какъ нигдѣ больше не встрѣчали этого безпокойнаго человѣка.

Ночная стрѣльба вноситъ ужасное безпокойство: она дѣйствуетъ подавляюще, особенно подчеркиваетъ энергію и предпріимчивость противника, не даетъ отдохнуть людямъ, а главное указываетъ на преимущество артиллеріи, которая владѣетъ осадными орудіями, стрѣляетъ съ большихъ дистанцій и днемъ и ночью почти съ равнымъ успѣхомъ. Наши осадныя орудія были увезены изъ Ляояна и ихъ отсутствіе давало большія преимущества японцамъ. Два дня 19-го и 20-го шли разговоры и споры о томъ, привозить или нѣтъ эти орудія обратно въ Ляоянъ; наконецъ, къ вечеру

20-го была послана телеграмма о высылкѣ орудій къ утру 21-го, а въ ночь должны были быть построены батареи и утромъ 21-го мы могли бы отвѣчать японцамъ изъ своихъ осадныхъ пушекъ.

День 20-го былъ особенно тяжелымъ, три сибирскихъ полка съ праваго фланга нашихъ фортовъ должны были перейти въ контръ-атаку, чтобы обезпечить занятіе новыми частями фортовъ у самаго берега Тайцзыхэ. И эта контръ-атака въ теченіе ничтожнаго промежутка времени стоила огромныхъ жертвъ. Сердце похолодѣло, когда мы узнали о такомъ результатѣ! Прапорщикамъ пришлось командовать баталіонами, ротами командовали фельдфебеля и унтеръ-офицеры! Я случайно видѣлъ одного изъ офицеровъ участниковъ этого грустнаго предпріятія: онъ сидѣлъ на землѣ какъ то безпомощно протянувъ руки вдоль тѣла и прислонившись къ глиняной стѣнкѣ фанзы; запыленное, измученное лицо и безсмысленно остановившійся взглядъ говорили о чемъ то ужасномъ, пережитомъ этимъ человѣкомъ. Когда я подъѣхалъ и спросилъ, что съ нимъ, онъ началъ мнѣ что то разсказывать, но послѣ первыхъ отрывочныхъ, непонятныхъ словъ схватился руками за голову и, словно, въ какомъ то болѣзненномъ припадкѣ, качаясь изъ стороны въ сторону, началъ бормотать: „нѣтъ, вы скажите мнѣ, почему я живъ, почему я живъ, я васъ спрашиваю, какъ это случилось, вы знаете это?“... Видимо было, что онъ не могъ привыкнуть къ мысли, что

онъ остался цѣлъ въ этомъ аду, онъ даже не могъ радоваться этому рѣдкому благополучію, все въ немъ было сбито, смято, перепутано, начиная съ одежды, кончая мыслями. Провожавшій его солдатъ въ это время поднесъ ему въ котелкѣ воды, онъ съ жадностью припалъ къ водѣ и ясно было, что большаго ему ничего не надо, глотокъ воды это было для него единственнымъ доступнымъ и понятнымъ счастьемъ. У меня не хватило духа разспрашивать его дальше. Только къ вечеру мы узнали ужасныя подробности этой контръ-атаки.

Съ 10-ти часовъ вечера начался послѣдній штурмъ Ляояна. Страшный ревъ снарядовъ, эти оглушительные взрывы осадныхъ бомбъ, ружейный и пулеметный трескъ создали такой хаосъ звуковъ, отъ котораго казалось, что воздухъ рвется на части. Минуты затишья были еще ужаснѣе, онѣ отмѣчали собою рукопашныя схватки, молчаливую, кровавую борьбу на брустверахъ, во рвахъ укрѣпленій. Но всѣ донесенія были одинаково радостны, вездѣ японцы были отбиты или вѣрнѣе уничтожены, потому что отступали немногіе; ряды защитниковъ фортовъ были еще сильны, а груды труповъ японцевъ все росли и росли, волчьи ямы и рвы были наполнены ими до верху; было нѣсколько случаевъ, когда японцы добѣгали до наружнаго ската бруствера и залегали тамъ, а наши стояли съ своей стороны и не могли поднять головы, такъ же какъ и японцы не могли подняться выше, обоюдно рискуя

получить пулю въ голову; тогда наши бросались въ отчаянныя контръ-атаки, первые гибли подъ выстрѣлами, данными въ упоръ, но второго залпа японцы дать не успѣвали, и оставались всѣ на мѣстѣ, переколотые, разстрѣлянные и разбитые прикладами. За это время, при такомъ огромномъ числѣ убитыхъ и раненыхъ, ни у насъ, ни у японцевъ почти совсѣмъ не было плѣнныхъ—дрались до смерти, ожесточенные отчаяніемъ и надеждою рѣшительнаго давно жданнаго боя...

Въ эту ночь мы знали, что къ намъ везутъ осадныя пушки и ожиданіе ихъ успокаивало и ободряло всѣхъ. Ночью же командующій подозвалъ къ телефону начальника штаба корпуса и сообщилъ ему о своемъ успѣхѣ на востокѣ „купленномъ, къ сожалѣнію, дорогой цѣной“, какъ онъ выразился. Тонъ этого сообщенія былъ очень сдержанный, но всѣ, зная неизмѣнную серьезность командующаго, всегда чуждую какихъ бы то ни было эффектовъ, ожидали къ утру полнаго торжества, безконечно радостнаго и весьма важнаго, такъ какъ при успѣхѣ операціи генерала Куропаткина армія Куроки должна была почти навѣрное погибнуть. Часовъ въ 6 утра 21-го на форты было передано сообщеніе генерала Куропаткина. Минутъ черезъ 10 по всей линіи неслось неудержимое раскатистое „ура“,—это былъ искренній взрывъ давно жданной радости, въ груди росло какое то новое, небывало бодрое и сильное чувство; въ это время

начальникъ инженеровъ сообщилъ, что орудія уже ставятся на платформы построенныхъ осадныхъ батарей и что самое большее черезъ полчаса откроютъ отвѣтный огонь. Мы всѣ, собравшись во дворъ, пили чай и нетерпѣливо ожидали этого перваго громового выстрѣла нашихъ осадныхъ орудій... На душѣ было свѣтло, точно справлялся общій, давно ожидавшійся, праздникъ, стрѣльбы въ это время не было, настало затишье, а форты все еще гремѣли своимъ „ура"...

Въ эту минуту къ фанзѣ подскакалъ офицеръ: „пакетъ отъ командующаго арміей", проговорилъ онъ, подавая его начальнику штаба. Тотъ нетерпѣливо беретъ пакетъ, мы всѣ столпились около, жадно ожидая желанныхъ новостей... „Съ полученіемъ сего немедленно приготовьте все для очищенія Ляояна. Уничтожьте склады и мосты"... Вотъ что привезли намъ отъ командующаго арміей!..

Боже мой, какъ хотѣлось кричать изо всѣхъ силъ, что этого не можетъ быть, что это ошибка, что это, наконецъ, несправедливо, безконечно жестоко!

Какъ молнія пронеслась мысль броситься къ командиру корпуса, къ его ногамъ и умолять его ослушаться этого ужаснаго приказанія... Пусть эта мольба была бы дерзостью, преступленіемъ, но то, что сейчасъ происходило, какимъ словомъ можно было назвать этотъ ужасъ отчаянья и гибели всѣхъ надеждъ?.. Въ другія времена и другіе люди на-

вѣрное поступали бы такъ, какъ велитъ имъ сердце въ такія рѣдкія, единственныя минуты. Но мы всѣ были безмолвны, почти неподвижны.

Всѣ затихли, пришибленные, уничтоженные; пріѣхавшій офицеръ какъ то неловко стоялъ въ сторонѣ, словно чувствуя себя виновнымъ въ причиненномъ ударѣ. Это была только минута, одна небольшая минута, но она была несравненно ужаснѣе пережитыхъ 4-хъ дней. Первымъ очнулся командиръ корпуса. „Какъ же имъ сказать это?", проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, указывая рукой въ ту сторону, гдѣ катилось еще восторженное „ура".

И теперь, при этомъ звукѣ, положительно хотѣлось плакать, такъ было обидно и мучительно больно за тѣхъ, кто еще не знали о полученномъ приказанiи отдать Ляоянъ и не ожидали черезъ нѣсколько минутъ получить приказанiе еще разъ отдать нарождавшуюся побѣду, еще разъ перемѣнить взрывъ восторга на тупую, неутолимую боль отчаянія.

„Ну, идемъ распоряжаться" послѣ небольшой паузы рѣшилъ командиръ корпуса... Но ему пришлось пережить еще новое волненiе.

Нашъ сосѣдъ командиръ сосѣдняго корпуса ген. З. былъ извѣстенъ своимъ „нервнымъ" характеромъ и пока мы, ошеломленные полученнымъ извѣстiемъ, какъ бы застыли на одну-двѣ минуты, онъ уже былъ во дворѣ своей фанзы—тамъ началась

суета, поднялись крики, а самое скверное было то, что по его приказанію уже собрались по телефону сообщить на форты объ отступленіи... Нашъ командиръ, увидѣвъ весь этотъ переполохъ, который легко могъ перейти въ гибельную панику, словно помолодѣлъ и отъ досады, и отъ негодованія. Быстрымъ шагомъ онъ направился къ фанзѣ ген. З... Что тамъ было сказано, никто изъ насъ, конечно, не слышалъ, но вся суматоха мгновенно прекратилась.

Начался послѣдній актъ Ляоянскаго боя...

Весь день царила тишина, только часовъ отъ 2-хъ и до 3-хъ японцы еще разъ предприняли атаку, чуть не прорвались по желѣзной дорогѣ, но были отбиты и послѣ этого какъ будто бы успокоились.

Эта тишина не предвѣщала ничего добраго. Съ горъ японцамъ отлично были видны наши мосты, тянувшіеся обозы, безконечные поѣзда—наше отступленіе имъ было навѣрное извѣстно. И если они пустятся въ преслѣдованіе, хотя бы даже однимъ артиллерійскимъ огнемъ, подвинувъ свои батареи еще ближе, если польется этотъ непрерывный, убійственный дождь шрапнелей и шимозъ въ то время, когда наши войска будутъ переходить мосты, можетъ случиться роковая непоправимая катастрофа.

Ожиданіе темноты и переправы было тревожное... Нашъ штабъ собрался у сѣвернаго конца моста на пригоркѣ около 9-ти часовъ вечера. Ночь была ясная и звѣздная, но холодная и сырая.

Не нужно было имѣть особенно нѣжные нервы и чувствительное сердце, чтобы понимать всю глубину этой грустной трагедіи, которая была передъ нами. Бой подъ Ляояномъ, пятидневный ожесточенный бой двухъ огромныхъ армій окончился и мы оставляли Ляоянъ, уступали свое мѣсто... Пять дней весь міръ жадно слѣдилъ, слушалъ и читалъ о томъ, что происходило на этихъ горахъ и фортахъ, дѣйствительно облитыхъ кровью многихъ тысячъ людей, а завтра же повсюду пронесется вѣсть, что Ляоянъ отданъ русскими, что они отступили еще дальше на сѣверъ. Что же будутъ думать милліоны читателей, при видѣ этой телеграммы, хотя бы въ одну строчку: „Русскіе отступили отъ Ляояна“? Они, отдаленныя тысячами верстъ отъ этихъ мѣстъ и отъ этихъ людей, изстрадавшихся и измученныхъ на ужасной работѣ, какъ могутъ они иначе думать и разсуждать, какъ только на основаніи одного факта,—русскіе разбиты японцами еще разъ. Сколько горя, озлобленія, злорадства поднимется быстрой, горячей волной, и по Россіи, и по всему міру; сколько критиковъ, пророковъ, несносныхъ болтуновъ оповѣстятъ міру, и печатно, и въ разговорахъ, свои мысли и недомысліе и будутъ негодовать, злобствовать или сокрушаться надъ тѣмъ, что такою болью и такимъ страданіемъ отзывается въ душѣ участниковъ этого боя!?

Мосты къ востоку отъ желѣзной дороги уже горѣли, лѣвофланговый корпусъ перешелъ черезъ

рѣку, окрестныя деревни и предмѣстье Сигуань занялись заревомъ пожара; густые клубы дыма, пронизаннаго искрами, поднимались къ почернѣвшему звѣздному небу, рѣка плескалась и бурлила, отражая въ своихъ волнахъ отблески зловѣщихъ огней, а кругомъ было тихо, ни выстрѣла, ни движенія. Нашъ корпусъ все еще не перешелъ рѣку. Гдѣ наши полки и артиллерія?—почему японцы не преслѣдуютъ, не стрѣляютъ?—эти вопросы пока оставались безъ отвѣта и дѣлалось все тревожнѣе и тревожнѣе. Такое затишье грозило принести гибельную безпощадную бурю. Пожаръ разгорался сильнѣе, горѣли оставленные склады, хлѣбъ, овесъ, одежда, имущество Краснаго Креста и госпиталей, зарево занимало полгоризонта... *) Но вотъ раздался гулъ и громкій шорохъ колесъ артиллеріи, и черезъ нѣсколько минутъ потянулись части нашего корпуса. Тихо, не спѣша, безъ суетни, шли полки, но шли молчаливо, сосредоточенно, у всѣхъ должно быть была одна и та же глубокая, мучительная мысль и каждый таилъ ее про себя, зная, что никто не отвѣтитъ ему и не объяснитъ ничего.

... „Вы должны оставаться въ Ляоянѣ до по-

*) Въ моей книжкѣ отмѣчено: „... въ это время (1 ч. ночи $\frac{21-22}{\text{VIII}}$) получено приказаніе отъ командующаго—„упорно оборонять рѣку“... Что это? Насмѣшка? Ляоянъ брошенъ, все сожжено и вдругъ—оборонять рѣку! Каково же смятеніе тамъ, откуда шлютъ такое приказаніе? Это—судороги утопающаго! Утромъ получено приказаніе—немедленно отходить къ Янтаю“...

слѣдней капли крови“, вспоминались въ эту минуту недавно слышанныя слова.

Зачѣмъ онъ говорилъ ихъ? Онъ, который долженъ знать, что каждое его слово, каждый жестъ ловятся на лету, запоминаются, хранятся въ сердцахъ слышавшихъ и видѣвшихъ его, какъ нѣчто дорогое и неизмѣнно вѣрное?

И думалось, что тѣ негодующіе и недовольные критики и судьи все таки счастливѣе насъ: у нихъ есть одна мысль, смягчающая ударъ—а можетъ быть болѣе серьезныя причины требовали отдать Ляоянъ? Но мы, которые слышали категорическое приказаніе не отдавать его, видѣть въ немъ судьбу кампаніи, какъ мы могли повѣрить, что нужно было измѣнить это рѣшеніе, принятое человѣкомъ, держащимъ въ рукахъ всѣ силы, всѣ средства? Онъ вѣдь не говоритъ ни одного слова, не взвѣсивъ всѣ „за“ и „противъ“, какъ могъ онъ такъ ошибиться? Или онъ, приказывая не отдавать Ляояна, не зналъ, что могутъ произойти случайности, требующія его сдачи, или, зная это, онъ только для поддержанія духа обороны говорилъ, что отступленія быть не можетъ? Какъ бы то ни было, но невольно чувствовалось, что угасаетъ и тускнѣетъ вѣра, а въ душу начинаетъ стучаться холодное, безотрадное отчаяніе. Это случилось съ нами въ ту ночь съ 21 на 22 августа. Мы отступали отъ Ляояна и оставляли въ немъ свою вѣру, свою прежнюю силу. Пьедесталъ пошатнулся, кумиръ могъ упасть...

О, въ эту ночь мы жалѣли не объ одномъ оставленномъ Ляoянѣ и его несчетныхъ жертвахъ, нѣтъ, въ душѣ поднимался другой вопросъ,—неужели же жившая въ насъ до сихъ поръ надежда не осуществится?..

Эти грустныя мысли были прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ: съ того берега раздались залпы и около насъ запѣли пули. Японцы шли по пятамъ за нашими частями и когда уже мостъ, у котораго мы были, былъ зажженъ, они съ того берега открыли стрѣльбу, но, вѣроятно, ихъ было не болѣе, какъ роты двѣ. Сейчасъ же К-цы отвѣтили дружнымъ, раскатистымъ залпомъ, гулко прокатившимся по водѣ и вскорѣ стрѣльба стихла. Все преслѣдованіе, которое насъ такъ тревожило, этимъ ограничилось. Что же это? Была ли это счастливая случайность, или несообразительность японцевъ, или какая нибудь ихъ оплошность, или, наконецъ, они были обезсилены? Въ третій разъ мы счастливо избѣгали преслѣдованія, которое могло привести къ полному разгрому.

Настроеніе войскъ было скверное, трудно было бы поручиться за стойкость и спокойствіе солдатъ, если бы японцы энергично стали насъ преслѣдовать, хотя бы однимъ огнемъ. Пять дней наши держались, какъ желѣзные, неуязвимые герои сказокъ и былинъ, но разъ теперь это спокойствіе было нарушено и вмѣсто страстно жданнаго „впередъ“ имъ приказано идти назадъ—теперь ихъ оста-

новить для новаго боя было бы, пожалуй, трудно...

До вечера 24-го собиралась наша армія изъ подъ Ляояна. 8 корпусовъ со всѣми ихъ обозами и госпиталями заполняли 30-ти верстное пространство сплошной толпой. И картина этого отступленія было по истинѣ безотрадна. Правда не было паники, суеты, все двигалось тихо, словно катилась огромная волна отъ Ляояна на сѣверъ, но въ этой медлительности было столько трагизма, чувствовалась такъ ясно безвозвратная потеря чего то дорогого, что грустныя мысли не оставляли ни на минуту свидѣтелей этого, какъ потомъ говорили, „безпримѣрнаго отступленія“.

Куроки не удалось отрѣзать нашъ путь, но ему достаточно было преслѣдовать нашу армію, а главное внести панику и разстройство въ разрозненныя части. Было нѣсколько случаевъ, когда казалось, что многіе обозы погибнутъ, останутся невытащенными изъ грязи; колеса уже до верху увязали въ тягучей, засасывающей массѣ, лошади и люди выбивались изъ силъ, но саперы быстро наводили гдѣ нужно мосты, засыпали канавы, выравнивали откосы; начальство въ большинствѣ случаевъ энергично распоряжалось, чтобы каждый мимо идущій помогалъ чѣмъ могъ и въ результатѣ обозы, артиллерія и снаряды благополучно ушли до Мукдена; то, что осталось не увезеннымъ, совершенно ничтожно сравнительно со всѣмъ этимъ огромнымъ хозяйствомъ арміи.

Обозы,—это вѣдь тоже цѣлая армія. Когда на протяженіи десятковъ верстъ видишь непрерывную колонну повозокъ самыхъ разнообразныхъ величинъ и фасоновъ, невольно спрашиваешь себя, да откуда же это все взялось? Эта огромная тяжесть, связывающая движеніе арміи, но въ то же время столь для нее необходимая, обнаруживается и даетъ себя чувствовать только при отступленіи. Въ дѣйствительности оказывается невозможнымъ обозы и войска эшелонировать по правиламъ уставовъ и учебниковъ. Обозы разныхъ разрядовъ перемѣшаны, полки, дивизіи и корпуса разбились, перепутали свои дороги и въ концѣ концовъ вся армія отступала въ сущности по одной дорогѣ, вмѣсто семи или восьми, указанныхъ схемой для отступленія; произошло это, вѣроятно, по той простой причинѣ, что только одна эта дорога была болѣе или менѣе проходима, а всѣ остальныя были совершенно негодны для движенія.

Армія отступала! Какъ эти слова не соотвѣтствовали тому, что происходило за эти три дня. Гдѣ солдаты, гдѣ полки, гдѣ что нибудь похожее на строй? Ничего воинственнаго, грознаго не было въ этихъ безпорядочныхъ толпахъ людей, уныло бредущихъ вдоль желѣзной дороги по направленію къ Мукдену; и одежда, и общій обликъ, эти понурыя головы, еле двигающіяся ноги, все было такъ жалко, такъ грустно; только винтовка и патроны изобличали солдата; рубахи выцвѣли и

смылись подъ дождемъ и солнцемъ; сапогъ у большинства не было, шли или босые или въ самодѣльныхъ причудливыхъ туфляхъ, погонъ нѣтъ; фуражки у многихъ замѣнены китайскими соломенными шляпами—и это была грозная армія, пять дней дравшаяся съ такимъ геройствомъ подъ Ляояномъ, а теперь обреченная на утомительные переходы, связанные со страшной работой вытаскиванія орудій и повозокъ изъ грязи.

Вотъ бредутъ по одиночкѣ солдаты того полка, который 18-го числа только что прибылъ изъ Россіи и стоялъ такимъ блестящимъ и наряднымъ на площади у семафора въ Ляоянѣ, готовясь сейчасъ же идти на позицію. Не осталось и слѣда отъ этого молодцоватаго полка, все потускнѣло и развалилось. Эти славные бравые молодцы, такъ внушительно стоявшіе на площади, хорошо и удобно одѣтые и снаряженные, теперь плетутся кое-какъ, еле двигая уставшими ногами, рубахи порвались и выцвѣли, винтовки заржавѣли, сапоги износились, мѣшки съ вещами брошены, а въ груди горе и боль отъ недавняго боя. Разсказываютъ, что въ первый разъ новички не выдержали и дрогнули... А вотъ бредутъ наши сибиряки: да они такіе же, какими были 15-го и 17-го, и вчера, и сегодня, сѣрые, однообразные! Въ эту войну сибиряки, повидимому, перещеголяли „россійскихъ“—это общее установившееся мнѣніе. Въ комъ тутъ разница—въ офицерахъ или въ солдатахъ, сказать трудно. Офи-

церы, пожалуй, всѣ одинаковы, изъ однихъ и тѣхъ же училищъ, приблизительно одного воспитанія и образованія, которое, по мнѣнію иностранцевъ, у насъ весьма невысоки.

На вокзалѣ въ Мукденѣ можно встрѣтить множество офицеровъ, всѣхъ возрастовъ чиновъ и родовъ оружія; много симпатичныхъ и отталкивающихъ лицъ, но очень мало лицъ живыхъ, на которыхъ жила бы опредѣленная выработанная своя мысль и особенно это ясно въ разговорѣ, въ манерѣ говорить, разсуждать и спорить—нѣтъ своихъ мыслей, своихъ словъ, а нерѣдко встрѣчаются и такіе, про которыхъ, пожалуй, можно сказать, что у нихъ нѣтъ никакихъ словъ и мыслей. И всетаки эти люди умѣютъ умирать героями, умѣютъ увлекать за собою и подчинять себѣ беззавѣтно преданныхъ солдатъ. И развѣ не грустно, что даже такіе люди сильны и полезны—эта бѣдность мысли и чувства, крѣпко сроднившаяся съ ними, не мѣшаетъ имъ и не тяготитъ ихъ. Думается, какъ были бы они велики, если бы сбросили съ себя эту гніющую обузу, встряхнулись бы, оживились бы наплывомъ молодыхъ и здоровыхъ силъ и въ эту трудную минуту нашей общей жизни встали бы у своего дѣла съ здоровымъ, яснымъ умомъ! Но виноваты ли они?

Виноваты ли эти въ общей массѣ непритязательные, простые люди? Виноваты ли они въ томъ, что, умѣя умирать какъ герои, они не умѣютъ жить.

въ полной мѣрѣ этого слова. Жить тутъ, въ этомъ хаосѣ противорѣчивыхъ, страшныхъ коллизій, въ томъ великомъ кипѣніи событій, когда творится подлинная исторія—это не то, что мы привыкли называть жизнью... Но такъ ли? Въ томъ ли все дѣло, чтобы ощущать это „кипѣніе событій", ощущать около себя рожденіе исторіи? Эхъ, проклятая книжная душа!

Эти люди изнемогали отъ палящихъ лучей солнца или въ непроходимой грязи знаменитой мандаринской дороги; они умирали, перерѣзанные пополамъ вихремъ пулеметнаго огня; они шли въ атаку, будучи уже мертвецами, не владѣя ни однимъ изъ своихъ чувствъ, оглушенные, изнемогшіе, ослѣпленные; они переживали изъ часа въ часъ томительное, неумолимое, какъ судьба, ожиданіе смерти, и объ нихъ говорятъ—„а чувствовали ли они рожденіе исторіи?".

Нѣтъ, не чувствовали ничего и не думали ни о чемъ, но они исполнили все, что на нихъ было возложено, они, какъ идеальная машина, отдали всѣ 100% энергіи и ни одинъ человѣкъ, ни весь народъ, ни судъ исторіи не осмѣлятся ихъ упрекнуть... Отъ нихъ требовали ихъ жизнь и они ее отдали... Пусть философы и политики обсуждаютъ вопросы, какъ добиться рѣшенія нѣкоторыхъ задачъ иными путями, а не цѣною тысячъ жизней, но пока... иныхъ рѣшеній нѣтъ...

Я видѣлъ другихъ людей—ихъ было всего

15—20 человѣкъ, и они управляли всею жизнью того сложнаго явленія, которое отнынѣ зовется Ляоянскимъ боемъ. Я видѣлъ эту подавляющую, огромную работу, текущую безъ перерыва днемъ и ночью то спокойной струей съ ежеминутными телеграммами и разговорами по телефону о сухаряхъ, патронахъ и объ обозахъ, то вскипающую живой и жуткой волной, когда случалось что нибудь угрожающее и неожиданное... Я самъ вертѣлся какъ одно изъ маленькихъ колесъ этой машины, то писалъ приказанія, то сновалъ изъ форта въ фортъ, отъ деревни къ деревнѣ, разыскивая наши батареи или зарядные ящики парковъ, утѣшая себя мыслью, что надо же кому нибудь выполнять и эту работу, и боясь взглянуть въ глаза моимъ товарищамъ, которыхъ я встрѣчалъ на позиціи и съ которыми прощался, не будучи увѣренъ, что ихъ увижу черезъ нѣсколько часовъ... Я слѣдилъ за каждымъ движеньемъ, за каждымъ словомъ тѣхъ, кто управлялъ и владѣлъ всѣми нитями этого ужаснаго дѣйствія, я почти видѣлъ, какъ рождались тѣ или другія мысли и приказанія; передо мною жила и трепетала эта таинственная связь тѣхъ, которые „тамъ“ умирали, и этихъ, которые „здѣсь“ напрягали всю мощь своей жизни, своей мысли и памяти для того, чтобы достичь нѣкоторой цѣли, въ концѣ концовъ для того, чтобы смерть тѣхъ была использована въ наибольшей степени. Я живо помню тотъ ужасъ, которымъ дышитъ въ этой об-

становкѣ краткое приказаніе „такому то баталіону занять деревню"—вѣдь эти нѣсколько словъ шлютъ навстрѣчу смерти тысячу человѣкъ—эта мысль кажется чудовищной тому, кто, принявъ самоцѣнность жизни, противополагаетъ ее капризу личной воли... Но передъ лицомъ той страшной задачи, которая ставится войной, когда вопросы рѣшаются только жизнью и смертью, пока единственными аргументами въ историческомъ спорѣ народовъ—тогда это приказаніе, посылающее на смерть тысячи людей, не вызываетъ ни проклятій, ни ропота даже тѣхъ, кто посланы. Они пойдутъ и умрутъ; они выполнятъ все, что отъ нихъ потребовали. но и пославшій долженъ сознавать, что его рѣшеніе, его приказаніе—высшее, что могъ дать ему разумъ и его воля—это его послѣднее напряженіе.

Взаимное довѣріе—вотъ простыя слова, связывающія тѣхъ, кто умираетъ съ тѣми, кто управляетъ. Я вспоминаю эти простыя слова именно потому, что не разъ приходилось слышать рѣчи полныя озлобленія и недовѣрія къ тѣмъ, кто нелѣпыми, непонятными приказаніями утомлялъ и иногда губилъ людей.

Когда нибудь мы прочтемъ въ исторіи этой пока несчастной войны объ этихъ ошибкахъ, иногда о преступленіяхъ, но мнѣ думается, что на такихъ страницахъ не будетъ имени нашего корпуса и нашего штаба. И нѣсколько дней тому назадъ,

когда событія были въ полномъ разгарѣ, и теперь, когда все и всѣ поуспокоились, я слышалъ и слышу сотни разсказовъ, сплетенъ, пересудъ о только что пережитомъ и тутъ нѣтъ слѣда того, что было въ печальные дни Тюренчена и Вафангоу, когда одно слово „штабъ" произносилось незабываемымъ тономъ..

Можетъ быть я мало понимаю во всей этой работѣ, по близорукости не вижу упущеній, ошибокъ, но я не слышалъ ни отъ кого упрековъ или проклятій; я знаю, что у насъ въ корпусѣ не потеряно ни одного орудія, ни одного снаряда; во все время боя и отступленія не было ни одного скандала или несчастія отъ какой нибудь спеціально-штабной путаницы; я самъ видѣлъ всѣхъ этихъ людей, какъ они, начиная отъ командира корпуса, шестидесятилѣтняго старика, до юнаго ординарца, одинаково несли свое бремя и каждый изъ нихъ сдѣлалъ все, что только можно было требовать отъ нихъ.

Но одинъ разъ, въ то роковое утро 21-го числа, когда было получено приказаніе оставить Ляоянъ, въ моей душѣ поднялся упрекъ этимъ людямъ, съ которыми я сроднился за послѣдніе два мѣсяца.

Мнѣ грезилось, что выполненіе ихъ долга на всѣ 100% требовало чудовищнаго преступленія— ослушаться этого приказанія и остаться въ Ляоянѣ до конца.

Когда недавно я объ этомъ заговорилъ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба — онъ задумался, покачалъ головой и сказалъ: — „эхъ, молодой, молодой, молоды вы еще очень“...

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ ту минуту у нихъ у всѣхъ была та же мысль, что у меня, но я думаю никто не скажетъ, не сознается... какъ каждый изъ нихъ на нее реагировалъ внутри себя.

Была эта одна единственная минута, когда быть можетъ вся судьба кампаніи опиралась на это мгновенное чувство больше, чѣмъ на трезвую мысль и разсчетъ... но эта минута прошла, какъ всякая минута разъ и навсегда...

Я помню, что, когда командиръ корпуса отошелъ отъ насъ, я въ какомъ то изступленіи ударилъ ногой по ящику, на которомъ стоялъ нашъ чайникъ и кружки—все это разсыпалось съ грохотомъ и звономъ, и нашъ разсудительный К., Ляо-Мяо, какъ мы его звали, своимъ зычнымъ голосомъ обрушился на меня за этотъ безпорядокъ, думая, что я заразился паникой отъ безпокойнаго сосѣда, ген. З.

И сейчасъ мнѣ приходитъ въ голову: какъ ужасна судьба идей—если у нихъ есть судьба— эта идея, которая рѣшала быть можетъ судьбу войны,—несомнѣнно, родилась одновременно у всѣхъ здѣсь стоявшихъ, но родилась въ молчаніи, гдѣ то

въ тайникахъ души, никто ее не высказалъ вслухъ... и единственное дѣйствіе, фактъ, которымъ она проявилась—былъ опрокинутый чайникъ! Даже не слова, не ожесточенный споръ о томъ—можно ли ослушаться приказанія командующаго или нѣтъ!

И теперь, когда то утро осталось уже въ прошломъ, когда мы знаемъ подробности всѣхъ событій, когда въ штабѣ говорятъ, что „онъ" рветъ на себѣ волосы, узнавъ, что у Куроки были едва 2 дивизіи, я подвожу эти итоги и думаю, что тѣ, умиравшіе и измученные, выполнили всѣ свои 100%, а вотъ здѣсь, у насъ, нѣсколькихъ % не хватило... Сколько? Въ концѣ концовъ, быть можетъ, всѣхъ 100%! Можетъ быть единственное, что нужно было сдѣлать, и заключалось только въ томъ, чтобы не отдавать Ляояна еще одинъ—два дня, рѣшиться быть преступниками и ослушниками, скользнуть по лезвію между позоромъ осужденія и безсмертной славой. Можетъ быть...

А можетъ быть это лишь словесныя фантазіи человѣка, который много видитъ, много пишетъ, но ничего не дѣлаетъ... А фантазія въ такіе дни, когда нервы еще не успокоились, особенно горитъ. Она вспоминаетъ, что когда то намъ на лекціяхъ разсказывали, какъ адмиралу Нельсону во время одного боя доложили, что на суднѣ командующаго флотомъ поднятъ сигналъ отступленія...

Нельсонъ взялъ подзорную трубу, приставилъ ее къ своему выбитому глазу и воскликнулъ: „кля-

нусь честью, я не вижу этого сигнала!“—и сраженіе было выиграно...

У насъ не было Нельсона...

Но вѣдь были надъ нами еще люди, вѣрнѣе былъ только онъ одинъ, который держалъ послѣднюю нить... Вотъ, въ комъ подлинно жила и умирала исторія въ эти роковые дни. Его воля властвовала надъ каждой мыслью, надъ жизнью каждаго изъ насъ.

Сегодня мы читали оффиціальное донесеніе въ Петербургъ о Ляоянскомъ боѣ... Какой трагизмъ видѣть въ этихъ строкахъ самую безукоризненную правду въ смыслѣ изложенія фактовъ и въ то же время всѣми силами души ощущать до боли, до ужаса, что не эта правда главное...

Если вся обстановка Ляоянскаго боя—это только шахматная доска съ разставленными фигурами или карта верстового масштаба съ флажками и кружечками, то да, да, все это такъ—и подбитая „ось вращенія фронта“, и злополучный Янтай, и безпорядокъ въ дивизіи, только что пришедшей изъ Россіи, и угроза нашему тылу. И вотъ, на картѣ властная, разсуждающая рука беретъ флажки и переставляетъ ихъ на другое мѣсто, на нѣсколько дюймовъ къ сѣверу... И только!..

Ну, а что если надъ этими твердынями фортовъ, батарей и окоповъ Ляояна, надъ этими тысячами людей измученныхъ, но одушевленныхъ, надъ всѣмъ многоверстнымъ пространствомъ чужой,

далекой страны—почувствовать другой міръ, невидимый, связанный съ каждымъ сердцемъ, съ каждою мыслью всѣхъ тысячъ людей, брошенныхъ здѣсь и всѣхъ милліоновъ, оставшихся тамъ, на родинѣ?

Этотъ міръ идей, пламенныхъ надеждъ, страстныхъ ожиданій и молитвъ—вѣдь онъ былъ разлитъ тутъ, и надъ нами и въ груди каждаго изъ насъ... Вѣдь иногда въ суетѣ новогоднихъ пожеланій, праздничныхъ привѣтовъ или въ чуткомъ напряженіи во время театральнаго представленія ощущается такое единодушіе, что міръ мысли кажется живущимъ и реальнымъ. Усильте этотъ экстазъ „касанія иного міра“ до боли въ сердцѣ и вы почувствуете этотъ міръ такъ же, какъ мы видѣли наши форты, какъ мы слышали взрывы снарядовъ и рокотъ пулеметовъ...

И вотъ, сбита какая-то ось у Янтайскихъ копей, и какіе-то жалкіе, малодушные люди бѣжали въ судорогѣ ужаса смерти. И отъ этого рушился тотъ нетлѣнный и нездѣшній міръ?

Нѣтъ, нѣтъ! Этого не можетъ быть!

Не „ось вращенія фронта“ у Янтая подбита, а подбито и уязвлено то сердце, которое билось въ сосредоточіи этого чудеснаго міра! Это сердце должно было быть неуязвимымъ и живымъ, оно должно было непрестанно излучать изъ себя потоки творческой силы, одушевлять и освѣщать каждую минуту нашихъ дней. Оно то главнымъ обра-

зомъ и прежде всего должно было чувствовать рожденіе исторіи. Поэтому то, „онъ“ долженъ былъ все знать.

Но вѣдь онъ человѣкъ, онъ могъ многое не знать? Нѣтъ! Въ томъ то весь трагизмъ его судьбы: человѣческія силы его существа были призваны къ сверхчеловѣческому творчеству. Онъ былъ призванъ творить исторію, а его смутилъ эпизодъ, фактъ...

Дрогнуло это сердце, и великій міръ страданій, красоты подвиговъ эпическаго героизма, почти пережитой радости побѣды—все рухнуло, и тоскливый вздохъ пронесся отъ моря до моря, а можетъ быть и по всѣмъ материкамъ и морямъ земного шара. Русскіе отдали Ляоянъ!

Помню, какъ на школьной скамьѣ краснорѣчивый профессоръ насъ поучалъ „тайнѣ боевой линіи“, основанной на свойствахъ души бойцовъ—достаточно пробить эту линію въ одной точкѣ и вся линія дрогнетъ... Да, только одна точка и была поколеблена, но эта точка не была въ Янтайскихъ копяхъ—это была воля единственнаго человѣка, который долженъ былъ быть непоколебимымъ... Выполнилъ-ли онъ всѣ свои 100%?

Когда-нибудь будутъ обсуждать этотъ вопросъ, будутъ писать цѣлыя книги на эту тему, будутъ обвинять, защищать, критиковать, указывать наилучшія рѣшенія, но сейчасъ, только черезъ недѣлю послѣ этихъ потрясеній, когда судитъ не „наука“,

а уставшее, измученное сердце, суровыя слова осужденія кипятъ въ груди... Произошла катастрофа, и человѣческое сердце ищетъ виноватаго... И человѣческое отчаяніе находитъ виноватаго... „мы всѣ сдѣлали свое, а вотъ онъ, онъ чего то не зналъ, чему то не повѣрилъ, чего то не сдѣлалъ“!..

Быть можетъ, и даже навѣрное, онъ самъ мучается больше насъ, одинокій на вершинѣ своей власти, но еще ужаснѣе мучается Россія, какъ сонмъ человѣческихъ сердецъ, до сихъ поръ чуждыхъ другъ другу, но вдругъ заболѣвшихъ одною болью...

Русскіе отдали Ляоянъ... Чужой, неизвѣстный Ляоянъ! Отдали то, что никогда не брали!..

Но отчего слезы стоятъ въ глазахъ, когда повторяешь слова „Ляоянъ оставленъ нами“? И ужасно вотъ что: поймутъ-ли многіе холодные умники, тамъ далеко, въ Россіи, что отнынѣ Ляоянъ сталъ именно нашимъ, роднымъ и близкимъ?

Если для нихъ война—это только терминъ, только модное теперь слово, то надо бояться, чтобы это слово не опошлили, не обтерли, какъ многія, когда то живыя и яркія слова...

Привыкнутъ къ этому слову и въ безукоризненной игрѣ силлогизмовъ повѣдаютъ читающему и слушающему міру, что „отданный Ляоянъ“ не такая вещь, которая заслуживала бы печали и слезъ... и имъ повѣрятъ...

Повѣрятъ потому, что подобное этому пишутъ,

пишутъ часто и много. И, читая газету, думаешь: „гдѣ же ты Россія, родина—мать? Гдѣ то истинно глубокое горе, которое одинаково для всѣхъ?“ Говорили, что война не популярна... Но теперь то!? теперь?!

Обожгла-ли эта новая боль и холодныя, разсудительныя сердца и озлобленныя, недовольныя и тѣхъ, кто безстрастно переползаетъ изъ сегодня въ завтра, считая что Ляоянъ слишкомъ далекъ отъ его благополучнаго города и тѣхъ, кто въ извивахъ изощренной мысли хранитъ девизъ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“?

Быть можетъ, наконецъ, теперь всѣ одинаково поймутъ... нѣтъ не поймутъ, а почувствуютъ, что уже какой-то предѣлъ перейденъ, что пора эту далекую Маньчжурію считать не болѣе чуждою, чѣмъ Московскую губернію...

Пора, потому что иначе мы разойдемся далеко и безнадежно: иначе, тамъ въ Россіи, будутъ кричать—„надо кончать войну!“, а здѣсь, у насъ, гдѣ царитъ и зловѣщее горе, и потрясена былая вѣра, говорятъ все таки тономъ глубоко убѣжденнымъ: „подождите, война только еще начинается“...

1904 г. 1 Сентября. Мукденъ
у Императорскихъ могилъ.

Конецъ 1-ой части.

пишутъ [illegible] ету, думаешь: „гдѣ же [illegible] дѣ то истинно глубоко [illegible] всѣхъ?“ Говорили, [illegible] о теперь то!? теперь? [illegible]

Обо[illegible] одныя, разсудительн[illegible] едовольныя и тѣхъ, к[illegible] зъ сегодня въ завтра, [illegible] далекъ отъ его бла[illegible] кто въ извивахъ и[illegible] евизъ „чѣмъ хуже, т[illegible]

Быт[illegible] ѣ одинаково поймутъ [illegible] ствуютъ, что уже как[illegible] то пора эту далекую [illegible] дѣе чуждою, чѣмъ Мо[illegible]

Пора [illegible] емся далеко и безнад[illegible] будутъ кричать—„в[illegible] у насъ, гдѣ царитъ [illegible] былая вѣра, говорятъ [illegible] ѣжденнымъ: „подожд[illegible] ется“...

1904 [illegible]

у И[illegible]

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

65